

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2024

Том 24
Выпуск 4

Михаил Хорт

Гибридная эпистемология
добродетелей
для философии науки

Светлана Оболкина

Машины виртуальности

Андрей Майданский

Э.В. Ильенков о системе категорий
диалектической логики

Ирина Журбина

Фигура патриота
в современной политике

Александр Белоусов

Дмитрий Давыдов
Елена Кочухова

Городские конфликты
в регионах России:
факторы эскалации
и стратегии урегулирования

Виталий Гашков

Политика идентичности
в российских агломерациях:
кейсы Краснодара
и Ростова-на-Дону

Владимир Горбань

Историографический анализ
психологических теорий права

Артур Мочалов

Цифровые следы человека
и неприкосновенность
частной жизни

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 4

Екатеринбург – 2024

Главный редактор

Виктор Николаевич РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Цинянь АНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук, доц.; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания), д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИПОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); КиберЛенинку; базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI); международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 г. В 1999–2018 гг. выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 г. журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте <https://www.ural-press.ru>).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Russian Academy of Sciences

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 24

Issue 4

Ekaterinburg 2024

Editor-in-Chief

Viktor N. RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Ekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); **Qinian AN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Petr PANOVA** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal has been included into the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of science should be published (specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). It is indexed and referenced in the Russian Science Citation Index (RSCI); CyberLeninka; RSCI database on the Web of Science platform; EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Founder and Publisher

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The journal has been published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal has been published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency "Ural-Press" (contacts of the nearest offices are to be found on the website <https://www.ural-press.ru>).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 5, 2019.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Хорт М.Г.</i> Гибридная эпистемология добродетелей для философии науки.....	7
<i>Оболкина С.В.</i> Машины виртуальности	29
<i>Майданский А.Д.</i> Э.В. Ильенков о системе категорий диалектической логики.....	53

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Журбина И.В.</i> Фигура патриота в современной политике	73
<i>Белоусов А.Б., Давыдов Д.А., Кочухова Е.С.</i> Городские конфликты в регионах России: факторы эскалации и стратегии урегулирования.....	94
<i>Гашков В.О.</i> Политика идентичности в российских агломерациях: кейсы Краснодара и Ростова-на-Дону	126

ПРАВО

<i>Горбань В.С.</i> Историографический анализ психологических теорий права	141
<i>Мочалов А.Н.</i> Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни.....	164
Книжная полка.....	190

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>M. Khort.</i> Hybrid Virtue Epistemology for the Philosophy of Science.....	7
<i>S. Obolkina.</i> Virtuality Machines.....	29
<i>A. Maidansky.</i> Evald V. Ilyenkov’s Perspective on the System of Categories in Dialectical Logic.....	53

POLITICAL SCIENCE

<i>I. Zhurbina.</i> The Figure of The Patriot in Contemporary Politics.....	73
<i>A. Belousov, D. Davydov, E. Kochukhova.</i> Urban Conflicts in Russian Regions: Escalation Factors and Resolution Strategies.....	94
<i>V. Gashkov.</i> Identity Politics in Russian Agglomerations: Krasnodar and Rostov-on-Don Cases.....	126

LAW

<i>V. Gorban.</i> A Historiographical Review of Psychological Theories of Law	141
<i>A. Mochalov.</i> Human Digital Footprints and Privacy	164
Shared Shelf	190

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Хорт М.Г. Гибридная эпистемология добродетелей для философии науки // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 7-28. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_7

УДК 168.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_7

Гибридная эпистемология добродетелей для философии науки

Михаил Геннадьевич Хорт

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия

E-mail: mikhort@gmail.com

*Поступила в редакцию 07.03.2024, поступила после рецензирования 23.08.2024,
принята к публикации 16.09.2024*

Данная статья представляет собой исследование применимости эпистемологии добродетелей в дискурсе философии науки. Автор считает, что имеющиеся в современной философии науки подходы уделяют недостаточное внимания роли субъективных эпистемических характеристик в научной практике, сосредотачиваясь либо на социальных условиях производства знания (проект STS), либо на исследованиях методологии и критерия демаркации (проект постпозитивизма). При этом произошедший в эпистемологии ценностный поворот привносит в философию науки субъектоцентрированность, предполагающую обсуждение дисциплинарных границ не только как разницу в методологии, но и как разницу в культивируемых сообществом ученых интеллектуальных добродетелей. Актуальность исследования обусловлена потребностью использовать концептуальные схемы из современной теории познания для обсуждения научных дисциплинарных норм, имеющих

© Хорт М.Г., 2024

как ценностное, так и когнитивное содержание. Цель статьи заключается в предложении способа применения эпистемологии добродетелей как теоретической установки для оценки роли субъективных качеств ученых в процессе достижения целей науки. Теоретико-методологическая основа статьи – гибридная эпистемология добродетелей, предложенная Х. Баттали и К. Хуквеем. Такая теория интегрирует релейабилитские и респонсибилитские подходы к определению интеллектуальной добродетели. Статья включает в себя обсуждение различных уровней интеллектуальных добродетелей, их влияния на научную деятельность, а также анализ проблем интеграции релейабилитских и респонсибилитских подходов к понятию интеллектуальной добродетели. В основных выводах работы подчеркивается важность гибридного использования различных интеллектуальных добродетелей для достижения целей науки, таких как получение доказуемых истин и формирование общего понимания в научном сообществе, необходимость учета ценностных установок, лежащих в основе научного поиска, а также влияние личных убеждений на формирование знания в научной сфере.

Ключевые слова: интеллектуальная добродетель, релейабилитизм, респонсибилитизм, философия науки, гибридная эпистемология добродетелей

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-78-01221 «Нормативная эпистемология науки: классификация и компаративный анализ интеллектуальных добродетелей и пороков ученых», <https://rscf.ru/project/23-78-01221/>

Hybrid Virtue Epistemology for the Philosophy of Science

Mikhail G. Khort

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

E-mail: mikhort@gmail.com

Received 07.03.2024, revised 23.08.2024, accepted 16.09.2024

Abstract. This article examines the applicability of virtue epistemology within the philosophy of science discourse. It argues that contemporary approaches in the philosophy of science often overlook the significance of subjective epistemic characteristics in scientific practice, tending to focus either on the social conditions of knowledge production (as seen in the Science and Technology Studies project) or on methodological and demarcation criteria (as emphasized in postpositivism project). Meanwhile, the recent value turn in epistemology introduces a subject-centered perspective to the philosophy of science, suggesting that disciplinary boundaries should be understood not only in terms of methodological differences, but also in terms of intellectual virtues cultivated by scientific communities. The relevance of this study arises from the need to employ conceptual frameworks from contemporary epistemology to discuss scientific disciplinary norms that encompass both value and cognitive content. The aim of this article is to propose a method for applying virtue epistemology as a theoretical framework for evaluating the role of scientists' subjective qualities in the pursuit of scientific knowledge. The author based his research on the hybrid virtue epistemology developed by Heather Battali and Christopher Hookway, which integrates *reliabilist* and *responsibilist* perspectives to defining

intellectual virtue. This article discusses various levels of intellectual virtue, their impact on scholarly activity, and the conceptual challenges associated with such integration. The main findings underscore the importance of a hybrid approach to different intellectual virtues in achieving scientific objectives, such as obtaining verifiable truths and supporting a shared understanding within the scientific community. Additionally, the study also emphasizes the necessity of considering the values that underlie scientific inquiry, and the influence of personal beliefs on knowledge formation within the scientific domain.

Keywords: intellectual virtue; relativism; responsibilism; philosophy of science; hybrid virtue epistemology

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-78-01221, titled “Normative Epistemology of Science: Classification and Comparative Analysis of Intellectual Virtues and Vices of Scientists”. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/23-78-01221/>

For citation: Khort M.G. Hybrid Virtue Epistemology for the Philosophy of Science, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 7-28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_7

Введение

Современная философия науки имеет корни либо в социологизаторских проектах в стиле STS (Science and Technology Studies), либо в постпозитивистских дискуссиях о статусе обобщенной научной методологии и критериях демаркации. При этом субъективные характеристики ученых привлекают внимание в основном только историков и биографов. Возможно, единственная философская область, для которой субъективные характеристики представляют специальный интерес, – это этика науки, поскольку она имеет дело с исследованием нормативных регуляций. Одновременно с этим в эпистемологии, которая должна служить теоретическим основанием для философии науки, происходит так называемый «ценностный поворот». Одним из наиболее важных аспектов этого поворота является возникновение и развитие эпистемологии добродетелей (Virtue Epistemology). Как отмечает А.Р. Каримов, «особенностью этого ценностного поворота, который совершает [эпистемология добродетелей], является ее субъектоцентрированность, проявляющаяся в том, что в качестве эксплананса в эпистемологии используются понятия, относящиеся не к свойствам абстрактных пропозиций, а ценностным свойствам познающего» (Каримов 2021: 9). Иными словами, данное направление характеризуется особым вниманием к тому, как когнитивный агент продуцирует убеждения и какие характеристики агента позволяют считать имеющиеся у него знания личной заслугой.

Использование концептуальной схемы эпистемологии добродетелей представляется перспективным в контексте дискуссий об основаниях науки как особой когнитивной практики, а также при обсуждении нормативной регуляции внутри сообщества ученых. В силу своих базовых установок эпистемология добродетелей успешно применяется в различных областях социальной и прикладной теории познания. Например, плодотворной оказалась интеграция эпистемологии добродетелей в исследования

по философии истории (Paul 2011), медицины (Emran 2015), а также теории принятия решений и управления, в философию критического мышления (Paul 2000) и политическую философию (Boult 2021). Растет количество публикаций, где эпистемология добродетелей применяется для решения проблем теории образования (Battaly 2006; Baehr 2015; Croce, Pritchard 2022). Исходя из всего этого, кажется, что не должно быть проблем с ее интеграцией в дискурс философии науки. Тем не менее в этом направлении можно назвать крайне небольшое количество работ, большинство из которых посвящены локальным темам вроде классификации профессиональных научных добродетелей (Dongen, Paul 2017) или связи интеллектуальных добродетелей с этическими (Engberts 2022). Подобная ситуация обусловлена тем, что теоретическая эпистемология добродетелей и философия науки подходят к своим проблемам по-разному. Если эпистемолог может поставить в качестве проблемы для размышления вопрос «чем является интеллектуальная добродетель?», то философ науки, вероятно, добавит «в каких условиях?», превратив вопрос в нечто вроде «какие интеллектуальные добродетели важны для российских лингвистов начала двадцатого века?». Таким образом, историзм и контекстуализм отличают добродетельную философию науки от спекулятивных эпистемологических исследований в этой области. Но говорить о роли интеллектуальных добродетелей в конкретных эпизодах научного развития возможно лишь тогда, когда имеется общее согласие относительно базовых понятий, а также способов их применения. Последнее до сих пор не было реализовано ни в рамках философии науки, ни в самой эпистемологии добродетелей. Это связано с тем, что эпистемология добродетелей дихотомически делится на два направления – релейабиллизм и респонсибиллизм, которые дают различные исходные дефиниции. Поэтому не вполне ясно, о каких добродетелях мы должны говорить, обсуждая практику научного исследования.

Целью данной статьи является предложение доводов в пользу сближения эпистемологии добродетелей и философии науки. При этом анализ будет ограничен общим уровнем, то есть речь пойдет о науке как когнитивной практике вообще, а не об отдельных дисциплинах. Исходя из этого, главная задача – предложить гибридную концепцию эпистемологии добродетелей, которая была бы плодотворна для дальнейших локальных исследований научной методологии, исследовательских норм и регуляции внутри сообществ ученых. Для решения поставленной задачи вначале будут рассмотрены достоинства и недостатки релейабиллизма и респонсибиллизма, а затем предложен концепт исследования со множественными целями, который, как ожидается, может выступать «общей скобкой», объединяющей разрозненные представления о роли интеллектуальных добродетелей в контексте науки.

Релейабиллизм, респонсибиллизм и возможность гибридной теории в эпистемологии добродетелей

В рамках современной эпистемологии сложились два альтернативных исследовательских подхода. Первый из них, который можно назвать

«доксастическим», рассматривает убеждение в качестве основного предмета анализа. По определению Х. Баттали, «в эпистемологии, основанной на убеждениях, убеждения являются первичными объектами эпистемической оценки, а знание и обоснование, являющиеся оценками убеждений, выступают как фундаментальные эпистемологические понятия и свойства» (Battaly 2008: 640). Убеждение в данной парадигме выступает в качестве «нейтральной среды», к которой добавляются различные эпистемические характеристики, превращающие его в знание или заблуждение. Среди таких характеристик традиционно называют обоснованность (Stefanov 2016), гарантированность (Plantinga 1993), нормативную поддержку (Goodman, Salow 2023) и т.д. Главной особенностью доксастического подхода в эпистемологическом анализе является игнорирование когнитивного агента, который является носителем рассматриваемого убеждения. В некоторых теориях это игнорирование происходит явно, как, например, в работе К. Поппера «Эпистемология без познающего субъекта» (Поппер 1983: 439-495). В таком случае убеждение рассматривается исключительно в своем пропозициональном выражении. Некоторые исследователи тем не менее отмечают, что убеждение – это еще и ментальное состояние, установка (attitude), что предполагает наличие субъекта-носителя установки (Nagel 2013). Но дальше подобной декларации сторонники доксастического подхода, как правило, не заходят, отмечая, что ментальные состояния – это предмет преимущественно психологического исследования, а не философского.

Второй подход, альтернативный доксастическому, – это эпистемология добродетелей (его также можно назвать «аретическим», от греч. arete – добродетель). Ее особенность в том, что она рассматривает когнитивного агента, а не убеждение в качестве основного предмета своего анализа. Хотя эпистемология добродетелей тоже стремится выработать максимально непротиворечивые дефиниции знания или обоснования (и вместе с тем решить традиционные эпистемологические проблемы вроде кейсов Геттиера, проблемы Менона или трилеммы Мюнхгаузена), для нее первично внимание к персональным состояниям и диспозициям интеллектуального поведения. В рамках эпистемологии добродетелей знание не сводится к его пропозициональному выражению в качестве истинного и обоснованного убеждения, но рассматривается как активная практика, реализующаяся когнитивными агентами в определенном контексте, которым может служить пространство обыденной коммуникации, научного исследования или междисциплинарного спора. Поэтому, как пишет С.Р. Муртазин, «одним из неявных оснований возникновения и развития данного направления [эпистемологии добродетелей] является возрастающее внимание к роли коммуникации в процессе формирования знания» (Муртазин 2021: 37).

Таким образом, если для доксастического подхода субъект второстепенен (достаточно, чтобы он был «мозгом в чане»), то в эпистемологии добродетелей он рассматривается как активно рассуждающий, мыслящий, обладающий репертуаром когнитивных способностей агент, чьи убеждения должны быть оценены в качестве результата реализации какой-либо интеллектуальной добродетели.

Связывая достижение познавательного успеха (в виде знания, истинного убеждения или понимания) с реализацией интеллектуальной добродетели, сторонники аретического подхода вынуждены объяснить, какие качества агента являются добродетелями, почему именно они позволяют достичь успеха и как агент их может получить и развить. Со всеми этими задачами связан ряд концептуальных трудностей. Одна из них возникает из-за семантической особенности понятий о добродетелях, которые являются в основе своей дескриптивными, но не лишенными, однако, нормативной составляющей. Устоявшееся обозначение для таких понятий – «плотные моральные концепции». Разделение концепций на «плотные» (thick) и «тонкие» (thin) пришло из метаэтики, где под первыми понимаются такие понятия, как «добрый», «справедливый», «честный», а под вторыми – «хорошо», «плохо», «правильно» (Battaly 2008). Семантическая особенность «плотных» понятий о добродетели позволяет при их анализе апеллировать к примерам личностей как идеальных типов тех или иных качеств (это называется экземпляризмом) (Каримов 2017b). Одновременно с этим необходимо объяснить, почему именно эти черты являются превосходствами, делающими своего носителя лучше в эпистемическом отношении. Последняя задача вынуждает эпистемологов использовать язык оценок и ценностей в своем исследовании и даже рассматривать эпистемологию как нормативную дисциплину.

При этом основная проблема, с которой сталкивается аретический подход, имеет более фундаментальный характер. Она связана с тем, что само понятие интеллектуальной добродетели не имеет одного устойчивого определения. Так, выделяют по крайней мере два базовых конкурирующих подхода, которые предлагают различные дефиниции: с одной стороны, можно говорить об интеллектуальной добродетели как надежном когнитивном навыке (релайабилитизм), а с другой – как об устойчивой черте интеллектуального характера (респонсибилитизм).

В основе релайабилитистской версии эпистемологии добродетелей находится идея, что навыки, определяющие надежные когнитивные процессы, – это имеющаяся у субъекта предрасположенность к когнитивному успеху (Goldman 1979: 5). Иными словами, навык есть степень совершенства. В свою очередь, как утверждает Э. Соса, интеллектуальные добродетели – это «устойчивые предрасположенности (диспозиции) к обретению истины», которые можно рассматривать в качестве «первичного обоснования» (Sosa 1980: 20).

Такой подход позволяет объяснить разные степени надежности, которые могут быть у разных когнитивных процессов в случае, когда они реализуются разными субъектами. Кроме этого, навыки должны проявляться в соответствующей среде. Классический пример: профессиональный лучник является надежным стрелком, потому что его мастерство в стрельбе из лука подтверждается большим количеством случаев попадания в цель (Sosa 2007: 22-23). Но если он вынужден стрелять в ситуации сильных порывов ветра, его навыки не могут быть проявлены в полной мере. То же самое можно отнести к достижению познавательного успеха. Хорошее зрение или

память иногда могут подводить своего обладателя, но в целом их использование максимизирует вероятность формирования истинного убеждения. При этом ссылка на надежную когнитивную способность может рассматриваться как способ обоснования. Например, если кто-то вас спрашивает, откуда вы знаете, что за окном идет снег, вам достаточно сказать, что вы сами это увидели. Такой ссылки будет достаточно в обыденных контекстах.

Релейабиллизм сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, его представителям необходимо решить так называемую проблему общности (The Generality Problem), то есть объяснить, какому уровню когнитивных процессов они предиктируют надежность (Conee, Feldman 1998). С одной стороны, мы можем говорить об общих процессах, таких как визуальное восприятие, с другой стороны – о более локальных способностях, как, например, способность визуально отличать настоящий амбар от декорации. Если надежность – свойство общих процессов, то их оказывается проблематично контекстуализировать. Если надежность – свойство локальных процессов, то они могут быть конкретизированы до единичных познавательных актов. Еще одна проблема – это определение границ надежного когнитивного процесса. В примере с визуальным восприятием мы можем задаться вопросом: когда начинается этот когнитивный процесс? В момент попадания света на сетчатку глаза, в момент возбуждения нейронов в коре головного мозга или когда агент осознает наличие у него визуального восприятия? В любом случае, если добродетель – это некоторое превосходство, то чисто физиологические процессы не могут рассматриваться как интеллектуальные добродетели, так как они не являются заслугой когнитивного агента.

Другой способ говорить об интеллектуальных добродетелях – это респонсибиллизм. В данном случае эпистемология рассматривается как преимущественно нормативная дисциплина в стиле «этики убеждений» У. Клиффорда (Клиффорд 2019). Для респонсибиллизма добродетель не является свойством изолированной когнитивной способности, но определяется как устойчивый тип интеллектуального поведения, характеризующий личность того, кто это поведение реализует. Если к релейабиллистским добродетелям относят такие внешние относительно нашей личности параметры, как хорошая память, восприятие или зрение, то респонсибиллизм говорит о прямой внутренней связи между нашими познавательными мотивациями и целями, которая проявляется через качества вроде интеллектуальной ответственности, автономии, непредвзятости, доверия авторитету и т.п. Дж. Баэр утверждает по этому поводу, что «часто успех или неудача исследования имеют более личный источник. Это связано с тем, что исследование имеет активное измерение... оно требует проявления определенных интеллектуальных качеств характера. Например, оно может потребовать от человека внимательного наблюдения, вдумчивого или непредвзятого воображения, терпеливого размышления, тщательного и скрупулезного анализа или справедливой интерпретации и оценки. Как следует из сказанного, исследование предъявляет к познающим значительные личные требования» (Baehr 2011: 1). Респонсибиллистский подход наиболее далек от того образа эпистемологии, который господствует в доксистических теориях. Можно

даже утверждать, что он ближе к нормативным и метаэтическим концепциям, из которых черпает многие аргументативные стратегии, чем к традиционным теориям знания и познания.

Респонсибилистская эпистемология добродетелей, как и ее релятивистская альтернатива, сталкивается с рядом проблем. Так, некоторые исследователи считают проблематичным говорить об устойчивых диспозициях интеллектуального поведения (равно как и этического). Для поддержки данного тезиса приводится ряд эмпирических доказательств из области социальной психологии, которые гипотетически показывают, что люди ориентируются скорее на параметры среды, а не на «воспитанные» предрасположенности. Данная проблема получила название «ситуационистского вызова» (Каримов 2017а). Необходимо отметить, что эта проблема не является наиболее трудной для респонсибилизма, так как указанные эксперименты критикуют за неверную операционализацию базовых понятий эпистемологии (Sreenivasan 2002).

Более философской, а одновременно с тем и более трудной является проблема, связанная с так называемой «эпистемологией пороков» (Vice Epistemology). Говоря о добродетелях, мы до этого не упоминали их нормативную противоположность – пороки (Cassam 2016). К ним относятся те качества личности, которые, как предполагается, приводят когнитивного агента не к эпистемическому успеху, а к неудачам, например, к догматичной убежденности в чем-то ложном.

Проблема заключается в том, что можно привести целый ряд примеров, показывающих, что существуют obstructive добродетели и продуктивные пороки. Иными словами, возможны ситуации, когда эпистемически ответственное формирование убеждений приводит к заблуждениям, а поведение, считающееся эпистемически порочным, напротив – к знанию, истине и пониманию. К примеру, в статье «Математическая практика и эпистемические добродетели и пороки» Ф. Тансвелл и И. Кидд описывают работу семинара И. Гельфанда, отмечая ряд свидетельств об эпистемически порочном поведении его организатора, которое тем не менее систематически приводило к получению нового математического знания (Tanswell, Kidd 2020). В связи с этим возникает центральный вопрос: что заставляет нас считать черту характера добродетелью? Традиционный ответ предполагает, что добродетель должна максимизировать вероятность истинности убеждения. Но в таком случае теряется основная особенность респонсибилизма – его акцент на мотивациях когнитивного агента. Ведь если в пределах ценности обладает только успех в достижении истины и знания, то способ достижения этого успеха оказывается менее значим. Данная проблема является своеобразным дискурсивным двойником проблемы из нормативной этики, где акцент на мотивациях субъекта действия со стороны деонтологов позволяет оправдать ужасные последствия, а акцент на последствиях со стороны консенквенциалистов, напротив, нивелирует значимость мотиваций и способов реализации поступка.

Помимо указанных частных проблем, с которыми сталкиваются оба подхода, возникает общая сложность для всей эпистемологии добродетелей.

Она связана с тем, что оказывается проблематичным говорить о релейабиллистских и респонсибилистских добродетелях в рамках одной теории. В последнее время появляются попытки создания двухуровневых или гибридных теорий, которые, вопреки всем их преимуществам, трудноприменимы в частных областях эпистемологии (Ichikawa, Jarvis). Причина этого в том, что релейабиллизм является по большей части индивидуальной эпистемологией, применимой скорее к обыденному знанию и конкретным, единичным познавательным актам, когнициям. Респонсибилизм, в свою очередь, выходит в область социальной эпистемологии, поскольку респонсибилистски понимаемые добродетели являются такими чертами характера, приобретение, культивация и реализация которых невозможны вне социального взаимодействия. Таким образом, мы видим, что эти теории не просто вводят разные базовые определения, но, вероятно, говорят о разных уровнях познания.

При этом исходный тезис эпистемологии добродетелей позволяет преодолеть узость докстатического подхода к знанию, ограниченного анализом убеждений и способов их обоснования (или поддержки) посредством других убеждений. Как замечает К. Хуквей, эпистемология добродетелей возвращает в философию взгляд, в соответствии с которым знание является заслугой, ценностью, получаемой в результате практики определенного рода (Hookway 2003). При этом содержание данной практики остается суггестивным. Сам Хуквей предлагает использовать понятие «исследования», которое является общей скобкой для эпистемических практик разного уровня: от обыденного до научного или религиозного (Hookway 2006). В практике исследования интеллектуальные добродетели играют регулятивную роль, направляя способы достижения эпистемических благ. Таким образом, теория познания, с его точки зрения, должна быть понята как «описывающая и объясняющая наши... эпистемические оценки», а также «исследующая, насколько наши эпистемические цели уместны» (Hookway 2003: 192). Подобный подход ставит перед нами несколько вопросов. Во-первых, необходимо понять, о каких целях идет речь и что оправдывает их уместность или неуместность. Во-вторых, необходимо уточнить само понятие исследования как «общей скобки» эпистемической практики. В-третьих, необходимо объяснить возможность применения указанного подхода для объяснения локальных эпистемических практик, в частности – научного познания.

Две эпистемические цели исследования

В предыдущем разделе были кратко описаны два конкурирующих проекта эпистемологии добродетелей – релейабиллизм и респонсибилизм. Открытым остался вопрос об их взаимосвязи, то есть о возможности создания гибридной теории. Некоторые эпистемологи считают, что подобная интеграция принципиально нереализуема, поскольку указанные проекты говорят о разных уровнях знания. Релейабиллисты могут объяснить роль когнитивных навыков в получении обыденного знания, например, связанных с чувственными восприятиями или памятью. Но их эпистемология

бесполезна при обсуждении сложных социальных эпистемических практик вроде научного исследования. Одновременно с этим респонсибилисты могут объяснить роль интеллектуального этоса в образовании научной теории как комплексного знания. При этом будет неверным считать, что более общий уровень респонсибилистского анализа позволяет включить в него то, что объясняется релейабиллизмом. Проблема в том, что как релейабиллизм кажется бесполезным при описании производства комплексного знания, так же подход респонсибилизма оказывается трудноприменимым для объяснения обыденного знания. Для обоснования того, откуда я знаю, что за окном идет снег, было бы странно привлекать концепции вроде эпистемической ответственности или непредвзятости, ведь достаточно сослаться на наличие соответствующей когнитивной способности зрительного восприятия.

В данной статье предлагается подход, интегрирующий два проекта эпистемологии добродетелей в рамках обсуждения философских оснований научного исследования как когнитивной практики. Основной тезис заключается в том, что в деятельности ученого мы можем говорить о двух уровнях познания, связанных с разными эпистемическими целями. Достижение этих различных целей реализуется посредством комбинированного использования релейабиллистских и респонсибилистских интеллектуальных добродетелей. Иными словами, научная практика подразумевает актуализацию как надежных когнитивных навыков, так и развития специфических черт интеллектуального характера. Таким образом, гибридная концепция эпистемологии добродетелей, обсуждаемая в данной статье, ограничена областью науки. При этом наука понимается в данном случае предельно широко: это любая деятельность, направленная на изучение окружающего нас мира, исходя из объективистской установки и в рамках особых социальных институтов вроде лабораторий, академических институтов, научных журналов и т.д. Хотя предлагаемая схема, вероятно, в дальнейшем может быть применена к другим сферам, тем не менее наука кажется наиболее очевидным кандидатом на ту область действия гибридной эпистемологии добродетелей, о которой К. Хуквэй говорит, что стоит «...принять двухуровневую картину: мы не были бы надежными искателями истины или эффективными в решении теоретических проблем, если бы не обладали определенными навыками и способностями... но наш успех также требует от нас черт характера, которые позволяют нам наилучшим образом использовать наши навыки и способности в ходе исследований и обсуждений» (Hookway 2003: 187-188).

Как уже было отмечено, мы полагаем наличие множественных целей в научном исследовании. Речь идет исключительно об эпистемических целях, что оставляет за рамками анализа прагматические, экономические, политические и иные аспекты организации научного исследования. Как эпистемическая практика, оно движимо веритистской максимой стремления к утверждению истинных пропозиций относительно разных аспектов реальности (Stich 1990). Указанный веритистский принцип можно обнаружить на разных этапах развития науки. Можно сказать, что требование

доказуемой истины является тем, что отличает науку от других эпистемических практик вроде религии или художественного творчества. Тем не менее истина, судя по всему, не является единственной ценностью научного познания, особенно на современном этапе ее развития. Методологическая рефлексия прошлого века, осуществленная в рамках нео- и постпозитивистской философии, сделала общим местом утверждение о постоянной «незаконченности» научного поиска. Хотя доказуемая истина остается ценностью, тем не менее учеными признается ее принципиальная недостижимость в историческом контексте науки и истории идей. Отсюда следует, что должны быть иные, помимо веритизма, ценностные установки, задающие вектор научного поиска, сказывающиеся как на его форме, так и на содержании. Кажется правдоподобным утверждать, что в некоторых аспектах своей деятельности ученые ориентируются скорее на достижение личного состояния уверенности в некотором положении дел, основанного на понимании. Это понимание может быть достигнуто, когда ученый выходит за рамки строгой дисциплинарной методологии той или иной области, либо же в результате вненаучной рефлексии и междисциплинарного поиска. Подобная установка на достижение понимания оказывает существенное влияние на развитие теоретической науки и внутреннюю коммуникацию внутри сообщества ученых.

Двум указанным целям науки – достижению истины и понимания – необходимо атрибутировать различные способы (или скорее форматы) научного познания. Веритизм невозможен без взаимодействия с фактами, что предполагает использование учеными стандартных когнитивных способностей, имеющих у человека. В рамках исследования эти естественные способности и навыки получают техническое усовершенствование в виде различных приборов, установок и способов измерения. Но в целом это все еще релейабилитские интеллектуальные добродетели, которыми мы пользуемся в обыденном познании. Таким образом, релейабилитские добродетели нацелены на поиск доказуемой истины и ограничены веритистской максимой. Последнее также соответствует тому, что ключевым элементом интеллектуальной добродетели для релейабилитов является так называемый «компонент успеха». Под ним подразумевается то, в какой мере применение конкретного когнитивного навыка способствует надежному достижению истины. Если навык не позволяет достичь истины ни при каких условиях, то он будет скорее отнесен к интеллектуальному пороку, а не добродетели. Поэтому, как утверждает Дж. Греко, «ключевая идея не в том, что знание требует ответственности в действиях... а в том, что знание требует ответственности за истинное убеждение. Опять же, сказать, что кто-то знает, значит сказать, что его убежденность в истине может быть приписана ему» (Greco 2003: 111).

Таким образом, мы можем атрибутировать достижение доказуемой истины как цели тому этапу научного поиска, когда методологическая рефлексия и теоретизирование не составляют основного содержания научных дебатов. Подобное состояние характерно для повседневной научной деятельности в состоянии «нормальной науки», когда дисциплины

развиваются экстенсивным путем через накопление доказуемых истин. Для подобного формата науки характерно наличие консенсуса относительно того, как должна быть выстроена работа ученого, то есть как в рамках данной дисциплины происходит получение доказуемых истин. Таким образом, интеллектуальной добродетелью на данном этапе будет считаться то, что максимизирует вероятность получения истины. К таким характеристикам когнитивного агента будут относиться конкретизированные релей-абилистские добродетели вроде точности в наблюдении закономерностей или способности к математическим расчетам. Интеллектуально добродетельный исследователь – это тот, кто, обучившись определенному репертуару когнитивных навыков, адекватно, то есть методологически корректно, использует их для получения доказуемых истин в рамках собственной научной дисциплины.

Можно утверждать прямую аналогию между ситуацией обыденного познания и внутридисциплинарного научного исследования: в повседневных контекстах когнитивному агенту достаточно сделать ссылку на наличие когнитивной способности, чтобы обосновать убеждения относительно зрительных, слуховых или любых других восприятий, а в контексте науки достаточно показать, что агент использовал конкретную и принятую сообществом форму исследования. На данном этапе не столь важны респонсибилистские добродетели, поскольку предписанный способ эпистемического поведения ограничен научным консенсусом.

Иная ситуация возникает как минимум в двух случаях: когда предметом интереса ученого является сама методология и когда он выходит за рамки своей дисциплины, то есть реализует междисциплинарное исследование. В этих случаях нет одного надежного способа получения истины, а значит, нет руководящего принципа, которому должен следовать ученый. В такой ситуации первичными оказываются респонсибилистские добродетели, поскольку они скорее способствуют достижению понимания, а не доказуемой истины. Разумеется, на данном этапе истина также является важным «приобретением», но она не выступает в качестве абсолютной цели (Kvanvig 2003). Некоторые эпистемологи склонны считать, что в ситуации междисциплинарного исследования ученые не привержены веритистской максиме и переопределяют цели науки на достижение общего понимания, а не истины (Riggs 2003). Интересно, что подобный взгляд присущ не только аретическому подходу, но и некоторым другим эпистемологическим проектам. В частности, в проекте натурализованной эпистемологии У. Куайна говорится о научном исследовании как сетевой, когерентно организованной совокупности убеждений, которые придают осмысленность нашему опыту (Quine 1970). Помимо этого, он также атрибутирует получение доказуемых истин дисциплинарному уровню исследования, воспроизводя релейабилистскую по своему смыслу аргументацию: «как математика должна быть сведена к логике или логике и теории множеств, так и естественное знание должно быть так или иначе основано на чувственном опыте. Это означает объяснение понятия тела в сенсорных терминах; вот концептуальная сторона. И это означает, что мы долж-

ны обосновывать наше знание истин природы в сенсорных терминах» (Quine 1969: 71).

Постулирование понимания в качестве центральной эпистемической цели научного исследования существенно меняет наше представление о регулятивных принципах науки. Действительно, если в междисциплинарном и теоретическом исследовании доказуемая истина является второстепенной ценностью, то возникает опасность релятивизации науки. Последнее можно парировать утверждением, что общие респонсибилистские добродетели являются своеобразными предохранителями от использования учеными построений в духе анархистской эпистемологии. Хотя респонсибилистские добродетели не предписывают, как достичь истинного убеждения, они устанавливают границы допустимого для рассматриваемой социальной роли, в данном случае – роли ученого, которая определяется через черты интеллектуального характера вроде критичности, непредвзятости и преданности объективистской установке, о которой много сказано Л. Дастон и П. Галисоном (Дастон, Галисон 2018).

Дисциплинарное и внедисциплинарное исследование

Научное знание, как уже было отмечено, – это всегда сеть убеждений. Некоторые из этих убеждений необходимы не сами по себе, а только для обоснования других. Такие убеждения мы будем называть инструментальными. При этом общая цель исследования (ее достижение) напрямую зависит от эпистемического успеха в получении знания, основанного на указанных инструментальных убеждениях. К примеру, в рамках зоологического исследования ученый или группа ученых могут стремиться решить вопрос о том, является ли некоторый признак данного животного результатом приспособления к среде обитания или же какого-то другого эволюционного механизма. Достижение цели такого исследования, очевидно, будет связано с решением множества частных вопросов: как операционализировано понятие о признаке, каков будет дизайн эмпирического исследования, компетентны ли исследователи в статистическом анализе и математическом моделировании генетических процессов и т.п. Все указанные проблемы предопределяют, будет ли достигнута общая цель исследования.

Данный выше пример относится к тому, что принято называть «высокоуровневым знанием». Но, как кажется, аналогия с обыденным знанием может быть проведена и здесь. Представим, что в своей повседневной жизни мы наблюдаем за каким-то объектом, допустим, собакой, которая гуляет на заднем дворе. В обыденных контекстах мы почти никогда не сомневаемся в убеждениях, полученных в результате работы привычных когнитивных механизмов вроде зрения или слуха. Но, задумываясь, истинно ли убеждение, что на заднем дворе гуляет собака, мы будем вынуждены поставить ряд второстепенных вопросов и сформировать инструментальные убеждения. К примеру, возможно поразмышлять о том, какова вероятность, что эта собака лишь галлюцинация, и может ли оказаться так, что рассуждающий об этом на самом деле спит. Здесь мы видим важный аспект, позволяющий

говорить о прямом сходстве между разными уровнями знания: второстепенные вопросы исследования (будь то размышления о надежности эмпирической методологии в науке или перцептивного опыта в нашей повседневной жизни) практически никогда не являются явным, сознательным предметом исследования. Конечно, ученые прописывают в своих статьях методологию и дизайн исследования, но эта рефлексия не касается обсуждения надежности общенаучных процедур. Подобно этому, в обыденных контекстах низкоуровневого знания перцептивный опыт автоматически исключает скептические гипотезы относительно того, верно ли я распознал собаку на заднем дворе.

Таким образом, между контекстом научного исследования и обыденного знания нет существенной эпистемической разницы: ученый использует принятые инструменты и методы, а познающий в обыденном контексте – имеющиеся у него когнитивные навыки. Оба они являются интеллектуально добродетельными в смысле релайабилитской эпистемологии, а достижение ими познавательного успеха связано с решением (осознанно или нет) второстепенных когнитивных задач. При этом использование надежных когнитивных процессов должно быть подчинено общей цели исследования. Для этого интеллектуальные добродетели должны быть упорядочены и контекстуализированы. Иными словами, добродетельный когнитивный агент должен уметь использовать релайабилитскую добродетель по назначению в соответствующем месте и времени. Для всего этого требуются качества другого рода – респонсибилистские черты интеллектуального характера и диспозиции поведения. Как заявляет К. Хуквей, «успех в исследовании зависит от мудрости, воплощенной в наших суждениях, и от когнитивных привычек и навыков, которые мы приобрели благодаря образованию, опыту и тренировкам» (Hookway 2003: 200). Указанная «воплощенная мудрость», которую греческие философы, вероятно, описали бы через понятие «фронезиса», то есть благоразумия, позволяет оценивать наши эпистемические цели и пути их достижения. В этом аспекте респонсибилистские добродетели обнаруживают важную связь с успехом всего исследования.

Суммируя, можно утверждать, что чем лучше когнитивный агент идентифицирует и решает вопросы второстепенного порядка, тем с большей вероятностью он достигнет успеха в исследовании. Но все это невозможно без комбинированного использования релайабилитских и респонсибилистских добродетелей: первые позволяют формулировать инструментальные убеждения, а вторые – упорядочивать их в единый познавательный опыт.

Главный вопрос исследования, определяющий его цель, всегда подразумевает наличие ответов на множество второстепенных вопросов. Достижение цели зависит от методологической и дисциплинарной подготовки исследователя. Эта подготовка, помимо прочего, предполагает понимание реальности, к которой применима используемая методология. Данная подготовка осуществляется в рамках сообщества, которое объединено интернализированными нормативными критериями когнитивной практики. Эти интеллектуальные сообщества скрепляет консенсусный набор вопро-

сов или тем, а также выработанные способы ответа на них. В случае если удастся получить надежную доказуемую истину, реализованное успешное исследование формализуется. После формализации способ исследования становится экземпляром интеллектуально добродетельного способа образования истинных и обоснованных убеждений, то есть знания. Отсюда мы можем заключить, что научное сообщество возникает и развивается вокруг некоторой когнитивной практики, выраженной в форме нормативных предписаний, представленных как релейабилитские добродетели «хорошего ученого».

Тем не менее не вполне ясным остается вопрос о развитии методологии как исследовательской нормы. Ответом здесь может служить то, что форма и способ достижения задач самого исследования оцениваются в рамках внедисциплинарного исследования. Здесь первичную роль играют респонсибилистские добродетели и то, какие из них сообщество связывает со своей социальной ролью. Тогда как релейабилитские добродетели необходимы для непосредственного продуцирования надежных доказуемых истин, респонсибилистские черты характера оценивают сами когнитивные навыки, отбраковывая те из них, которые не соответствуют представлениям сообщества о целях его познавательной практики.

Последнее размышление необходимо проиллюстрировать примером. Наиболее ярким сюжетом в истории науки, в котором воспроизводится указанная схема взаимодействия разных типов интеллектуальных добродетелей, является фундаментальная дискуссия о значении методологического натурализма. Этот пример хорош по нескольким причинам. Во-первых, в силу своего масштаба эта дискуссия хорошо изучена в философии науки. Во-вторых, она охватывает все возможные естественные науки. В-третьих, она касается самих основ научного мировоззрения и говорит о научном методе как таковом, что позволяет не конкретизировать аргументацию до уровня философии биологии, физики или какой-то другой дисциплины.

Под методологическим натурализмом подразумевается нормативная идея, что научное исследование не должно допускать объяснений через сверхъестественное (например, через ссылку на божественный замысел) (Ruse 2005). Данная установка является широко распространенной в науке на самых разных этапах ее развития, а ее возникновение связывают с обсуждением разницы между аргументативными стратегиями естественной теологии и натурфилософии, которое предпринималось в период научной революции (хотя есть резонные доводы считать, что эта проблема была актуальна как минимум со времен позднего Средневековья). Считается, что методологический натурализм сформировался как самостоятельная исследовательская парадигма в результате дефляции ценности телеологического и схоластического способов объяснения реальности (Lindberg, Numbers 2003). Хотя для науки объяснение через целевые причины перестало быть важным, оно сохраняло значение в рамках теологии, что привело к ситуации столкновения двух методологических программ. В дальнейшем методологический натурализм стал главным принципом естественной науки, отделив ее не только от теологии, но и от метафизики, то есть дисциплины,

основанной на философском рациональном спекулятивном мышлении. В конечном счете все это позволило мыслителям вроде П. Дюгема утверждать, что «заставлять физические теории зависеть от метафизики – это, конечно, не тот путь, который позволит им пользоваться привилегией всеобщего согласия... Если теоретическая физика будет подчинена метафизике, то отличия, разделяющие многообразные метафизические системы, распространятся и на область физики. Физическая теория, признанная удолетворительной сектантами одной метафизической школы, будет отвергнута приверженцами другой» (Duhem 1954: 10-11).

Возникновение методологического натурализма является процессом становления дисциплинарной нормы. Из указанного исторического примера мы видим, что респонсибилистские добродетели являются результатом междисциплинарного взаимодействия и рефлексии по поводу основ той или иной эпистемической парадигмы. В этом конкретном случае мы видим спор между двумя дисциплинами: схоластической теологией и натурфилософией. Данный спор касался способов исследования природы, причем он относился как к первичным (почему мы вообще изучаем природу?), так и вторичным (является ли наблюдение верным способом получения истин о природе?) вопросам. Можно сказать, что в рамках этих междисциплинарных дебатов целью было не обнаружение истин о природе, но достижения понимания о том, как получить соответствующие истины. Критерием успеха подобного исследования является достижение консенсуса, который предполагает отказ от дальнейших дебатов на эту тему (по крайней мере, внутри данного сообщества). После того как консенсус – общее понимание – был достигнут, методологический натурализм стал существенной характеристикой научной практики, одной из ее базовых установок. С этого момента исследовать природу «как ученый» – это изучать ее, не сомневаясь в продуктивности методологического натурализма. Восприняв подобную респонсибилистскую (по своей природе) добродетель, когнитивный агент вынужден приучить себя осуществлять познание в соответствии с практиками, не противоречащими методологическому натурализму. В дальнейшем эти практики воспринимаются как фоновые допущения, обуславливающие форму исследования.

Таким образом, лишь после появления устойчивой формы исследования, определяющей границы дисциплины, релайабилитские добродетели становятся важнее респонсибилистских. Но последнее не означает, что на этапе экстенсивного расширения «нормальной науки» респонсибилистские диспозиции интеллектуального характера не играют никакой роли или же вообще отбрасываются как не обладающие когнитивным потенциалом. Добродетели характера продолжают выполнять свою функцию поддержания границ дисциплины, но проявляются лишь в нестандартных ситуациях революционного дисциплинарного изменения (как позитивного, так и негативного для дальнейшего прогресса науки).

Исходя из сказанного, можно заключить, что форма организации научной дисциплины возникает в результате обсуждения общих целей исследования, определяющих его природу. Формализация способов ответов

на вторичные вопросы является побочным эффектом указанного обсуждения. Зачастую эту формализацию называют научным методом, то есть совокупностью рекомендаций по получению доказуемых истин в рамках рассматриваемой дисциплины. Подобное определение должно быть дополнено введением понятия интеллектуальной добродетели, что позволит объяснить его нормативное основание. В таком случае метод – это расширение эпистемических способностей, навыков и диспозиций интеллектуального поведения агента, представляющих собой нечто вроде естественных перцептивных возможностей, которые можно применять более или менее превосходно, то есть интеллектуально добродетельно. Получение доказуемых истин, исходя из этого, связано с умением применять конкретную форму исследования к конкретной тематической области, определяющей границы дисциплины.

Одновременно с этим в случае внедисциплинарного исследования релейабилитские нормативные предписания не работают. Подобное положение дел мы можем наблюдать в работах многих ученых и философов, когда они сталкиваются с ситуацией отсутствия консенсуса по поводу процедур получения доказуемых истин. Так, к примеру, Ф. Бэкон был одним из ярких сторонников методологического натурализма, о котором говорилось выше, что не мешало ему выстраивать определенные теологические и метафизические построения, основанные на других методологических установках. На его примере мы видим, что снятие ограничения методологического натурализма не является предосудительным вне контекста натурфилософии. Поэтому одна и та же форма исследования в одном случае (например, при обсуждении естественных фактов) является предосудительной, а в других – допустимой (например, при обсуждении того, как наука может способствовать достижению общественного блага). Важно, что общие респонсибилистские добродетели вроде интеллектуальной честности позволяют сформировать дисциплину, сепарировав ее от других эпистемических практик. Последнее лаконично объясняет С. Гаукрогер: «понятия истины и обоснования... в такой же степени зависят от представлений об интеллектуальной честности, как и от представлений о методе. В этой связи я рассматриваю положение натурфилософии у Бэкона, Галилея, Декарта и апологетов Королевского общества, уделяя особое внимание утверждениям, что натурфилософия требует интеллектуальной честности, отсутствующей в схоластике» (Gaukroger 2006: 5).

Заключение

В данной статье мы стремились предложить объяснение того, как возможно применение эпистемологии добродетелей в качестве теоретической установки, позволяющей приблизиться к пониманию нормативных основ научного исследования. Основная проблема в создании такого проекта интеграции заключается в том, что существует два различных смысла понятия «интеллектуальная добродетель» – релейабилитский и респонсибилистский. Их проблематично интегрировать в единую концептуальную схему из-за того, что они говорят о различных уровнях или типах знания.

Эта особенность эпистемологии добродетелей делает ее трудноприменимой в прикладных вопросах философских оснований науки. Тем не менее в рамках научного исследования возможно увидеть гибридное использование различных интеллектуальных добродетелей для достижения двух основных целей науки – получения доказуемых истин и достижение общего понимания или консенсуса.

Хотя как релейабилитские, так и респонсибилистские добродетели необходимы для всех форм исследования, тем не менее на уровне отдельной дисциплины, находящейся в состоянии «нормальной науки», определяющую роль играет приверженность ученого надежному способу продуцирования доказуемых истин. Надежность дисциплинарного способа формирования обоснованных истинных убеждений идентична релейабилитским когнитивным способностям, так как это в определенной степени «автоматический» навык, реализация которого может быть более или менее превосходной. Но в тот момент, когда ученый начинает интересоваться, как его научное исследование может быть встроено в широкий контекст осмысления нашего опыта, возникает внедисциплинарный контекст. Он может воплощаться в формате методологической рефлексии или междисциплинарного исследования. В любом случае в междисциплинарном контексте релейабилитские превосходства становятся менее значимыми, так как неочевидно, как именно следует действовать. Относительно подобного исследования не существует согласия в форме, а значит, нет однозначных эпистемических предписаний. Это способствует тому, что респонсибилистские добродетели характера оказываются первичными регуляторами познавательной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дастон Л., Галисон П. 2018. Объективность. Москва : Новое лит. обозрение. 584 с. (История науки).
- Каримов А.Р. 2017а. Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей // Вестник Вятского государственного университета. № 11. С. 10–15.
- Каримов А.Р. 2017б. Моральный и интеллектуальный экземпляризм // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 15–18. DOI 10.24158/fik.2017.12.2
- Каримов А.Р. 2021. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 6–21. DOI 10.5840/eps202158455
- Клиффорд У. 2019. Этика убеждения // Философия. Журнал Высшей школы экономии. Т. 3, № 3. С. 37–53. DOI 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53
- Муртазин С.Р. 2021. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №. 5. С. 35–51.
- Поппер К.Р. 1983. Логика и рост научного знания. Москва : Прогресс. 604 с.
- Baehr J. 2011. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford : Oxford Univ. Press. 256 p.
- Baehr J. 2015. *Intellectual Virtues and Education: Essays in Applied Virtue Epistemology*. New York : Routledge. 284 p.
- Battaly H. 2006. *Teaching Intellectual Virtues* // *Teaching Philosophy*. Vol. 29, iss. 3. P. 191–222. DOI 10.5840/teachphil200629333

- Battaly H. 2008. *Virtue Epistemology* // *Philosophy Compass*. Vol 3, iss. 4. P. 639–663. DOI 10.1111/j.1747-9991.2008.00146.x
- Boult C. 2021. *The (Virtue) Epistemology of Political Ignorance* // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 58, iss. 3. P. 217–232. DOI 10.2307/48616057
- Cassam Q. 2016. *Vice Epistemology* // *The Monist*. Vol. 99, iss. 2. P. 159–180. DOI 10.1093/monist/onv034
- Conee E., Feldman R. 1998. *The Generality Problem for Reliabilism* // *Philosophical Studies*. Vol. 89, iss. 1. P. 1–29.
- Croce M., Pritchard D. 2022. *Education as The Social Cultivation of Intellectual Virtue* // *Social Virtue Epistemology* / ed. by M. Alfano, C. Klein, J. de Ridder. London : Routledge. P. 583–601.
- Dongen J. van, Paul H. (eds.) 2017. *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*. Cham : Springer. 198 p.
- Duhem P. 1954. *The Aim and Structure of Physical Theory*. Princeton : Princeton Univ. Press. 344 p.
- Emran S. 2015. *The Nature of Epistemic Virtues in the Practice of Medicine* // *Medicine, Health Care and Philosophy*. Vol. 18, iss. 1. P. 129–137. DOI 10.1007/s11019-014-9567-8
- Engberts C. 2022. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*. Palgrave Macmillan. 226 p. DOI 10.1007/978-3-030-84566-7
- Gaukroger S. 2006. *The Emergence of a Scientific Culture: Science and the Shaping of Modernity, 1210–1685*. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 572 p. DOI 10.1017/S0007087408000915
- Goldman A.I. 1979. *What is Justified Belief* // *Justification and Knowledge* / ed. by G. Pappas. Boston : D. Reidel. P. 1–23.
- Goodman J., Salow B. 2023. *Epistemology Normalized* // *Philosophical Review*. Vol. 132, iss. 1. P. 89–145. DOI 10.1215/00318108-10123787
- Greco J. 2003. *Knowledge as Credit for True Belief* // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 111–134.
- Hookway C. 2003. *How to be a Virtue Epistemologist* // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 183–202.
- Hookway C. 2006. *Epistemology and inquiry: The primacy of practice* // *Epistemology Futures* / ed. by S. Hetherington. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 95–110.
- Ichikawa J., Jarvis B. Forthcoming. *Hybrid Virtue Epistemology and the A Priori* // *The A Priori: Its Significance, Sources, and Extent* / ed. by D. Dodd, E. Zardini. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Kvanvig, J.L. 2003. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*. New York : Cambridge Univ. Press. 216 p.
- Lindberg, D., Numbers, R. 2003. *When Science and Christianity Meet*. Chicago and London : The Univ. of Chicago Press. 357 p. DOI 10.7208/9780226482156
- Nagel J. 2013. *Knowledge as a Mental State* // *Oxford Studies in Epistemology*. № 4. P. 272–308. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199672707.003.0010
- Paul H. 2011. *How Historical Scholarship is Shaped by Epistemic Virtues* // *History and Theory*. Vol. 50, iss. 1. P. 1–19. DOI 10.1111/j.1468-2303.2011.00565.x
- Paul R. 2000. *Critical Thinking, Moral Integrity, and Citizenship: Teaching for the Intellectual Virtues* // *Knowledge, Belief, and Character: Readings in Virtue Epistemology* / ed. by G. Axtell. Rowman & Littlefield Publ. P. 165–175.

- Plantinga A. 1993. *Warrant: The Current Debate*. New York : Oxford Univ. Press USA. 228 p.
- Quine W. 1969. *Ontological relativity, and Other Essays*. New York : Columbia Univ. Press. 165 p.
- Quine W. 1970. *The Web of Belief*. New York : Random House. 95 p.
- Riggs W. 2003. Understanding “Virtue” and the Virtue of Understanding // *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology* / ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. New York : Oxford Univ. Press. P. 203–226. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199252732.003.0010
- Ruse M. 2005. Methodological Naturalism Under Attack // *South African Journal of Philosophy*. Vol. 24, iss. 1. P. 44–60. DOI 10.4314/sajpem.v24i1.31413
- Sosa E. 1980. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // *Midwest Studies in Philosophy*. Vol. 5, iss. 1. P. 3–26. DOI 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x
- Sosa E. 2007. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Oxford : Oxford Univ. Press. 149 p.
- Sreenivasan G. 2002. Errors about Errors: Virtue Theory and Trait Attribution // *Mind*. Vol. 111, iss. 441. P. 47–68. DOI 10.1093/mind/111.441.47
- Stefanov A. 2016. Is The Standard Definition of Knowledge Incomplete? // *Croatian Journal of Philosophy*. Vol. 16, iss. 46. P. 107–111. DOI 10.5840/croatjphil20161615
- Stich S. 1990. *The Fragmentation of Reason: Preface to a Pragmatic Theory of Cognitive Evaluation*. Cambridge : MIT Press. 198 p.
- Tanswell F., Kidd I. 2020. Mathematical Practice and Epistemic Virtue and Vice // *Synthese*. Vol. 199, iss. 1-2. P. 407–426. DOI 10.1007/s11229-020-02664-6

References

- Baehr J. *Intellectual Virtues and Education: Essays in Applied Virtue Epistemology*, New York, Routledge, 2015, 284 p.
- Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2011, 256 p.
- Battaly H. Teaching Intellectual Virtues, *Teaching Philosophy*, 2006, vol. 29, iss. 3, pp. 191–222. DOI 10.5840/teachphil200629333
- Battaly H. Virtue Epistemology, *Philosophy Compass*, 2008, vol 3, iss. 4, pp. 639–663. DOI 10.1111/j.1747-9991.2008.00146.x
- Boult C. The (Virtue) Epistemology of Political Ignorance, *American Philosophical Quarterly*, 2021, vol. 58, iss. 3, pp. 217–232. DOI 10.2307/48616057
- Cassam Q. Vice Epistemology, *The Monist*, 2016, vol. 99, iss. 2, pp. 159–180. DOI 10.1093/monist/onv034
- Clifford W.K. The Ethics of Belief, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 37–53. DOI 10.17323/2587-8719-2019-3-37-53 (in Russ.).
- Conee E., Feldman R. The Generality Problem for Reliabilism, *Philosophical Studies*, 1998, vol. 89, iss. 1, pp. 1–29.
- Groce M., Pritchard D. Education as The Social Cultivation of Intellectual Virtue, *M. Alfano, C. Klein, J. de Ridder (eds.), Social Virtue Epistemology*, London, Routledge, 2022, pp. 583–601.
- Daston L., Galison P. *Objectivity*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 584 p. (in Russ.).
- Dongen J. van, Paul H. (eds.) *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities*, Cham, Springer, 2017, 198 p.
- Duhem P. *The Aim and Structure of Physical Theory*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1954, 344 p.

Emran S. The Nature of Epistemic Virtues in the Practice of Medicine, *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2015, vol. 18, iss. 1, pp. 129–137. DOI 10.1007/s11019-014-9567-8

Engberts C. *Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled*, Palgrave Macmillan, 2022, 226 p. DOI 10.1007/978-3-030-84566-7

Gaukroger S. *The Emergence of a Scientific Culture: Science and the Shaping of Modernity, 1210–1685*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 572 p. DOI 10.1017/S0007087408000915

Goldman A.I. What is Justified Belief, G. Pappas (ed.), *Justification and Knowledge*, Boston, D. Reidel, 1979, pp. 1–23.

Goodman J., Salow B. Epistemology Normalized, *Philosophical Review*, 2023, vol. 132, iss. 1, pp. 89–145. DOI 10.1215/00318108-10123787

Greco J. Knowledge as Credit for True Belief, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 111–134.

Hookway C. Epistemology and inquiry: The primacy of practice, S. Hetherington (ed.), *Epistemology Futures*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2006, pp. 95–110.

Hookway C. How to be a Virtue Epistemologist, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 183–202.

Ichikawa J., Jarvis B. Forthcoming. Hybrid Virtue Epistemology and the A Priori, D. Dodd, E. Zardini (eds.), *The A Priori: Its Significance, Sources, and Extent*, Oxford, Oxford Univ. Press.

Karimov A.R. Moral and Intellectual Exemplarism, *Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, no. 12, pp. 15–18. DOI 10.24158/fik.2017.12.2 (in Russ.).

Karimov A.R. The Challenge of Situationism for Epistemology of Virtues, *Herald of Vyatka State University*, 2017, no. 11, pp. 10–15. (in Russ.).

Karimov A.R. Through Virtues to Knowledge: on the Foundations of Aretaic Approach in Epistemology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 6–21. DOI 10.5840/eps202158455 (in Russ.).

Kvanvig, J.L. *The Value of Knowledge and the Pursuit of Understanding*, New York, Cambridge Univ. Press, 2003, 216 p.

Lindberg, D., Numbers, R. *When Science and Christianity Meet*, Chicago, London, The Univ. of Chicago Press, 2003, 357 p. DOI 10.7208/9780226482156

Murtazin S.R. Epistemic Egoism and the Problem of Trust in Cognition, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2021, no. 5, C. 35–51. (in Russ.).

Nagel J. Knowledge as a Mental State, *Oxford Studies in Epistemology*, 2013, no. 4, pp. 272–308. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199672707.003.0010

Paul H. How Historical Scholarship is Shaped by Epistemic Virtues, *History and Theory*, 2011, vol. 50, iss. 1, pp. 1–19. DOI 10.1111/j.1468-2303.2011.00565.x

Paul R. Critical Thinking, Moral Integrity, and Citizenship: Teaching for the Intellectual Virtues, G. Axtell (ed.), *Knowledge, Belief, and Character: Readings in Virtue Epistemology*, Rowman & Littlefield Publ., 2000, pp. 165–175.

Plantinga A. *Warrant: The Current Debate*, New York, Oxford Univ. Press USA, 1993, 228 p.

Popper K.R. *The Logic of Scientific discovery*, Moscow, Progress, 1983, 604 p. (in Russ.).

Quine W. *Ontological relativity, and Other Essays*, New York, Columbia Univ. Press, 1969, 165 p.

- Quine W. *The Web of Belief*, New York, Random House, 1970, 95 p.
- Riggs W. Understanding “Virtue” and the Virtue of Understanding, L. Zagzebski, M. DePaul (eds.), *Intellectual Virtue: Perspectives From Ethics and Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 203–226. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199252732.003.0010
- Ruse M. Methodological Naturalism Under Attack, *South African Journal of Philosophy*, 2005, vol. 24, iss. 1, pp. 44–60. DOI 10.4314/sajpem.v24i1.31413
- Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge, *Midwest Studies in Philosophy*, 1980, vol. 5, iss. 1, pp. 3–26. DOI 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00394.x
- Sosa E. *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2007, 149 p.
- Sreenivasan G. Errors about Errors: Virtue Theory and Trait Attribution, *Mind*, 2002, vol. 111, iss. 441, pp. 47–68. DOI 10.1093/mind/111.441.47
- Stefanov A. Is The Standard Definition of Knowledge Incomplete? *Croatian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 16, iss. 46, pp. 107–111. DOI 10.5840/croatjphil20161615
- Stich S. *The Fragmentation of Reason: Preface to a Pragmatic Theory of Cognitive Evaluation*, Cambridge, MIT Press, 1990, 198 p.
- Tanswell F., Kidd I. Mathematical Practice and Epistemic Virtue and Vice, *Synthese*, 2020, vol. 199, iss. 1-2, pp. 407–426. DOI 10.1007/s11229-020-02664-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Геннадьевич Хорт

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия;
ORCID: 0000-0003-4284-6533;
ResearcherID: H MV-0558-2023;
SPIN-код: 3689-3860;
E-mail: mikhort@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail G. Khort

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia;
ORCID: 0000-0003-4284-6533;
ResearcherID: H MV-0558-2023;
SPIN-код: 3689-3860;
E-mail: mikhort@gmail.com

УДК 111:004

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_29

Машины виртуальности

Светлана Викторовна Оболкина

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: obol2007@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2024, поступила после рецензирования 29.09.2024, принята к публикации 14.12.2024

Современность испытывает острую нехватку реального, что провоцирует философскую мысль на разоблачение виртуального. Граница области объектов понятия «виртуальная реальность» постоянно расширяется, а содержание становится равноценным «недействительному» и/или «симулятивному». Тем самым усиливаются диффузные процессы сближения представлений о реальном и виртуальном. В данной статье предлагается одна из возможных оптик понимания «виртуальности»: опираясь на классические онтологические представления о виртуальности, исследовать процесс *практической медиации* от реальности как таковой к реальности виртуальной. Первый параграф посвящен анализу теоретических проблем, возникающих при концептуализации темы виртуальной реальности. Делается вывод о том, что виртуальная реальность не столько существует, сколько осуществляется, то есть реализуется в качестве определенной активности онтологического и онтического субъекта. Во втором параграфе на основе выводов виртуальной психологии (исследования Н.А. Носова) анализируется человек как такой субъект и делается вывод о необходимости внимания к системам, с помощью которых происходит виртуализация реальности. В третьем параграфе для анализа этих медиаторов от константной к виртуальной реальности предложен концепт «машина виртуальности». Поскольку к этим посредникам можно применить известное положение медиафилософии о том, что медиа не безразличны, в статье предложен анализ некоторых модулов «машины виртуальности»: химической, компьютерной и музыкальной. Особое внимание уделяется не только угрозам, которые несут «машины виртуальности», но и обнадеживающим перспективам их применения. В заключительном параграфе обосновывается тезис о том, что «машина виртуальности» имеет шанс стать «машиной виртуса», то есть выступать инструментом не отчуждения человека от собственной природы, а ее усиления.

Ключевые слова: машина виртуальности, виртуальная реальность, машина, компьютерные технологии, компьютерная игра, нейросеть, тональная музыка, виртус

© Оболкина С.В., 2024

Virtuality Machines

Svetlana V. Obolkina

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: obol2007@mail.ru

Received 12.05.2024, revised 29.09.2024, accepted 14.12.2024

Abstract. Modernity is facing a pronounced deficit of the real, prompting philosophy to undertake efforts to ‘unmask’ the nature of *virtuality*. The scope of the concept of *virtual reality* is continually expanding, with its content allegedly characterized as ‘invalid’ and/or ‘simulative’. In addition to that, the ideas of *the real* and *the virtual* are converging in a diffusive process. This article proposes a framework for understanding *virtuality* that utilizes classical ontological concepts to examine the practical mediation between *reality* and *virtual reality*. The first section discusses the theoretical challenges that arise in conceptualizing *virtual reality*. It concludes that *virtual reality* is more an act of realization manifested through the activities of both ontological and ontic subject, rather than a distinct entity. The second section analyzes individuals as subjects of such realization following Nikolai A. Nosov's research into virtual psychology. It also emphasizes the importance of those systems through which reality undergoes virtualization. The third section introduces the concept of a *virtuality machine* to analyze these mediators facilitating the transition from *the constant* to *virtual reality*. Since media philosophy tends to posit that media is far from being neutral, this section explores various media/mediators of *virtuality machines*: including chemical, computational, and musical. The author examines both the potential threats posed by *virtuality machines* and their promising applications. The concluding section proposes that a *virtuality machine* has the potential to evolve into a *virtus machine*, a tool that could enhance rather than alienate human nature.

Keywords: virtuality machine; virtual reality; machine; computer technology; computer game; neural network; tonal music; virtus

For citation: Obolkina S.V. Virtuality Machines, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 29-52. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_29

Концепт виртуальной реальности

Философский анализ темы виртуальной реальности (далее ВР) всегда опирался на античные представления – в первую очередь на аристотелевскую онтологию, где с виртуальным статусом сущности связано понятие *δυναμις*. Актуализованное в качестве латинского «virtual» это значение стало означать «недоволенную реальность»: «Неполное, уменьшенное наличествование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия»¹. Можно считать это понимание

¹ Хоружий С. 1997. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. URL: <https://opentextnn.ru/man/sergej-horuzhij-rod-ili-nedorod-zametki-k-ontologii-virtualnosti/> (дата обращения: 09.05.2024).

классическим смысловым ядром категории «виртуальности», в противовес неклассическому или постмодерному пониманию ВР в первую очередь как реальности симулятивной.

Современная философская мысль стремится мыслить ВР в логике противопоставления «реальному». «Виртуальное» интерпретируется не с позиции «дюнамис» (то есть некой силы, способности, активности), а в смысле перманентной осцилляции между «нечто» и «ничто». Что закономерно требует дополнительных концептуальных решений, и часто встречающийся в связи с этим подход – смещение темы ВР в область анализа алетических модальностей. «Категория модальности позволяет рассматривать множественные, “размытые” модусы бытия и суждения: возможное и невозможное, необходимое и случайное, – которые несводимы к суждениям истины и лжи или к описанию фактов, примеров, свидетельств» (Эпштейн 2001: 26). «Виртуальное» в этом случае сближается с антитезой «действительности», то есть с «недействительным».

Не приходится отрицать, что существует пересечение семантических областей «виртуальности» и «(еще) недействительности». Однако это пересечение не стоит рассматривать в качестве смыслообразующего, поскольку тем самым представление о ВР сближается с идеей *заместительной* реальности, для которой важен некий обман восприятия, эффект иммерсивности (от англ. *immersive* – «присутствие, погружение»)². Понятно, что это импонирует усиливающемуся желанию философов обличать симулятивность и нереальность окружающей человека действительности. Но не стоит игнорировать то обстоятельство, что понятие ВР по своим базовым (классическим) онтологическим характеристикам не содержит коннотаций «обмана» и задачи выдать «недействительное» за «действительное».

Таким образом, девиация смысла «виртуальности» в сторону «симулятивности» возможна – вплоть до возможности «виртуальному» совпадать по смыслу с «недействительным», но ситуативно, на практике, а не *in abstracto*. В качестве же замены смыслового «ядра» подобная девиация была бы вредна, поскольку исключает важный ракурс понимания и использования ВР: как феномена, который может усиливать природу человека, а именно – его способность к алертности.

Немаловажным намеком на связь «виртуальности» с человеком является этимологическое обстоятельство: латинский корень «*vir*» означал «человека» (с оговорками, что «*homo*» относилось к человеку как таковому, а «*vir*» означало взрослого свободного мужчину, то есть не ребенка, не женщину и не раба). Подчеркнем важную особенность классического понимания «виртуальности»: речь идет *об онтологическом субъекте*. В предложенном выше определении ВР Хоружего («Неполное, умаленное налицествование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия») хочется особенно выделить

² Это понимание ВР тесно связано с применением технических устройств по типу очков ВР. Само подобное устройство и его эффекты остаются за рамками статьи.

мотив существования, «не достигающего самоподдерживающего наличия и присутствия». Он явился ключевым для разработки категории виртуальности в Средневековье.

Как известно, для схоластов концепт «виртуальности» выступает в первую очередь инструментом различения существований Творца и твари. В частности, Николай Кузанский, опираясь на положение «то, что действительно существует, может существовать», наделяет особым весом позицию *может*. В работе «О вершине созерцания» он рассуждает о том, что каждый мальчишка знает это «могу» как первейшее и ценнейшее состояние. Но каждое «могу» берет свою силу от «самого абсолютного, неограниченного и совершенного *могу*, мощнее которого нельзя ничего ни ощутить, ни вообразить, ни помыслить, потому что в нем возможность всякого могу... <...> Бог есть само по себе могу, проявляющееся в разных и отличающихся по виду модусах бытия» (Николай Кузанский 1980: 422-426). В работе «О возможности-бытии» Кузанец поясняет: в Боге «абсолютная возможность совпадает с действительным бытием. Иное дело – солнце. Хотя солнце действительно является тем, что оно есть, однако не тем, чем оно может быть: ведь оно может быть иначе, чем оно есть действительно» (Николай Кузанский 1980: 141). Бытие сотворенного обозначено как виртуальное. То есть сама по себе реальность не осциллирует. Стабилизация этого странного онтологического статуса между «есть» и «нет» подвластна тому, кто может делать реальность областью своих решений.

Таковым субъектом, строго говоря, может являться только Бог (что и выступает главным тезисом Кузанца). Но человек может выступать онтологическим субъектом второго порядка (если воспользоваться терминологией юриспруденции). Человек выступает субъектом реальности не прямо, а опосредованно. Он при-частен реальности, то есть является ее частью, но обладает тем не менее творческой мощью самостоятельного действия. Неслучайно один из самых тонких современных анализов категории «виртуального бытия» – речь вновь об исследованиях С.С. Хоружего – посвящен осцилляции не между «бытием» и «небытием», а между творчеством Бога и творчеством человека. Философия, вслед за Хайдеггером, различает онтологического и онтического субъекта. Первый является фигурой за-предельной – определяющей пределы реальности и потому, в принципе, дистанцированной от среза ее фактичности. Второй является фигурой, способной к самостоятельным и самостийным манипуляциям с реальностью, обладающей собственной событийностью и ее горизонтом, но *в пределах уже существующего, конкретного, фактического*. В своем творчестве человек создает новое, но «сырьем» является уже существующее: языковые и образные системы, материальные объекты и т.д. (это кардинальное отличие от творения *ex nihilo*). То есть важным моментом является то, что онтический субъект, «творя» реальность, использует элементы реальности в качестве инструмента.

Оставляя в стороне теологическую интерпретацию субъекта ВР, спросим о том, каким образом человек может являться субъектом реальности

с особыми свойствами – «недовоплощенной реальности»? Ближайший ответ на вопрос дает психология виртуальности: человек умеет создавать ВР в собственном сознании, но без того, чтобы реальность как таковая выступала *продуктом* этого сознания. То есть ни бред, ни галлюцинация, ни способность воображения не синонимичны понятию ВР. При этом следует отличать теоретическую позицию виртуальной психологии от установок «нового солипсизма», представленного, к примеру, концепцией Т. Метцингера. Метцингер говорит о том, что наше сознание заперто в нейронной симуляции («туннеле Эго»): «Мы живем в виртуальном мире» (Метцингер 2017: 179). В более поздних работах эта концепция максимально сближается с представлениями восточной культуры о реальности как «великом ничто» и иллюзорности. То есть в таком понимании ВР мы вновь сталкиваемся с отождествлением смысла «виртуальности» с «симуляцией».

Тем ценнее теории, выстраивающие представления о ВР на основе более сложной и парадоксальной позиции и сохраняющих классическое ядро понимания ВР: в котором ВР – это реальность с «заданными свойствами», но в пределах и общей со всеми действительности; которое предполагает смысловую дистанцию с категориями «субъективной реальности», но в то же время подчеркивает обусловленность ВР активностью онтологического / онтического субъекта. ВР понимается как особое состояние «удерживания» реальности от полной реализации, состояние «недовоплощения» и потому «потентности».

К теориям, опирающимся на классическое теоретическое основание, относится виртуальная психология Н.А. Носова.

Виртуальная психология

Психолог Ч. Тарт одним из первых ввел различие реальности на «виртуальную» и «ординарную», а команда Носова представила психологическую концепцию феномена виртуализации реальности. Особой заслугой исследователя является отчетливая характеристика «виртуализации» реальности. Автор не считает возможным «растворить» свой предмет в неких рассуждениях об «измененных состояниях сознания». Да, он описывает состояния алкогольного или наркотического опьянения, игрового куража и т.п., но не в качестве примеров состояний «измененности сознания»³. Он дает отчетливые критерии связи этих состояний с теми смыслами, которые в научной и философской мысли закрепились за термином «виртуальность».

Носов подчеркивает главную особенность ВР: ее повышенную по сравнению с константной реальностью привлекательность. ВР связана с «гратуальными переживаниями»: «...все предметы виртуальной

³От себя добавим, что само выражение «измененное состояние сознания» вряд ли соответствует критериям научного термина. Оно содержит имманентное убеждение в наличии «нормы» сознания, при этом никак не раскрывая содержание этой «нормы» – то есть просто отсылает к контексту повседневного опыта и общепринятых смыслов.

реальности видятся более ярко, чем предметы константной реальности. Это восприятие сродни вдруг открывшейся красоте обыкновенного цветка, или камня, или заката солнца. В гратуале действительность является более живой, истинной, а потому виртуальные реальности являются более привлекательными» (Носов 2000: 243). Носов обозначает причину привлекательности состояния виртуала как «эффект бинокля». В ВР человек может позволить себе видеть (и преувеличивать) только то, чем он заинтересован; реальность как таковая (константная реальность) в этом случае не беспокоит неопределенностью, риском и угрозой базовым потребностям. Поэтому ВР делает человека «богоподобным»: «Виртуальный психический мир — это мир невесомости психических образов» (Носов: 262). Когда же человек вынужден вернуться в «реал», то испытывает состояние, названное Носовым «эффектом гравитации»: «ощущение тяжести и неприятности нахождения в константной реальности после нахождения в гратуале» (Носов: 423).

Для виртуальной психологии анализ ВР является исследованием в первую очередь аддикций. Культурологические исследователи находят похожие эффекты в различных формах активности человека: состояние потока, избыточного научения, театральности и т.п. В исследовании Э.А. Соснина и Б.Н. Пойзнера (Соснин, Пойзнер 2002) дается максимально широкая палитра ВР. За скобками, повторяюсь, всегда остается лишь ситуация, когда некая «особая реальность» вступает «аутогенной» и спонтанно-неконтролируемой (бред, галлюцинации и т.п.). С позиции же философского исследования теоретические данные виртуальной психологии важны в первую очередь из-за внимания к тому, что человек – существо, склонное к выходу за пределы константной реальности; он всегда допускал и допускает, что данная ему реальность – это не «все, что есть». Это может пониматься как движение в сторону трансцендентного, так и в отношении «расширения» действительности, и машина – самый привычный человеку медиатор изменения реальности, реализации ситуативно невозможного (например, поднимает неподвластные его усилиям грузы, заставляет течь воду против естественного течения и т.п.). Машины – неприменные спутники онтического субъекта они позволяют этому субъекту преодолевать (расширять) имманентно данное.

ВР – один из многих способов «онтологического саботажа». Способность человека к созданию ВР характеризуется тем, что человек остается в общей для всех реальности, одновременно придавая ей свойство «недо-реальности» в локальной области своего сознания. На практике это осуществляется определенными действиями, и это действия с применением определенных объектов – они выступают медиаторами от реальности константной к реальности виртуальной. Эти медиаторы являются своего рода третьим членом между двумя модусами реальности, и, как правило, они остаются в тени многочисленных исследований природы и специфики ВР. Что выступает основным стимулом и контекстом данного исследования: далее будет предложен по необходимости избирательный анализ-очерк «машин виртуальности».

Машина как медиатор виртуальности

Потребность человека в виртуализации коррелирует с возможностями создавать такие машины, которые меняют свойства реальности для воспринимающего ее сознания. Так (и, возможно, только так) человек оказывается субъектом ВР. Акцентируя этот праксеологический момент, мы открываем еще один аспект внимания к виртуальной реальности: не только к характеру самой реальности, но и к активности ее субъекта.

Семантика «машины» связана с исходным смыслом «μηχανή»: это уловка / обманка, усиливающая природу человека. В самом греческом слове и в целом спектре коннотаций, связанных с ним, заключена характеристика амбивалентности машины: она может как помогать, так и обманываться этой «помощью».

Ключевым свойством машины, отличающим ее от немашинных (естественных) циклических процессов, является то, что машина – это система контроля: наблюдаемая, детерминированная, конечная, статическая и дискретная система планирования. Машина виртуальности (далее МВ) – это созданная человеком система с указанными параметрами. Ее функционал: воздействие на сознание человека с целью получения гратуальных переживаний. Отталкиваясь от выводов виртуальной психологии, можно сказать, что самым очевидным претендентом на роль МВ выступают алкоголь и наркотики, поэтому в первую очередь очертим особенности этой «машины».

Химическая МВ

Химическая МВ вторгается в физиологические процессы организма; дофаминовая стимуляция растормаживает области коры головного мозга, особенно префронтальной коры. Механизмы, отвечающие за это вторжение, описываются как рецепт (химическая формула) и являются предметом токсикологии. А в качестве функционала МВ мы должны говорить о том, что под воздействием этой «машины» контроль сознания над реальностью снижается, и образовавшийся избыток энергии вызывает ощущение некой переполненности жизнью. «Эффект бинокля» дарит уверенность, что все происходящие изменения относятся к самой реальности – которая при этом не оказывается «другой». С позиции психологии это проблема зависимости от химических стимуляторов. С позиции философии это проблема предельного отчуждения: когда машина паразитирует на бытовании человека; выступает скорее «обманкой», нежели «уловкой».

Нет необходимости описывать химическую МВ в качестве конкретных веществ и их модификаций – это явление, увы, распространенное в человеческой культуре как в синхронном, так и в даихронном измерении. В некотором смысле нам уже поздно бояться «восстания машин». Опоздал с предупреждениями даже С. Батлер, который еще в 1863 г. писал: «Машины тем не менее день ото дня завоевывают над нами преимущество; день ото дня мы становимся все больше от них зависимы; день

ото дня все больше людей оказываются связаны с ними узами, подобными рабству, все больше людей посвящают все свои силы развитию механической жизни. Развязка есть лишь вопрос времени...» (Батлер 2021: 99-100) Состояние «онтологической недостаточности» – рабство добровольное, поскольку «недореальность» и есть тот продукт, который человек надеется получить от МВ. При этом пребывание в химическом виртуале обходится организму очень дорого.

Эволюция МВ происходит в направлении более щадящего их воздействия, что особенно отчетливо проявляется в МВ, формирующейся в наши дни.

Компьютерная МВ

Компьютер обладает «двуслойным» механизмом: аппаратный и программный уровни. Аппаратный уровень при всей изобретательности инженеров ограничен возможностями имманентной реальности. Но программный уровень основан на математике, природа которой уникальна: она способна формировать устойчивые ментальные конструкции без того, чтобы опираться на законы природы и эмпирические закономерности; она сильна тем, что может описывать не только нашу реальность, но и *любую* внутренне непротиворечивую реальность. Математика есть способ «экстракции» гармонии, если понимать это слово ближе к его исходному значению (у Гомера): «скрепы», «гвозди», соединяющие части корабля.

Математическая гармония становится «машиной», если найден алгоритм, то есть конечная последовательность шагов решения какой-то задачи. В случае с компьютером система алгоритмов изначально была призвана восполнять ресурсы человеческого интеллекта, стать для нас «внешним мозгом» (со всеми известными оговорками по поводу уникальности и неповторимости человеческого мозга), что и позволило реализовывать с ним самые смелые эксперименты без повреждения мозга органического. Очень быстро появилась новая МВ с поистине удивительным размахом действия.

Само понятие ВР закрепилось в культуре после компьютерных проектов 60-х годов XX в., интегрирующих изображение, звук и движение ради «обмана чувств» человека. Но сегодня, как мы уже упоминали, тема заместительной, расширенной и т.п. реальности, конечно, может быть включена в тему МВ, но не на главных ролях. Гораздо ближе к нашей теме компьютерные технологии, включенные в повседневность, ставшие «внешним мозгом» на каждый день. Например, в качестве такой формы досуга, как компьютерные игры.

В компьютерных играх мы имеем дело с «дважды виртуализацией». Во-первых, следует учесть отмеченную еще Н. Луманом способность медиа формировать «удвоение реальности» (Луман 2005: 15). В случае с цифровыми медиа речь может идти не просто об эффекте дублирования обычной реальности, но и о создании самых вдохновляющих «других реальностей», переселиться в которые можно даже коллективом (многопользовательские

режимы). Во-вторых, важно экзистенциальное измерение компьютерных игр. Геймплей воспроизводит суть жизненного процесса: квесты и миссии как жизненные затруднения; рост и потеря ресурсов, главный из которых – «здоровье» – существенно влияет на «долгожительство». Законченная сессия и проигрыш – это не просто «game over», а «you died». Но при этом количество игровых сессий не ограничено, и это свойство игровой реальности делает ее реальностью с усеченными свойствами, точнее с одним, но главным исключением – необратимости смерти.

Экзистенциально-онтологический потенциал компьютерных игр «обнажился» вместе с оглушительным коммерческим успехом гиперказуальных игр⁴. Именно этот «каркас» геймплея т.н. коммерческих игр гейм-дизайнер Н. Дыбовский называет «конфликтом ножа и масла»⁵: когда под маской бодрящей изменчивости кроется только усыпляющая стабильность. Мозгу обеспечен высокий энергетически-дофаминовый «бонус» и, в силу этого, психологическая притягательность ВР (реализуется «эффект бинокля»).

Может показаться, что тема компьютерных игр исчерпывает тему компьютерной МВ. Однако пристрастие к виртуализации реальности посредством компьютера имеет более тонкий и массовый эффект, когда мы говорим о неигровой ситуации.

Предначтанную компьютеру судьбу продвинутого калькулятора с функцией игровой приставки изменила парадигма открытой информационной среды: сеть Интернет (Трахтенберг 2004). Речь идет уже не об отдельных машинах, а о единой, распределенной по всему миру, машине. Она является системой многоуровневой архитектуры⁶. Мы подключены к сети постоянно (не каждый из нас, а в среднем), а значит, эта машина работает всегда. Новости, знаниявые ресурсы, визуальный контент – все это формирует у современных людей представление о реальности. Именно такая машина является базой для современного тренда ИИ: нейросетей. Эта новизна ИИ – уже *неклассическая машина*. В работе, посвященной онтологии машины (Оболкина 2023), автор обосновывает необходимость и эвристическую значимость введения этого концепта, здесь же подчеркнем только основное для нашей темы. А именно: неклассическая машина делает хаос элементом собственного механизма. В данном случае хаос – это человеческий контент Интернета. Но то, *как* неклассическая машина работает с хаосом, позволяет осуществляться новой ВР: эта реальность характеризуется тривиальностью, возведенной в степень.

⁴ В этих очень простых играх с интуитивно понятной механикой человек погружается в выполнение некой задачи, повторяя простые действия (например, собрать в ряд три шарика одного цвета).

⁵ Дыбовский Н. На пороге костяного дома : докл., прочитанный Н. Дыбовским на Конференции разработчиков игр в 2005 г., 07.10.2012 / расшифр. Андрея Муждабы. URL: <http://gamestudies.ru/post/228> (дата обращения: 09.02.2024).

⁶ *Open Systems Interconnection model* (OSI model) выступает первой стандартной моделью в этой области.

Нейросети изменяют прежнюю поисковую практику в Интернете: теперь выбор из существующих ответов осуществляет сама нейросеть. Алгоритмы ИИ⁷ обрабатывают вероятности слов, предложений, фраз и т.д. Важно, что речь идет о вероятности принципиально в трактовке *нормального статистического распределения*, а значит, хаос человеческого контента перестает быть, по сути, «истинным» хаосом. Б. Мандельбро, исследуя возможности математического аппарата для работы с хаосом, отделяет «дикий случай» от нормального статистического распределения, называя последний «одомашненной случайностью» (Мандельброт 2004). Поэтому элементом механизма нейросети выступает хаос в категориях среднестатистического распределения. На практике это означает: на любой запрос нейросеть выдаст ответ, критерием правильности которого выступает соответствие максимально вероятному решению. Можно допустить возможность выстраивать ИИ на других принципах, но сегодня это основное инженерное решение.

Нейросеть устроена таким образом, что сгенерированный ответ сам становится контентом и вносит свою лепту в распределение весов⁸. Обучение нейросети – это итеративная процедура с кольцевым эффектом. Сгенерированное сегодня (и одной версией модели) становится корпусом для обучения нейросети завтра (последующих версий). «Усредненный» облик реальности в любом ее локусе становится единственно возможным ее образом, формируемый современным ИИ.

Задолго до широкого развития нейросетей С.С. Хоружий говорил о том, что компьютерные технологии приведут «...к появлению типа homo virtualis, который стремится замкнуться в горизонте виртуальной реальности, с трудом его покидает и вырабатывает специфические “виртуалистские” стереотипы поведения и деятельности. В большой мере они связаны с тем, что виртуальный мир не создает своих форм и вынужденно ограничивается манипулированием с готовыми формами, их всевозможным дроблением и комбинированием»⁹. Мыслитель пророчески отметил специфику нового виртуала: содержанием этой ВР будут много раз перетасованные, но одни и те же (в силу их максимального вероятностного веса) элементы. Мы оказываемся в некой онтологической «капсуле», созданной бесконечной итерацией среднестатистических решений.

Причем эта «усредненность» приобретает все более прицельный характер: рекомендованный нейросетью контент может выстраивать «капсулу реальности» для индивидуального человека. Таргетинг использует механизм, важной частью которого выступает когнитивный эффект пред-

⁷ Речь об LLM-моделях – это языковые модели, обрабатывающие и генерирующие относительно большие тексты по запросу пользователей.

⁸ Система числовых значений, регулирующая выбор искусственной нейронной сети той или иной связи между нейронами.

⁹ Хоружий С. 1997. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. URL: <https://opentextnn.ru/man/sergej-horuzhij-rod-ili-nedorod-zametki-k-ontologii-virtualnosti/> (дата обращения: 09.05.2024).

взятости подтверждения (confirmation bias): человек склонен искать только ту информацию (или музыку, образы и т.п.), которая заведомо принимается им. Благодаря огромной базе данных и скорости ее обработки нейросеть отбирает и поставляет заведомо принимаемый человеком контент намного успешнее самого человека. Создается «кокон комфорта», он же VR. Это состояние виртуала не несет таких эффектов, которые связаны с прямым разрушением клеток мозга, но «онтологическая недостаточность» оказывается даже более выраженной. Примером может являться феномен блогинга, особенно т.н. Lifestyle. Человек не просто «придумывает» некий образ себя и своего окружения, щедро делясь им с подписчиками. Это его собственный «эффект бинокля», его способность не замечать реальность помимо этого перманентно осуществляемого им образа. Но его VR часто становится и коллективной: один человек создает из своей жизни VR, а другие (подписчики) к ней подключаются. Если соотнести это с действием химической МВ, это было бы ситуацией, когда алкоголик мог бы поделиться гратуальными переживания опьянения, просто рассказывая о них. То есть «онтологическая недостаточность» становится еще и заразной благодаря техническим возможностям новой МВ.

Стоит упомянуть о еще одной опасности создаваемой этой машиной VR. Все, что говорилось выше о нейросетях, предполагало «идеальное воплощение» неклассической машины. Но в реальной практике самостоятельность нейросети очень условна. Нейросеть всегда под контролем инженеров: во-первых, ее могут специально сломать умелые пользователи (например, масштабируя какой-либо контент, чтобы он приобрел максимальные веса). Во-вторых, инженерами осуществляются прямые корректировки контента. Помимо машины (алгоритмов) над отбором ответов, изображений и т.п. трудится большое количество людей. Это ассессоры – оценщики информации, как правило, нанятые в странах с низкой оплатой труда. По выданным им методичкам они вручную корректируют результаты поиска. То есть определенный стратегический нарратив, помноженный на возможности компьютерной МВ, означает «ручное управление» содержанием нашей VR. Это далеко не все сложности, возникающие с компьютерной МВ, но главной проблемой выступает уже обозначенная нами тема: жизнь человека оказывается фактором бытия машины.

Обратим внимание и на некую «машинность» поведения человека в момент включения машины – то есть входа в состояние виртуала. В отношении компьютерной МВ это не просто просматривание статьи, изображения и т.п., а скроллинг ленты, задающий высокий ритм смены контента, поставляемого алгоритмами. Можно почти услышать характерный звук запуска мотора в момент соединения нашего сознания и МВ... И вот уже человек получает от ИИ образ реальности, а ИИ – необходимое обновление корпуса для обучения в виде реакций и просмотров; таргетинг подбирает индивидуально ориентированные данные и обновляет личный «кокон» реальности. В котором можно жить, и не только можно, но и хочется – именно в этом заключается эффект пристрастия. Включается способность устойчиво игнорировать какие-то

черты и области константной реальности. Подчеркну: МВ – это тема не столько аддикции, сколько «сна сознания». Речь о вероятностном прогнозировании, которое выступает важнейшим элементом восприятия реальности и основным функционалом МВ. Движение по неким вероятностным «направляющим» оставляет наше сознание (и мозг) в режиме экономии ресурсов, своего рода сна.

Но было бы слишком простым решением назвать эти процессы чистым злом и призвать людей «проснуться». Как минимум потому, что тем самым мы лишились бы значительной части культуры. Обратим внимание на еще одну МВ – на сей раз музыкальную. Подчеркну, что рассмотрение музыкальной культуры в заданном контексте не является интеллектуальной провокацией. Важно сместиться в сторону от пейоративного настроения по отношению к МВ, чтобы позволить себе по возможности беспристрастный взгляд.

Музыкальная МВ

Во все эпохи и во всех музыкальных традициях подчеркивалось влияние музыки на сознание человека. Но существует музыкальная система, обладающая характеристиками «машинности» и потому вызывающая некий принципиально *гарантированный* эффект – как раз основанный на функционале вероятностного прогнозирования. Речь о тональной музыке. Она является продуктом европейской культуры, ее появление относят к XIV–XV вв., становление – к XVI–XVII вв., а «господство» заканчивается к XX в., что, впрочем, не означает ее депопуляризации.

Несмотря на то что тоническая система кажется нам (европейцам) преобладающей, она все-таки является локальным образованием в огромном пространстве более ранней европейской профессиональной и народной музыки, а также всей неевропейской музыкальной традиции – того, что получило определение музыки модальной. (Добавим, однако, что по мере влияния европейской культуры происходило «перерождение» в тональную систему и неевропейской музыки.)

Термин «тональность» однозначно не определен, и в нашу задачу не входит это исправлять. Подчеркнем лишь то, что тональность – это иерархическая связь звуков различных высот, централизованных т.н. тоническим трезвучием. «Центральность» этого трезвучия означает, что гармоническая система лада (мажора или минора) характеризуется отчетливо и постоянно ощущаемым тяготением к определенным звукам. «Благодаря мощному тяготению к центру системы гармоническая тональность как бы вобрала в себя прочие лады в качестве ступеней, “внутриладов”» (Асафьев 1963: 346). Поэтому тоническая система имеет черты «алгебраичности»: можно транспонировать музыкальное произведение, начав его с любого другого звука – так же, как сохраняется алгебраическая формула при подставлении различных чисел.

В определенном смысле именно тональная гармония ближе всего к исходному смыслу понятия «гармония»: «скрепы», «гвозди» какого-то сооружения. Тональность – это архитектоника мира, основанного на опор-

ной функции тонического трезвучия. Оно диктует базовый паттерн развития музыкальной ткани с обязательным завершением на определенном звуке – и это завершение чувствуется «заранее», тогда как в модальной системе опорным звуком будет просто тот, на котором остановится или задержится мелодия. Поэтому модальная музыка для непривычного к ней европейского слуха ощущается даже если приятным, но неорганизованным образованием.

Г. Орлов, внимательно исследующий восприятие модальной и тональной систем, подчеркивает, что это «две совершенно разные установки и плоскости восприятия: одна из них заключается в следовании течению звукового процесса; другая в схватывании и удерживании памятью его структур и структурных отношений. Они не могут соотноситься как высшая и низшая, потому что каждая опирается на особую настройку ума, подготовку и навыки» (Орлов 1992: 54). Поэтому стоит отметить ключевое различие между *функциональной конструктивностью* тональной системы и *выстраиванием* музыки, например, в восточной классической традиции. В частности, китайская классическая музыка – это сложная система расчетов того, какой тон, в каком месте и как должен прозвучать, чтобы сформировать у слушателя определенную настрой. Индийская рага – еще один показательный пример. Существуют несколько формул, в которых учтены связь с временем года, днем и временем исполнения; полом, возрастом, телосложением, знаком зодиака исполнителя и т.д. Каждая рага призвана создать подходящее к конкретному моменту и месту состояние слушателя. Казалось бы, вот она – музыкальная машина, воздействующая на сознание. А значит, это и есть претендент на статус МВ. Но модальная музыка тщательно и тонко настраивает *каждый момент* восприятия. Тональная система совершает нечто иное: благодаря функционалу тяготения она «пробрасывает» восприятие чуть вперед собственно звучания. Положительный вероятностный прогноз фундирует восприятие условно неожиданного развития музыкального узора.

Эти черты тональной музыки особенно отчетливо проявились в феномене поп-музыки. Правильнее даже сказать, что феномен поп-музыки стал возможен благодаря этому функционалу тональной системы (это процесс, отчасти идентичный выдвиганию на первый план гиперказуальных игр среди всего многообразия компьютерных игр). История появления этого сектора музыкального искусства также является процессом упрощения. Изначально довольно сложная профессиональная тональная музыка соединялась с более простыми традициями музыки народной, превратившись сначала в городскую песню и далее проложив «русло» популярной музыки отдельно от музыки, которую стали называть «классической». Упрощение шло по пути «обнажения» системы тональной функциональности (когда музыкальная композиция представляет собой квинтэссенцию чередования базовых аккордов I, IV, V и VI ступеней). Добавим к этому простую песенную структуру: восприятие предугадывает, когда случится повторение того или иного мотива. А также особое ритмическое сопровождение, резонирующее с биологическим ритмом (повторяющийся акцент ударных

на сильной доле). Это основа музыки, к которой массово развивается страсти. Речь идет как о самых тривиальных, так и о довольно изощренных композициях – у каждого человека своя потребность в мере неожиданных моментов в этом базовом пространстве предсказуемости. Но «обнаженная» в поп-музыке тональная функциональность работает так, что мы надеваем наушники, включаем музыку нон-стоп, и у повседневности появляется – можно сказать даже *включается* – красочность.

Много говорится о «заразности» музыкальных поп-композиций – этот угол зрения был задан мемометикой и конкретно концепцией медиавирусов Д. Рашкоффа. Но мы подчеркнем: у модальной композиции практически нет шанса стать мемом, тогда как в системе тональности мотивы преобразуются в мемы с завидной частотой. Потому что его «фиксация» в сознании происходит благодаря тональной гармонии (а не просто узнаваемости мотива).

Конечно, всякая музыка по определению есть область воздействия на сознание – вплоть до трансового (что как раз относится к раге). Но состояние виртуала – это не транс. Это не погружение внутрь себя, а, наоборот, обострение восприятия окружающей действительности, ощущение «проясненного» видения; человек не расслаблен, а активен. Яркость реальности усиливается – как цветов грусти, так и радости; как апатии, так и воодушевления. Главное, чтобы случился резонанс с личными предпочтениями слушателя, а дальше слушатель оказывается погружен в состояние легкого виртуала. А когда музыка заканчивается, он испытывает пусть краткое, но состояние описанного Носовым ингратуала – ощущение возвращения в поле гравитации. (В этом отношении можно вспомнить прозрение Ф. Ницше, который на заре своего творчества был под сильным влиянием музыкального искусства, в первую очередь творчества Р. Вагнера. Оставаясь всю жизнь очень музыкальным человеком, он тем не менее говорил о европейской музыке как о наркотике.)

Почему состояние «мне нравится» в ситуации вовсе не предосудительной активности (прослушивание музыки) имеет шанс стать состоянием виртуала – и потому мы говорим о музыкальной МВ?

Тональная музыка – это нейроситуация, которая уже описывалась нами в случае с химической и компьютерной МВ: мозг «отдыхает» в состоянии высокого уровня активности. Вероятностное прогнозирование развивается в контурах положительной обратной связи. На наше восприятие реальности как бы наложена некая оптика «могущества»: мы наконец располагаем реальностью, а не она нами. Этот контроль (точнее, ощущение контроля) тем выше, чем отчетливее проявлен в музыкальной ткани базовый «алгоритм» (тоника – субдоминанта – доминанта). Что и подтверждает научный анализ восприятия музыки: нейроисследования говорят об аналогии восприятия тонической музыки и действий уже описанных нами больших языковых моделей (LLM), работающих по принципу вероятностного прогнозирования.

То, что удовольствие от «западной музыки» связано с пропорцией ожидаемого и неожиданного в мелодическом и гармоническом конту-

ре, является общим местом в исследованиях музыки (см., напр.: Болл 2021). Намного более редким случаем выступает анализ нейроактивности во время прослушивания музыки разных культур – например, исследования Tatsuya Daikoku. В одном из них (Daikoku, Yumoto 2020) дается сравнение работы мозга при прослушивании музыки западной и классической японской (гагаку), причем с точки зрения формирования мозгом вероятностных прогнозов. Пока рано утверждать, что науке известны нейрофизиологические основания восприятия модальной и тональной музыки, но уже существуют эмпирические подтверждения того, что восприятие «колебаний» неопределенности у музыкантов, воспитанных на модальной традиции, и музыкантов, воспитанных в преимущественно тональной традиции, различаются. При этом исследование Tatsuya Daikoku вовсе не упрощает картину. Показано, что существуют «страты» неопределенности. На одном уровне важен весь индивидуальный опыт прослушивания музыки и некоторые сложившиеся паттерны в нем, а на другом – опыт сиюминутный. Локальное предсказание тона зависит от самого музыкального произведения, но как таковое восприятие неопределенности тона зависит от того, с какими типами музыки слушатель сталкивался в своей жизни.

Отдельно следует отметить, что эти исследования опираются на относительно новую концепцию работы мозга, наиболее полно представленную А. Кларком (Clark 2015). Кларк настаивает, что работа мозга является не выстраиванием прецизионной картины реальности (внутренней, т.е. состояния организма, и внешней, т.е. окружающей среды), а перманентной работой с неопределенностью. Мозг активизируется и, соответственно, тратит энергию только в моменты ошибок вероятностного (приблизительного, в общих чертах) прогноза. Что закономерно происходит гораздо чаще при столкновении человека с реальностью, нежели в состоянии ВР.

Анализ музыки в контексте темы МВ не должен восприниматься как некое «разоблачение» столь важной части культуры. Подобное было бы невозможным уже потому, что сами создатели новой гармонической системы были не только осведомлены о новых эффектах наслаждения, но и активно с ними работали. Композиторы XVII–XVIII вв. развивали метод целенаправленного «возбуждения страстей» посредством как раз ожидаемых эффектов восприятия. Арсенал так называемых «фигур» (музыкальных мотивов) был обширен, особенной популярностью пользовались, например, мелодические «фигура вздоха» (*suspiratio*) и «фигура скорби» (*pathos*). Существовало отчетливое понимание того, как следует вводить небольшие отклонения от ладотональности, чтобы создавать эмоциональное напряжение. Это буквально *технологии*, которыми музыканты пользовались и которые активно развивали. «Пользуясь накопленными средствами и изобретая новые, композиторы начали “строить миры”» (Орлов 1992: 373). Из этих миров слушатель выбирает те, в которых ему нравится обитать, так как они начали воспроизводиться снова и снова благодаря сформировавшейся системе строгой нотации. А с возникновением медиа в эти миры можно практически переселиться.

Стоит отметить также, что именно тональная музыка – это первая массовая МВ. Химические МВ сопровождают человечество на протяжении всего существования и развиваются вместе с ним, но для массовой виртуализации эта машина использовалась очень ограниченно (в пределах некоторых культов). Массовость музыкальной МВ иного рода: это машина, к которой «подключаются» не только индивидуально, но и всем социумом. Многие культурологи напрямую связывают уникальность цивилизации европейского модерна с утверждением тональной музыки. Думается, это слишком сильное обобщение, но вряд ли случайно, что многие ключевые философы Нового времени создавали трактаты о музыке, ратуя за новую – тональную – музыкальную систему (см.: Глядешкина 2012). Или то обстоятельство, что «войну» прежней европейской музыкальной традиции (модальной полифонии) объявили «флорентийские камераты», лидером которых было семейство Галилеев. Винченцо Галилей является важной фигурой в теории музыки, его трактат «Диалог о старинной и современной музыке» (1581) явился ключевой вехой в утверждении новой музыкальной традиции. В свою очередь, его сын Галилео явился одним из основоположников экспериментально-математического естествознания, первым начав анализировать идеализированные объекты типа маятника без трения («маятник Галилея»). Идеализированные объекты науки образуются тогда, когда возникает способность воспринимать какую-то часть действительности, изолированной от «шумов и помех», и в этом смысле науку Нового времени можно интерпретировать в терминах ВР: «эффект бинокля» достигается путем элиминации некоторых свойств реальности.

В свою очередь, исследователи, ратующие за «отмену модерна», уделяют большое внимание критике тональной музыки. Подчеркну, что оппозиция выстраивается не в духе «классика» / «современная музыка», поскольку и джаз, и появившаяся на его основе рок-музыка не являются оппозицией тональной музыке (даже с учетом роли пентатоники). Настоящее противостояние модерну ведется в рамках атональной музыки. Например, «атональный философ» Т. Адорно настаивает, что цель музыки – «глубоко раскрепощать», но тональная музыка «закрепощает». Адорно не одинок в своей борьбе с тональностью. Можно упомянуть и Д. Зерзана, который напрямую связывает анархические политические смыслы и атональные принципы музыки (Зерзан 2007). Этот список можно продолжить, но хотелось бы подчеркнуть: при всех эвристических интуициях социологов музыки тема музыкальной МВ соприкасается с ними минимально. Мы говорим в первую очередь о когнитивных инструментах, а не о власти и подавлении. Тем более что именно тональная музыка позволяет нам говорить о МВ в контексте важных когнитивных приобретений культуры.

Невозможно утверждать, что все развитие западной культуры в том, а не ином направлении возникает из-за музыки. Но именно в музыке массово «прокачивается» способ осуществления «недореальности»: музыкальная МВ реализует компетенцию виртуализации реальности, умение делать действительность «недореальностью» и тем самым включать проективное

мироощущение, жить всепоглощающей утопией (см. о важности утопии в социальном миростроительстве: Мартыанов 2010).

Умение жить в некоем образе реальности, а не в самой реальности – дело техники. В том числе музыкальной. Способность игнорировать реальное в пользу виртуального позволила европейской цивилизации реализовывать удивительные достижения. Но не менее впечатляющей является и та цена, которую мир заплатил за способность и потребность одного из своих элементов пребывать в гратуале. Совершенно неслучайно борьба с модерном (а в нашем контексте можно сказать: с *состоянием* модерна как состоянием виртуала) ведется в терминах критики машины: Ж. Делез и Ф. Гваттари в «Анти-Эдипе» (и некоторых других произведениях) описывают реальность как пространство работающих машин, производящих только собственное существование. Однако возникает подозрение, что это проницательное наблюдение философов говорит все-таки не о реальности как таковой. Скорее это озвученное прозрение, подобное прозрению алкоголика – когда человек чувствует, что его жизнью живет химическая машина. Отсюда озвучиваемое философами состояние одновременно капитуляции и бунта: «В каком-то смысле было бы лучше, если бы ничего не работало, ничто не функционировало. Не быть рожденным, выйти из колеса рождений, без рта для сосания, без ануса для испражнения. Окажутся ли машины настолько разболтанными, а их детали настолько разъединенными, чтобы вернуть нас в ничто?» (Делез, Гваттари 2007: 21).

Мы не будем погружаться в тему «конца модерна» или ее интерпретации в современной философии. Для нашей темы гораздо важнее подчеркнуть: человеческая цивилизация породила и будет порождать МВ. Нам следует научиться их видеть там, где о машине говорить не принято – в этом можно видеть заслугу философии машинизма. Но не стоит выстраивать на этом наблюдении онтологический фатум. Потому что та же тональная музыка может продемонстрировать, как человек пользуется этой МВ, не становясь ее «винтиком».

Виртуал и виртус

Последний наш тезис заключается в том, что само существование МВ – это не очередной приговор человечеству. Мы уже говорили, что природа человека связана с «онтологическим саботажем». Это именно то, что порождает в том числе нашу склонность к виртуализации реальности. Вспомним и базовый смысл «машины»: это уловка, усиливающая природу человека. МВ имеет дело с сознанием, поэтому может усиливать нашу ментальную природу.

Стоит снова всмотреться в категорию «виртуальное», но при этом отделив смысл «virtual» и «virtuelle» от древнеримского «virtus». Что требует корректировки устоявшейся синонимии «virtus» и «arete». Римский смысл «виртуса» – не добродетель как таковая, а добродетель воина. Речь о состоянии особого рода агона: когда человек подчиняет своей воле саму реальность. (Н. Макиавелли, много рассуждающий в своих произведениях

о борьбе с фортуной, активно использовал категорию *virtu* с теми же коннотациями, что и древнеримские авторы.)

Интересно, что концепция виртуальной психологии Носова содержит обстоятельное описание экспериментов, обосновывающих феномен виртуса: это по преимуществу игровые ситуации. При этом исследователь не проводит какого-то различия в общем контексте виртуализации; не упоминает и само слово «*virtus*». Однако мы будем настаивать на необходимости вербального и понятийного разграничения, поскольку оно важно с позиции *практики* осуществления ВР: состояние *виртуала* предполагает захваченность сознания человека МВ, а состояние *виртуса* – это использование МВ для расширения собственных возможностей.

Чтобы укрепить эту диспозицию, требуется учесть средний термин аристотелевской триады – энергию. Энергия как способность быть «в-работе», «в-деле» существует только в моменте; это не то, что можно запасти. В аристотелевской онтологии энергия – это состояние быть-в-работе самоосуществления сущности. Если же речь идет о ВР, то энергия связана с «бонусом» от состояния «недореальности» – которому можно подчиниться или использовать. Энергия – это ответственность. Она заставит в любом случае «быть-в-работе» – самосозидания или саморазрушения.

Виртус требует агона, и состязание должно случиться именно с реальностью. Если этого состязания не может быть в принципе или человек его избегает, никакой работы по созиданию нового не происходит. Человек лишь дистанцируется от константной реальности состоянием «*как бы*» победы над реальностью. Тогда как виртус – это способность превращать реальность в пространство своей собственной игры. Именно эту доблесть как высшую добродетель ценили древние римляне, хорошо знакомые с неуловимыми факторами победы. Юлий Цезарь не считал нужным наказывать порочных воинов (укравших деньги своих соратников), поскольку они, как он указывает, «обладают великим виртусом» (McDonnell 2006: 8). Сигер Брабантский называл разум виртусом человека (Сигер Брабантский 1969: 819), то есть человек обладает мощью вступать с реальностью в особые отношения, недоступные, к примеру, животным. Это способность к виртуализации реальности, но не в смысле ее фиктивности, а в смысле плюрипотентности. «Машины виртуса», согласно этой логике, позволяют осуществлять ситуацию «всевозможной реальности». Поэтому следующий вопрос: каким образом МВ могут быть машинами виртуса? И все ли МВ могут быть таковыми?

Истории известны попытки превратить химическую МВ в машину виртуса. Примером может выступать отчасти интересная, но по большей части одиозная деятельность Т. Лири. Он приводит множество доводов в пользу того, что наркотики расширяют сознание (Лири 2001). Сам Лири ратует за их использование для производства религиозных откровений и недоумевает, почему ортодоксальная часть религиозного дискурса не спешит воспользоваться этой возможностью. Основной спор в отношении такого «апгрейда» сознания ведется в отношении его возможности и этической допустимости. Но с позиции внимания

к праксису виртуализации реальности стоит подчеркнуть: даже если подобная химическая «машина» возможна, она рано или поздно будет использоваться не как машина *виртуса*, а как машина *виртуальности*. То есть рано или поздно приоритет получит состояние гратуала, а не искомый «апгрейд» (как к нему ни относиться). Это связано, во-первых, с радикальной эффективностью химической МВ – она не оставляет человеку шанса просто использовать эту «машину» в качестве инструмента, просто изымать избыток энергии в пользу собственных задач. Эта «машина» осуществляет свое бытование за счет физиологии человека. Во-вторых, даже если в момент приема химических стимуляторов повышается какой-то когнитивный потенциал человека, он сохраняется только в момент работы МВ. После выхода из гратуала вместе с разрушенными грубым вмешательством клетками мозга теряется и обретенная способность. Это факторы, работающие на перспективу расширения влияния самой химической МВ, но не расширения сознания.

Тональная музыка (описываемая нами как МВ) также воздействует на мозг – что и показывают нейроисследования. Но это воздействие куда более щадящее. А потому эта система позволяет создавать такие произведения, восприятие которых является сочетанием наслаждения и навыка: удовольствие возникает только после того, как усилие слушания привело к появлению некоторой компетенции; когда человек начинает *понимать* классическую музыку. Невозможно провести отчетливую грань в секторе профессиональной классической музыки между «легкой» и «трудной», тем более что мы склонны рассматривать музыкальный текст в категориях «нравится» / «не нравится», а не «трудно» / «не трудно». Но пример с музыкой И.С. Баха может быть очень показательным.

Историки музыки не единожды отмечали, насколько разная судьба у двух музыкальных талантов-современников: Г.Ф. Генделя и И.С. Баха. При всем стилистическом сходстве музыки Генделя и Баха первая сразу завоевала популярность, тогда как композиторское творчество Баха очень долго не ценилось (он воспринимался в первую очередь прекрасным педагогом). Современники говорили о степени сложности для слушания: произведения Баха воспринимались переусложненными и «сухими», тогда как Гендель «успокаивал слух». Сегодня любители и профессионалы в один голос говорят о том, что восприятие произведений Баха действительно связано не с чистым наслаждением, а с особого рода работой сознания. Научаясь «слушать Баха», человек формирует навык слежения одновременно за несколькими независимыми голосами – и тогда возникает наслаждение его музыкой. В современных нейроисследованиях подобная способность контроля за «распараллеленными данными» называется «многопоточковой парадигмой». И совершенно неслучайно, что анализ «интуитивно понятного способа объединения параллельных, хотя и не полностью независимых потоков информации в рамках целостного восприятия или гештальта» опирается на анализ полифонической музыки (см.: Treder et al. 2014: 11). Навык восприятия полифонии рассматривается в качестве апгрейда интеллектуальных систем (даже без кавычек).

Важно поставить более животрепещущий для современности вопрос: может ли компьютерная МВ выступать машиной виртуса? Тем более что она гораздо безопаснее химической и при этом не является уделом небольшого количества любителей классики.

Выше мы говорили о компьютерных играх в качестве МВ. Благодаря цифровой образности компьютерная игра может выступать пространством «искусственной реальности», в том числе самой «странной реальности». В этой реальности сознание игрока по-прежнему поставлено перед задачей «выживать». И если игровая реальность обладает чертами *имманентно невозможной реальности* (например, являясь пространством четырех измерений¹⁰), то, чтобы суметь как-то в ней действовать, сознанию требуется выработать условия *понятности* этой реальности. Это серьезный труд, предпринятый с целью наслаждения – в этом можно усмотреть сходство между прохождением такой игры и прослушиванием музыки Баха. Поэтому мы утверждаем: компьютерная игра может являться машиной виртуса. И такие игры существуют; развивается и направление гейм-дизайна, противопоставляющее свои разработки коммерческому сектору КИ (см. об этом: Оболкина 2022).

В отношении же МВ, создающей «кокон реальности» благодаря современному модусу ИИ, пока еще рано говорить о наличии подобных разработок. На данный момент мы находимся еще в состоянии «знакомства» с этой МВ. Но рассуждать о перспективах появления на ее основе машины виртуса можно и нужно.

Выше мы говорили, что компьютерная МВ активно способствует формированию «кокона» нашей личной ВР. Наша повседневность «капсулирована» в пространстве одних и тех же интересов, решениях, эстетическом контексте и т.п. Но, если отнестись к этому обстоятельству творчески, ИИ может подарить нам уникальный инструмент рефлексии нашего «базового среднего» (социума или каждого из нас). Эта МВ делает наше среднестатистическое видимым – достаточно проанализировать результат работы таргетинга или просто собственную новостную ленту. В нашей воле остается то, как распорядиться результатом этой рефлексии. Можно допустить, что полученные представления окажутся тем, от чего имеет смысл отталкиваться в собственном развитии и поиске новых решений для культуры. Это будет означать труд превращения МВ в один из инструментов формирования алертности – готовности к действию в условиях всегда неопределенной константной реальности.

Заключение

Разговор о реальном и виртуальном с позиции философского исследования не может быть борьбой нарративов о том, какова действительность

¹⁰ См., напр.: Miegakure 2016 – Miegakure. Как проходить сквозь стены используя 4-е измерение? URL: https://yandex.ru/video/preview?text=Miegakure%20обзор&path=wizard&parent-reqid=1596603720874388-1167219774177253904700283-production-app-host-sas-web-yp-155&wiz_type=vital&filmId=10796950891420962746 (дата обращения: 09.05.2024).

«на самом деле»; что существует, а что только мнится. В данной работе автор исходил из установки, что склонность к ВР – это не зло, появившееся вдруг и захватившее человека современности, это всегда выбор субъекта подобной активности. Поэтому в работе в первую очередь был предпринят анализ категории «виртуальная реальность». Делается вывод о том, что активно проявившаяся в философии постмодерна девиация смысла «виртуальности» в сторону «симулятивности» ситуативно возможна, но по преимуществу вредна: она исключает рассмотрение виртуальной реальности как такого феномена, который работает на усиление онтологической alertности человека. Именно поэтому, развивая анализ ВР в русле классического понимания, автор делает акцент на активности онтологического / онтического субъекта. И далее анализирует эволюцию *средств*, которыми человек достигает виртуализации реальности. Для этого в работе вводится концепт «машины виртуальности» – это инструмент анализа медиации от реальности константной к реальности виртуальной. Этот концепт позволяет понимать виртуализацию реальности в качестве экзистенциальной потребности человека и анализировать многообразие найденных им практических решений в этом направлении. Целью работы было показать, насколько важно видеть в повседневности собственного бытования и в существовании социума особого рода «машины», работающие на виртуализацию реальности.

В данной работе были проанализированы химическая, компьютерная и музыкальная МВ с точки зрения их функционала, а также опасностей, связанных с их использованием. Показано, что характер этих негативных моментов связан с радикальным отчуждением: когда бытование человека оказывается подчинено бытованию машины. Автор не считает данные системы исключительными «машинами виртуальности», но выбирает их для анализа в силу их репрезентативности.

Знание опасностей, исходящих от «машин виртуальности», однако, не должно быть чревато фатализмом и демонизацией этих медиаторов. Поэтому в данном исследовании были показаны условия, при которых «машина виртуальности» оказывается «машиной виртуса», то есть машиной в истинном смысле этого слова: «уловкой», усиливающей природу человека, а не «обманкой», ставящей человека в условия поражения и отчуждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асафьев Б.В. 1963. Музыкальная форма как процесс. Ленинград : Музгиз. 379 с.
- Батлер С. 2021. Дарвин среди машин // Неприкосновенный запас. № 2 (136). С. 95–100.
- Болл Ф. 2021. Музыкальный инстинкт. Почему мы любим музыку. Москва : Эксмо. 488 с.
- Глядешкина З.И. 2012. Модальность и тональность во французской музыкальной теории и практике позднего Ренессанса и раннего барокко : автореф. дис. д-ра искусствоведения / Московский государственный институт музыки. Москва. 49 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.

- Зерзан Д. 2007. Первобытный человек будущего. Москва : Гилея. 224 с.
- Лири Т. 2001. Семь языков бога. Киев : Яиус ; Москва : Пересвет. 224 с.
- Луман Н. 2005. Реальность массмедиа. Москва : Праксис. 256 с.
- Мандельброт Б. 2004. Фракталы, случай и финансы. Москва ; Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 256 с.
- Мартыанов В.С. 2010. Политический проект Модерна. От мирозкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 367 с.
- Метцингер Т. 2017. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. Москва : АСТ. 437 с.
- Николай Кузанский. 1980. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 471 с.
- Носов Н.А. 2000. Виртуальная психология. Москва : Агаф. 432 с.
- Оболкина С.В. 2022. Геймдизайн и онтология невозможного // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. № 3 (33). С. 39–52. DOI 10.23951/2312-7899-2022-3-39-52
- Оболкина С.В. 2023. Онтология машины. Блеск и нищета машинизма // Антиномии. Т. 23, вып. 3. С. 20–41. DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_20
- Орлов Г. 1992. Древо музыки. Вашингтон ; Санкт-Петербург : Н.А. Frager & Co : Совет. композитор. 403 с.
- Сигер Брабантский. 1969. *Questiones de anima intellectiva* // Антология мировой философии : в 4 т. / ред.-сост. В. В. Соколов. Москва : Мысль. Т. 1, ч. 2. С. 812–823.
- Соснин Э.А., Пойзнер Б.Н. 2002. Социальная виртуалистика: принципы, задачи и примеры : Прилож. к «Рабочей книге по социальному конструированию. Ч. 2». Томск : Изд-во Томск. ун-та. 118 с.
- Трахтенберг А.Д. 2004. Информационная революция и информационный раскол: что происходит в России // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. № 5. С. 329–343.
- Эпштейн М.Н. 2001. Философия возможного. Санкт-Петербург : Алетейя. 334 с.
- Clark A. 2015. Embodied Prediction // Open MIND / T. Metzinger, J. M. Windt (eds.). Frankfurt am Main : MIND Group. P. 1–21.
- Daikoku T., Yumoto M. 2020. Musical expertise facilitates statistical learning of rhythm and the perceptive uncertainty: A cross-cultural study // *Neuropsychologia*. Vol. 146. № 107553. DOI 10.1016/j.neuropsychologia.2020.107553 URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107553> (дата обращения: 09.05.2024).
- McDonnell M. 2006. Roman Manliness: «Virtus» and Roman Republic. Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press. 492 p.
- Treder M.S. et al. 2014. Decoding auditory attention to instruments in polyphonic music using single-trial EEG classification / Treder, M.S., H. Purwins, D. Miklody, I. Sturm, B. Blankertz // *Journal of Neural Engineering*. Vol. 11, № 2. DOI 10.1088/1741-2560/11/2/026009 (дата обращения: 09.05.2024).

References

- Asafyev B.V. *Muzikal'naya forma kak protsess* [Musical form as a process], Leningrad, Muzgiz, 1963, 379 p. (in Russ.).
- Ball Ph. *The Music Instinct: How Music Works and Why We Can't Do Without It*, Moscow, Eksmo, 2021, 488 p. (in Russ.).
- Butler S. Darwin Among the Machines, *Neprikosnovennyi zapas*, 2021, no. 2 (136), pp. 95–100. (in Russ.).

Clark A. Embodied Prediction, *T. Metzinger, J. M. Windt (eds.). Open MIND*, Frankfurt am Main, MIND Group, 2015, pp. 1–21.

Daikoku T., Yumoto M. Musical expertise facilitates statistical learning of rhythm and the perceptive uncertainty: A cross-cultural study, *Neuropsychologia*, 2020, vol. 146, no. 107553. DOI 10.1016/j.neuropsychologia.2020.107553 available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107553> (accessed May 09, 2024).

Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2007, 672 p. (in Russ.).

Epshtein M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [The philosophy of the possible], St. Petersburg, Aleteyya, 2001, 334 p. (in Russ.).

Glyadeshkina Z.I. *Modal'nost' i tonal'nost' vo frantsuzskoy muzykal'noy teorii i praktike pozdnego Renessansa i rannego barokko : avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya* [Modality and tonality in the French musical theory and practice of the Late Renaissance and Early Baroque: dissertation], Moscow, 2012, 49 p. (in Russ.).

Leary T.F. *Sem' yazykov boga* [The seven languages of God], Kiev, Yaius, Moscow, Peresvet, 2001, 224 p. (in Russ.).

Luhmann N. *The Reality of the Mass Media*, Moscow, Praksis, 2005, 256 p. (in Russ.).

Mandelbrot B. *Fractales, Hasard and Finance (1959–1997)*, Moscow, Izhevsk, NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2004, 256 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Politicheskij proekt Moderna. Ot miroekonomiki k miropolitike: strategiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire* [The political project of Modernity. From World Economics to World Politics: Russia's Strategy in a Globalizing World], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010, 367 p. (in Russ.).

McDonnell M. *Roman Manliness: "Virtus" and Roman Republic*, Cambridge, New York, Cambridge Univ. Press, 2006, 492 p.

Metzinger T. *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and. The Myth of the Self*, Moscow, AST, 2017, 437 p. (in Russ.).

Nicholas of Cusa. *Works, in 2 vols.*, vol. 2, Moscow, Mysl', 1980, 471 p. (in Russ.).

Nosov N.A. *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual psychology], Moscow, Agaf, 2000, 432 p. (in Russ.).

Obolkina S.V. Game Design and the Ontology of the Impossible, *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2022, no. 3 (33), pp. 39–52. DOI 10.23951/2312-7899-2022-3-39-52 (in Russ.).

Obolkina S.V. Machine Ontology. The Splendors and Miseries of Machinism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 20–41. DOI 10.17506/26867206_2023_23_3_20 (in Russ.).

Orlov G. *Drevo muzyki* [The tree of music], Washington, St. Petersburg, N.A. Frager & So, Sovetskiy kompozitor, 1992, 403 p. (in Russ.).

Seeger of Brabant. *Questiones de anima intellectiva* [Questiones de anima intellectual], V. V. Sokolov (ed., comp.). *Antologiya mirovoy filosofii : v 4 t.*, Moscow, Mysl', 1969, vol. 1, pt. 2, pp. 812–823. (in Russ.).

Sosnin E.A., Poyzner B.N. *Sotsial'naya virtualistika: printsipy, zadachi i primery : Prilozh. k «Rabochey knige po sotsial'nomu konstruirovaniyu. Ch. 2»* [Social virtualism: principles, tasks and examples. Appendix to the "Workbook on Social Construction. Part 2"], Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2002, 118 p. (in Russ.).

Trakhtenberg A.D. *Informatsionnaya revolyutsiya i informatsionny raskol: chto proiskhodit v Rossii* [The information revolution and the information split: What is happening in Russia], *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2004, no. 5, pp. 329–343. (in Russ.).

Treder M.S., Purwins H., Miklody D., Sturm I., Blankertz B. Decoding auditory attention to instruments in polyphonic music using single-trial EEG classification, *Journal of Neural Engineering*, 2014, vol. 11, no. 2. DOI 10.1088/1741-2560/11/2/026009 (accessed May 09, 2024).

Zerzan J. *Future Primitive and Other Essays*, Moscow, Gileya, 2007, 224 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Викторовна Оболкина

кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории и философии науки. Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0002-6644-104X;

ResearcherID: K-2695-2018;

Scopus AuthorID: 57734598800;

SPIN-код: 7529-5542;

E-mail: obol2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Obolkina

Candidate of Philosophy, Researcher, Educational Department of Philosophy. Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0002-6644-104X;

ResearcherID: K-2695-2018;

Scopus AuthorID: 57734598800;

SPIN-code: 7529-5542;

E-mail: obol2007@mail.ru

Майданский А.Д. Э.В. Ильенков о системе категорий диалектической логики // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 53-72. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_53

УДК 1(091)

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_53

Э.В. Ильенков о системе категорий диалектической логики

Андрей Дмитриевич Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия;

Институт философии РАН

г. Москва, Россия

E-mail: amaid@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.07.2024, поступила после рецензирования 14.10.2024, принята к публикации 21.10.2024

В статье обсуждается «план-проспект» системы логических категорий, написанный Э.В. Ильенковым в 1957 г. для коллективной монографии «Диалектический материализм». Документ (5 листов, напечатанных на кальке) хранится в Архиве РАН среди отчетов и протоколов заседаний сектора диалектического материализма Института философии АН СССР. Ильенков предлагал выстроить изложение диалектической логики (теории познания) как систему категорий мышления, развивающегося от абстрактного к конкретному. В печатных работах Ильенкова проблема системного изложения диалектической логики не решается и даже не ставится. Публикуемый документ позволяет понять, как он представлял себе порядок следования логических категорий и структуру логики в целом. При этом Ильенков держал в уме порядок и связь категорий гегелевской «Науки логики», стремясь разработать диалектико-материалистическую альтернативу. В статье освещаются ключевые пункты критики (у Л. Фейербаха и А. Тренделенбурга) порядка вывода категорий в «Логике» Гегеля. При решении проблемы Ильенков опирается на определение предмета философии: это – отношение мышления к бытию, или процесс познания посредством логических категорий, выражающих «те всеобщие закономерности, которым одинаково подчинено развитие бытия (природы и общества) и мышления». Первой категорией «конкретной логики» Ильенков полагает взаимодействие, определяемое как «форма и результат диалектического развития»; и каждая следующая категория должна все конкретнее и глубже раскрывать «подлинный предметный смысл» взаимодействия и развития. Автор статьи показывает слабые места такого решения проблемы построения системы категорий диалектики. Венцом логического развития оказывается у Ильенкова категория противоречия, в которой он видит всеобщий

© Майданский А.Д., 2024

принцип взаимодействия и источник развития. В статье кратко обрисована дальнейшая эволюция взглядов Ильенкова на исходную категорию диалектической логики. Взаимодействие уступает приоритет категории всеобщего, а затем – субстанции (толкуемой в духе Спинозы).

Ключевые слова: логические категории, дедукция категорий, материалистическая диалектика, чистое бытие, становление, взаимодействие, конкретное, всеобщее, субстанция

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии», <https://rscf.ru/project/24-18-00130/>

Evald V. Ilyenkov's Perspective on the System of Categories in Dialectical Logic

Andrey D. Maidansky

Belgorod National Research University,
Belgorod, Russia;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: amaid@rambler.ru

Received 29.07.2024, revised 14.10.2024, accepted 21.10.2024

Abstract. The article examines the plan-prospectus of the system of logical categories developed by the Soviet philosopher Evald V. Ilyenkov in 1957 for the collective volume *Dialectical Materialism*. The document consisting of 5 sheets printed on tracing paper is preserved in the archives of the Russian Academy of Sciences among the reports and minutes from the meetings of the Dialectical Materialism Section at the Institute of Philosophy of the Soviet Academy of Sciences. Ilyenkov proposed a structure for presenting dialectical logic (theory of cognition) as a system of categories that progress from abstract to concrete. To the best of our knowledge, the issue of systematically presenting dialectical logic is neither resolved nor even addressed in Ilyenkov's published works. However, this document elucidates his conception of the order for logical categories and the overall structure of logic. In addition to that, Ilyenkov was influenced by the arrangement of categories in Georg W.F. Hegel's *Logic*, and aimed to develop a dialectical-materialist alternative. This article highlights key criticism of Hegel's order of category derivation, particularly from Ludwig Feuerbach and Friedrich Adolf Trendelenburg. In addressing this issue, Ilyenkov grounds his approach in the definition of philosophy as the relationship between thinking and being, or the process of cognition utilizing logical categories that express "those universal regularities to which the development of being (nature and society) and thinking are equally subordinated". Ilyenkov believes that the first category of "concrete logic" is interaction, and he defines it as "the form and result of dialectical development", with each subsequent category intending to reveal increasingly nuanced insights into the "true objective meaning" of interaction and development. The article identifies several drawbacks of Ilyenkov's approach to constructing a system of dialectical categories. Central to his logical development is Ilyenkov's category of contradiction, which he regards as the universal principle of interaction and the source of development. The article concludes by

outlining the evolution of Ilyenkov's thought on the foundational category of dialectical logic, highlighting that interaction gives priority to the category of the universal before advancing to the category of substance, with the latter interpreted in terms of Spinoza's philosophy.

Keywords: logical categories; deduction of categories; materialist dialectics; pure being; becoming; interaction; concrete; universal; substance

Acknowledgments: The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24-18-00130. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/24-18-00130/>

For citation: Maidansky A.D. Evald V. Ilyenkov's Perspective on the System of Categories in Dialectical Logic, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 53-72. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_53

Исторический интерьер

Некоторое время тому назад, занимаясь раскопками в архиве РАН, я обнаружил составленный Э.В. Ильенковым проект книги «Диалектический материализм». Протоколы заседаний сектора диалектического материализма, в котором Ильенков работал с декабря 1953 г., поведали любопытную историю.

Прологом к ней стала публикация в педагогическом институте города Ярославля сборника научных трудов «Категории диалектического материализма» (Пилипенко 1954). Он вышел в конце 1954 года; пару месяцев спустя Т.И. Ойзерман написал чрезвычайно благожелательную рецензию в «Вопросах философии» (Ойзерман 1955). Заведующий кафедрой истории зарубежной философии в МГУ и по совместительству старший научный сотрудник Института философии АН СССР, Ойзерман славился даром улавливать тонкие веяния политики партии. Его рецензия начиналась с констатации факта: изучение категорий мышления в высших учебных заведениях «фактически оказалось в загоне». В учебниках и лекционных курсах категории превратились в довески к четырем чертам диалектики, о которых поведал миру Сталин в статье «О диалектическом и историческом материализме» (1938). Ойзерман добавляет горькую нотку самокритики: повинен в том и он сам вместе с другими авторами «ошибочного в своей основе» учебника, выпущенного Институтом философии в 1953 году (Александров 1953). Ярославские преподаватели философии решили исправить это прискорбное положение дел, «первыми откликнувшись на запросы советской ответственности» (Ойзерман 1955: 172).

«Хитрый мудрец» (как называл Ойзермана его аспирант Ильенков) умолчал о том, что темой категорий в свое время энергично занимались «меньшевиствующие идеалисты» под началом академика А.М. Деборина. По личному указанию Сталина они подверглись репрессиям и в большинстве своем сгинули в лагерях. Исследование категорий диалектики стало восприниматься как рецидив «гегельянщины» (это ленинское словцо сделалось политическим ярлыком), а «сама несчастная диалектика, – по выражению Ильенкова, – была распята на кресте из четырех черт».

Как раз в то время, когда вышла рецензия Ойзермана, начался новый процесс искоренения гегельянщины в МГУ. В мае 1955-го Ильенков был уволен из университета за «теоретические извращения философии марксизма» – попытки публично «ревизовать основы марксистско-ленинской философии и дискутировать по недискуссионным вопросам»¹.

После войны Ильенков первым возобновил исследование категорий диалектики. В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию о методе и категориях мышления в экономических рукописях Маркса. Начал он с категорий абстрактного и конкретного, по ходу дела разворачивая понимание и других: логического и исторического, сущности и явления, всеобщего, особенного и единичного. В октябре 1955-го он представил для обсуждения в секторе первый, еще сыроватый вариант монографии «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». В годовом отчете Ильенкова сказано, что работа над книгой замедлилась из-за обострения двустороннего туберкулеза легких², но уже в следующем году он выдал готовую рукопись объемом 540 страниц.

Тем временем его старший товарищ М.М. Розенталь³ в сотрудничестве с авторским коллективом ярославского сборника подготовил книгу «Категории материалистической диалектики» (Розенталь, Штракс 1956). В работе принял участие П.В. Копнин, назначенный в 1956 г. зав. сектором диалектического материализма; его перу принадлежит глава IX «Абстрактное и конкретное». По содержанию книга представляла собой теоретическое исследование в популярной форме – гибрид монографии с учебным пособием.

Ильенков написал заключительную главу X, «Логическое и историческое», около трех печатных листов; работа была принята редколлегией, однако в последний момент ее сняли. Возможно, руководство Госполитиздата смутила репутация Ильенкова, к которой добавилось свежее идеологическое пятно. Ильенков завершил рукопись 4 октября 1956 г., а 23 октября началось венгерское восстание. Пост министра культуры в новом правительстве занял Г. Лукач, который вскоре был арестован и исключен из компартии. Ранее, в мае того года, Ильенков вместе с двумя своими студентами опубликовал в «Вопросах философии» перевод одной из глав и хвалебную рецензию на книгу Лукача «Молодой Гегель и проблема капиталистического общества» (Зайдель и др. 1956), предлагая как можно скорее издать ее

¹ Формулировки из рассекреченного отчета комиссии ЦК КПСС об итогах проверки преподавания общественных наук и идейно-воспитательной работы на философском факультете МГУ. Подробнее о тех событиях см.: (Ильенков, Коровиков 2016; Майданский 2016).

² Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 766.

³ Марк Моисеевич Розенталь был влиятельной фигурой. Выпускник деборинского Института красной профессуры, он занимал посты зав. кафедрой диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы и зам. директора Института философии. Одно время Розенталь был главным редактором Госполитиздата, а в конце жизни заведовал сектором, в котором работал Ильенков. В соавторстве у них вышла брошюра (Розенталь, Ильенков 1969).

на русском языке... Так или иначе, главное политическое издательство отказалось публиковать текст Ильенкова. Главу «Историческое и логическое» (с перестановкой мест слагаемых) вместо него написал М.М. Розенталь.

На заседании сектора диалектического материализма 14 февраля 1957 г. четверым сотрудникам – В.П. Черткову, И.Д. Андрееву, П.В. Копнину и Э.В. Ильенкову – поручается в двухнедельный срок представить свои планы книги «Диалектический материализм»⁴. Судя по всему, работники Института философии возымели намерение увенчать начатый коллективный труд созданием полноценной *системы* категорий диалектики. В пользу этого предположения говорит тот факт, что на следующем заседании сектора, 28 февраля, состоялось совместное с ярославцами обсуждение проектов⁵. Выбрать лучший не удалось, и было принято решение доработать их с учетом сделанных замечаний.

В архивном деле присутствуют только три из них; проект Черткова не сохранился, а между тем Ильенков предпочел его остальным. С проектом Копнина Ильенков выразил резкое несогласие – жаль, в протоколе опущена аргументация. Возможно, причина в том, что учения о бытии и познании составили у Копнина две разные главы, как в старой, восходящей к Христиану Вольфу университетской традиции, которую продолжили позитивисты и неокантианцы. Ильенков отстаивал принцип тождества мышления и бытия и выступал резко против разделения философии на онтологию и гносеологию.

Отметим, что Копнин был другом и соратником Ильенкова, а Чертков, наоборот, идейным противником. С приходом Копнина на место заведующего сектором Ильенкову стало легче дышать и работать – младший научный сотрудник с клеймом ревизиониста получил поддержку, в которой чрезвычайно нуждался.

Проблема дедукции категорий диалектики

В ярославском сборнике, а затем и в монографии под редакцией Розенталя и Штракса авторы не утруждали себя логическим обоснованием отбора и порядка исследования категорий, не говоря уже о приведении их в систему. Мало того, на первой же странице читатель уведомляется, что в работу «не включены те категории, при посредстве которых выражаются основные законы диалектики (качество, количество, противоречие, отрицание и т.п.), так как они получили более широкое освещение в философской литературе» (Розенталь, Штракс 1956: 3).

В свое время Гегель иронизировал над манерой Канта брать познавательные способности и категории логики в готовом виде, вытаскивая их одну за другой, по мере надобности, из «мешка души» (Seelensack). Точно так же поступали и наши диаматчики. Логического *развития* форм мышления

⁴ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 908.

⁵ В деле нашелся также один посторонний проект, составленный С.Т. Архипцевым (старший научный сотрудник Института философии, автор статьи «Материя и движение» в ярославском сборнике).

из простой «клеточки» (как в «Науке логики» или хотя бы по образцу дедукции форм стоимости в «Капитале») у них не было и в помине. В лучшем случае они апеллировали к *психологическому* порядку процесса познания. Подобное описание предлагалось в «Философских тетрадах» Ленина: «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется *нечто*, – потом развиваются понятия *качества*... (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества – различия – основы – сущности *versus* явления, – причинности etc.» (Ленин 1969: 301).

В таком примитивном психологическом ключе Ленин трактовал «Науку логики» Гегеля и историю развития человеческого мышления вообще. При этом Ленин не ставил под сомнение ни гегелевский порядок выведения категорий, ни первенство «чистого бытия» (*reine Sein*) в ряду категорий диалектической логики. В психологическом плане «чистое бытие» соответствует чистой доске сознания, вступающего в этот мир и ничего еще не знающего о нем. В этом смысле «чистое бытие» равнозначно «ничто».

Так же обстоит дело и в плане логическом: «Бытие есть чистая неопределенность и пустота. – В нем *нечего* созерцать... Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто» (Гегель 1970: 140).

В логике Гегеля это *ничтожное бытие* порождает из самого себя все прочие, более конкретные формы мышления. Что было ничем, то стало всем – «абсолютным знанием». Подобный случай сотворения всего из ничего описан в библейской Книге Бытия. Нерадостная для материалиста параллель, прямо скажем. Пришлось озаботиться поиском альтернативы.

Большинство диаматчиков (в Институте философии – С.Т. Архипцев, А.П. Шептулин, тот же М.М. Розенталь) ставили на первое место категорию *материи*. Аргументация проста, как топор: для материалиста материя – первична. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи», как учил нас великий Ленин.

«Совершенно ясно, что в противовес гегелевской логике структура материалистической диалектики в качестве своей основы и исходного пункта имеет не идею и не чистую мысль, а объективный материальный мир, природу, материю, существующую в пространстве и времени, находящуюся в состоянии непрерывного движения» (Розенталь 1963: 51).

Ленинградский «онтолог» В.П. Тугаринов провел тонкое различие между понятиями материи и природы, назначив «начальной категорией» не материю, а *природу*. «Понятие бытия (существования вообще) есть внешнее определение природы... Понятие материи есть определение *сущности* природы» (Тугаринов 1956: 158). Откуда на этой начальной стадии взялась готовая категория сущности, автор не пояснил. Из «мешка души» вытянул, надо полагать, – вместе с категориями внешнего и внутреннего.

Если бы Тугаринов усвоил уроки Гегеля и «наукоучителя» Фихте, то он постарался бы *логически вывести* все прочие категории, в том числе и «сущность», из категории природы. Или, по меньшей мере, показать, как развивалось понятие природы в истории логической мысли, порождая одну за другой – от абстрактного к конкретному – все прочие, более сложные фор-

мы мышления. Диаматчики же подменили проблему *дедукции* категорий диалектики несравненно более легкой проблемой их *классификации*. После чего принялись с энтузиазмом раскладывать пасьянсы категорий диалектики – каждый на свой вкус и по своему скромному разумению, – именуя это занятие «систематизацией категорий».

В «Науке логики», впрочем, обнаружились свои проблемы с дедукцией. В статье «К критике философии Гегеля» (Галлеский ежегодник, 1839) Фейербах показал, что уже в исходном пункте своей Логике – при определении «чистого бытия» – Гегель нарушает установленные им самим принципы и порядок дедукции категорий. Определяя «чистое бытие» как абсолютно безразличное тождество (*die absolute Indifferenz oder Identität*) или говоря о противоположности бытия и ничто, Гегель пользуется категориями тождества, различия и противоположности, которые им покамест еще не выведены; они появятся только в «Учении о сущности». Так, может быть, правильнее было бы начать Логикой с *Wesenheiten* – рефлексивных определений *сущности*, а не бытия? Ведь без этих категорий Гегель не смог бы определить бытие *логически*.

Сам Фейербах началом начал человеческого познания считал *чувственность*. От нее невозможно полностью абстрагироваться, и Гегелю это тоже не удалось. Так, в рассуждении о переходе бытия в ничто он говорит об *исчезновении* бытия. «Разве исчезновение есть понятие? Скорее оно является чувственным представлением». Мало того, продолжает Фейербах, Гегель определяет наличное бытие (*Dasein*) как *успокоившееся* единство бытия и ничто, чем предполагается «в высшей степени сомнительное представление покоя» (Фейербах 1955: 70-71).

Признав «чистое бытие» первоначалом логического мышления, Гегель ведет отсчет истории логики с Парменида, который осмыслил эту категорию первым. Адольф Тренделенбург возразил, что понятие *становления* (*Werden*) заметно старше «чистого бытия»⁶. Все на свете меняется, возникает и исчезает, вещи текут как реки – эта мысль служит отправным пунктом в размышлениях милетцев и Гераклита. Они разыскивают в потоке становления неизменное, вечное первоначало – *arche*, которое позже станет называться *субстанцией* (еще одна категория сферы сущности).

Пармениду уже было отлично знакомо понятие становления; он полемизирует с теми, кто считает процесс становления реальностью. Неизменное, покоящееся бытие *противостоит* миру чувств, рисующих вещи рождающимися, меняющимися и гибнущими. У Гегеля же категория становления выступает на сцену позже «чистого бытия», в результате взаимного перехода бытия и ничто.

⁶ «Всего менее покоряется диалектической норме история... Приходится, например, прямо начать с Парменида, так же как Гегелева логика начинается с чистого бытия; но тут необходимо позабыть, что в соображениях ионийских философов так называемое текущее бытие (*das Werden*) предшествовало этому понятию» (Тренделенбург 1868: 89). В сноске к этому месту Тренделенбург ссылается на авторитетные труды Х.А. Брандиса и Э. Целлера по истории греческой философии.

Стало быть, последовательность выведения категорий в «Науке логики» идет вразрез с реальной историей логического мышления.

Академик Деборин предлагал положить *движение* (понятое предельно широко – как изменение вообще, или «становление») в основание материалистической диалектики⁷. При этом он не только ссылался на высказывания Маркса и Энгельса, но и подробно разбирал «соображения Тренделенбурга», выражая с ними согласие.

Наконец, еще до рождения Парменида милетец Анаксимандр открыл *беспредельное*, «апейрон», в котором Гегель видит «не что иное, как материю вообще, всеобщую материю» (Гегель 1993: 214). У него это – категория сферы сущности. Немецкий идеалист подарил диаматчикам сильный довод в пользу примата категории материи в науке Логики.

Предмет марксистской философии

Во введении и первой главе Ильенков намеревается строго очертить предмет философии в отношении к прочим «формам и областям человеческой деятельности», иными словами – определить место философии в человеческой культуре. Гегель решает эту проблему в «Феноменологии духа», на что и указывает Ильенков, предлагая разработать альтернативное, материалистическое решение в открытой полемике с Гегелем.

Подлинным и единственным предметом философии Ильенков, как и Гегель, считал *познающее мышление*, законы и категории процесса познания мира. Прямо так он тогда писать не мог, хотя эта «гегельянщина» черным по белому излагалась в работах Энгельса. Ильенков выбрал более осторожную стратегию: «философия диалектического материализма» исследует *отношение мышления к бытию*.

Отметим, что если для диаматчиков «диалектический материализм» был *разделом* марксистской философии, наряду с «историческим материализмом» (социальной философией), то для Ильенкова диалектический материализм – это *совокупность всех наук* о природе, обществе и мышлении, строящаяся на основе материализма и диалектики: от физики элементарных частиц до гуманитарных наук, включая и философию. Последняя представляет собой *теорию познания* диалектического материализма, или, что то же самое, «материалистическую диалектику». В практическом применении диалектико-материалистическая философия выступает как *метод* теоретического мышления – метод восхождения от абстрактного к конкретному знанию о мире.

Что собой представляет отношение мышления к бытию как предмет философского знания? Не что иное, как *процесс познания*. Ильенков остается верен себе, меняется лишь форма изложения им своей позиции.

⁷ «Исходным пунктом материалистической диалектики надо признать категорию движения, понятого как изменение вообще и составляющего, по выражению Г. Плеханова, “противоречие в действии”, или осуществленное противоречие... “Становление”, или *изменение*, есть первичная “клеточка” всей диалектики, представляющей собою не что иное, как всеобщую теорию развития. Диалектика вскрывает внутренние законы *всякого* движения» (Деборин 1929: СII.)

Мышление изучает и психология, и, в той или иной мере, любая наука о человеке. Филолог изучает языковые формы мышления, историка интересуется образ мысли народа, формы классового сознания, склад ума и идеи правителей и т.д. Что же конкретно в процессе мышления является предметом изучения для философа? Ильенков дает прямой ответ: «те всеобщие закономерности, которым одинаково подчинено развитие бытия (природы и общества) и мышления»⁸.

В этой формуле, как легко заметить, фигурирует отнюдь не «чистое бытие», тождественное с ничто. Речь – о бытии *материальном*, охватывающем природу и общество. Мышление является формой отражения бытия в себе самом на основе чувственно-практической деятельности людей (см. prospect второй главы). Практика предстает в роли *посредницы*, «опосредующего звена» между материей и мышлением. В процессе такой деятельности природная материя распрямляется, обнаруживает для мыслящего существа свои скрытые свойства и законы бытия, а мышление опредмечивается – осуществляется в «умных» вещах, создаваемых общественным человеком из природного материала.

Будучи отражением и выражением бытия, мышление получает от него абсолютно все свое *содержание*. Вместе с тем у мышления имеются особые *формы внешнего выражения*, которыми, собственно, и занимаются нефилософские науки. Мышление может выражаться в деятельности мозга (предмет физиологии высшей нервной деятельности), в разнообразных знаково-символических формах (предметы филологии и лингвистики, формальной логики и семиотики), в поведении индивидов, общественных классов и целых народов, в политико-правовых, религиозных, моральных и художественных «гештальтах», изображаемых в «Феноменологии духа».

Марксистская философия обязана строго и однозначно отделить, демаркировать свой предмет от предметов всех этих наук. Ее занимают *всеобщие формы и законы* осуществления мышления, остающиеся инвариантными независимо от специфики своего внешнего выражения и нацело совпадающие с формами бытия вещей. Такие формы (категории) и законы мышления Ильенков именует *логическими*.

Философия для него есть Логика с большой буквы, в отличие от формальной логики, занимающейся не мышлением как таковым, а только и исключительно *символическими формами его выражения* в «естественных» языках человеческого общения, в языке науки и искусственных языках программирования вычислительной техники. Там и только там, в области языков мысли, правомочны законы формальной логики. При распространении

⁸ Поскольку философия ищет исключительно *всеобщие* закономерности, постольку никакой «социальной философии», по Ильенкову, в марксизме нет и быть не может. «Истмат» – это метафизика общественной жизни, а «диамат» представляет собой попытку воскресить школьную онтологию и натурфилософию. Конкретным исследованием природных и общественных явлений занимаются «положительные науки» (выражение Энгельса), в то время как диаматчики и истматчики со своим «философствованием» лишь путаются под ногами у настоящих ученых, дискредитируя философию в их глазах.

же ее законов на процессы познания как таковые формальная логика из полноценной науки, приносящей немалую пользу, превращается в преграду на пути развития научного знания – в «метафизический» способ мышления.

То же самое касается и психологии, и всех остальных наук, так или иначе имеющих дело с мышлением в тех или иных специфических формах его выражения. Когда какая-либо из нефилософских наук начинает выдавать специфику этих внешних форм за внутреннюю логику развития мышления – и научно-теоретического познания в особенности, – она немедленно обращается в *метафизическую философию*, более или менее вредную и враждебную делу познания истины.

Такого рода метафизические интервенции, заметим, вовсе не обязательно исходят от психологов, физиологов, кибернетиков и иных «сторонних» лиц. Внутри самой философии позитивизм, кантианство, экзистенциализм и структурализм сводят процессы познания к операциям с внешними выражениями мышления – в языке, индивидуальной психике, а то и в структурах мозга.

Порядок развития категорий материалистической диалектики

В плане-проспекте Ильенков пробует *системно* выстроить изложенные диалектической логики (= теории познания). Ни в печатных работах Ильенкова, ни в сохранившихся архивных текстах нет ничего подобного. Этот уникальный документ позволяет понять, как он представлял себе порядок следования логических категорий и структуру диалектической логики в целом.

Начинает Ильенков с характеристики взаимоотношения понятий *материи* и *мышления* в рамках основного вопроса философии. Любая философская категория является одновременно определением и материи, и мышления – особой формой отражения материи в мышлении.

Там же, в главе 4, Ильенков постулирует *противоположность* материи и мышления, после чего, в главе 5, предлагает обсудить «последовательность категорий в системе теории» и назначает *взаимодействие* «первой категорией конкретной логики». То ли Ильенков позабыл про введенную им ранее категорию противоположности (у Гегеля она принадлежит к сфере сущности), то ли разговор о взаимоотношениях мышления и материи был еще не «конкретной логикой» (ну а какой тогда – абстрактной?).

Можно ли назвать отношение материи и мышления *взаимодействием*? Безусловно, нет. Это – отношение субстанции и ее атрибута, о чем не раз писал Ильенков, ссылаясь на любимого им Спинозу. Материя *обладает* мышлением, а не взаимодействует с ним, как, скажем, у Аристотеля или Декарта. Мышление есть (высшая) форма существования материи. Взаимодействует материя только *сама с собой*, будучи причиной себя. Так некогда говорил Энгельс⁹, и то же самое почти дословно повторяется в статье «Взаимодействие», написанной Ильенковым в соавторстве с двумя его бывшими студентами для «Философской энциклопедии» (Давыдова и др. 1960: 250).

На каком основании Ильенков поставил взаимодействие на первое место в ряду категорий «конкретной логики», осталось загадкой. Аргументация в плане-перспективе отсутствует. Выражение «по-видимому» в пункте 5 выдает некоторую неуверенность Ильенкова относительно первичности категории взаимодействия. Первоначально должно быть самым простым, простейшим, а взаимодействие – категория весьма сложная. Она предполагает как минимум категории причины и действия, характеризуя их взаимное превращение.

В «Науке логики» категория взаимодействия *завершает* «Учение о сущности»; иными словами, это – *самая конкретная* из всех рефлексивных категорий. Она представляет собой синтез более простых отношений субстанциальности и причинности. Примерно то же самое можно увидеть, заглянув в таблицу категорий Канта, в раздел «Отношения». Там взаимодействие (*Wechselwirkung*) называется также «общением» (*Gemeinschaft*) между действующим и страдающим¹⁰.

Ильенков отождествляет взаимодействие с *конкретностью*, при этом конкретное понимается им, в духе Гегеля, как единство многообразных определений.

Далее взаимодействие определяется как «форма и результат диалектического развития». Так Ильенков получает вторую категорию диалектики – *развитие*. Все последующие категории раскрывают «подлинный предметный смысл этих двух» – взаимодействия и развития. Перед нами не простой переход от одной категории к другой, но – диалектическое развитие категорий, когда каждая следующая конкретизирует предыдущие. Ильенков предлагает «строить все изложение [диалектической логики] как более конкретные, ближайшие определения исходной категории – материальной взаимосвязи как формы и продукта развития». Это – прямая заявка на дедукцию логических форм мышления.

«Ближайшими формами» всеобщей взаимосвязи в физическом мире являются *пространство и время*; их синтез дает категорию *движения*. Развитие теперь определяется конкретнее – как движение по спирали.

Категория *всеобщего* в диалектике также является формой выражения взаимосвязи вещей: в этой категории схватывается общность их происхождения и развития (отношения родства, например). Такого рода генетическую взаимосвязь Ильенков именует «конкретно-всеобщей», в противоположность общности формальной, устанавливаемой на основании сходства внешних признаков или предикатов.

У Гегеля развитие – высший тип логической связи, характерный для категорий сферы понятия. К последним относятся всеобщее, особенное

⁹ «Взаимодействие – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... (спинозовское: *субстанция есть causa sui* – прекрасно выражает взаимодействие)» (Энгельс 1961: 546).

¹⁰ Категории общения (*лат. commercium*) отводилась ключевая роль в докритической философии Канта (см.: Майданский 2005).

и единичное; это логические формы развития, а не рефлексии. Ставя их на одну доску с рефлексивными категориями учения о сущности, Ильенков фактически, без прямой декларации, упраздняет границу логических сфер сущности и понятия. Системообразующий принцип гегелевской «Науки логики», таким образом, отвергается.

Ключевые категории учения о бытии – качество, количество, мера – в плане Ильенкова вообще не упоминаются. Соответственно, нет и (нежно любимого диаматчиками) закона перехода количества в качество и обратно. На самом деле закон этот представляет собой огрубленную – если не сказать вульгаризованную – Энгельсом схему «процесса меры, который попеременно то оказывается только изменением количества, то переходом количества в качество» (Гегель 1974: 261), и поясняется известным образом «узловой линией» (Knotenlinie). У Гегеля категории качества и количества, переходя одна в другую, непосредственно сливаются в мере (в сфере бытия еще нет опосредствования, или взаимной рефлексии, противоположностей).

Ильенкова раздражала «диалектика кипящего чайника», которая сыплет примерами «скачков» в природе и обществе – вплоть до диалектических метаморфоз пеночки в кукушку и березы в ольху¹¹. Но справедливости ради отметим, что и два других энгельсовских закона диалектики – «взаимное проникновение противоположностей» и «отрицание отрицания» – в проспекте Ильенкова не упомянуты.

В главе 8 проводится анализ «внутреннего, т.е. конкретно-исторически сложившегося, взаимодействия». В его составе обнаруживаются категории *причины и следствия, условия и обусловленного*, с одной стороны, и категория *основания, субстанции* – с другой. Последовательность, как видим, обратная по сравнению с «Критикой чистого разума» и «Наукой логики»: там категория взаимодействия образуется благодаря синтезу отношений причинности и субстанциальности, а у Ильенкова два эти отношения выявляются анализом категории взаимодействия.

Далее Ильенков обращается к категории *противоречия*, усматривая в ней «тайну, в которой находят свое разрешение все предшествующие» категории, и вместе с тем – «подлинное начало всей системы». Таким образом, цепочка категорий замыкается в круг, где конец ее совпадает с началом.

Взаимодействие – *противоречивый* процесс, в котором причина превращается в действие и наоборот, становясь причиной самой себя, *causa sui*. Вместе с тем противоречие есть *источник развития* всех вещей и идей, в равной мере – бытия и мышления. Таков принцип саморазвития материи, понимаемой как субстанция и субъект всех своих изменений.

В «соображениях по структуре книги» Ильенков рекомендовал рассмотреть категорию противоречия «в самом конце», однако в проспекте за противоречием выстраивается еще целый ряд категорий: конечное и бесконечное, возможность и действительность, сущность и явление, свобода

¹¹ Примеры из арсенала «мичуринской биологии» Т.Д. Лысенко. Академик уверял, что у маленькой птички пеночки, наевшейся мохнатых гусениц, рождается кукушонок.

и необходимость, цель и средство. Складывается впечатление, что «план-проспект» был не до конца продуман автором, что перед нами черновой эскиз системы. Остается лишь сожалеть, что Ильенкову не довелось развить свой замысел.

Конец проекта

Обсуждение планов книги «Диалектический материализм» в секторе Ильенкова затянулось на два года. Два заключительных заседания (по крайней мере, документированных) состоялись в феврале 1959 г. Вместо уехавшего в Киев Копнина руководил ими Б.М. Кедров. Появились новые планы – Д.П. Горского, А.В. Гулыги и А.Г. Спиркина. Из прежних продолжал обсуждаться только проект В.П. Черткова, а Ильенков ограничился критикой чужих проектов. Вот резюме его выступления (полноценная стенограмма не велась, передан лишь основной смысл).

«Мне все планы представляются не лучше того, который мы отвергли. Беда в том, что мы начинаем не с того конца. Все обходят основной большой вопрос – предмет, граница нашего исследования. В данных планах [смешаны предметы]¹² разных наук, нечто вроде другого издания БСЭ... Проблема системы категорий – вполне практическая, а не схоластическая. Это вопрос о последовательности выведения категорий. По-моему, нужно начать с категорий всеобщего и единичного»¹³.

Как видим, за истекшие два года Ильенков пересмотрел свое решение проблемы исходной категории диалектической логики. В это время он приступает к работе внештатным редактором раздела диалектического материализма в «Философской энциклопедии» и пишет статьи «Всеобщее» и «Единичное».

Вопрос «последовательности выведения категорий» продолжает глубоко занимать Ильенкова, и он протестует против пренебрежения этой проблемой, как якобы схоластической, в представлениях его коллег.

Особенно тревожит Ильенкова «план тов. Спиркина», который берется философствовать о происхождении жизни, языка и т.д., вместо того чтобы «использовать этот материал для анализа категорий». Ильенков на дух не переносил диверсии диаматчиков в области других, нефилософских наук¹⁴.

После острого обмена мнениями Кедров предложил авторам представить доработанные планы через неделю, на что А.А. Зиновьев бросил раздраженное замечание: «Лучший способ угробить дело – без конца обсуждать его». Тем не менее на следующем заседании дебаты продолжились.

¹² В этом месте стенограммы оставлен пробел.

¹³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 986. Л. 32-33.

¹⁴ Вскоре Спиркин займется написанием учебных пособий по марксистско-ленинской философии – последнее увесистое издание выйдет полумиллионным тиражом (Спиркин 1988). Став реальным руководителем издания «Философской энциклопедии», он примется негласно править тексты Ильенкова и его соратников. Возмущенный этим, Ильенков выйдет из редколлегии во время работы над третьим томом.

Ильенков снова принялся критиковать проект Спиркина, предлагавшего начать, по заветам эмпириков, с главы о чувственной ступени познания.

«Надо начать с рассмотрения категорий общего и отдельного, – настаивает Ильенков. – В истории философии проблема ощущений и восприятий рассматривалась не сама по себе, она бралась в разрезе того, как она служит для разрешения проблемы всеобщего. Мне кажется, что надо начать с проблемы всеобщего, реальности всеобщего»¹⁵.

После очередного круга дебатов ученое собрание постановило: поручить тов. Кедрову разработать на основе имеющихся планов проспект книги «Диалектический материализм» к понедельнику (т.е. за три дня). Такой проспект в архиве отсутствует, реальная работа над книгой, видимо, так и не началась.

В 1962–1964 гг. под руководством Кедрова вышли четыре сборника по диалектике, логике и теории познания, за которые Президиум Академии наук присудил им с Ильенковым премию им. Н.Г. Чернышевского. В это время Ильенков пишет свои первые работы о философии Спинозы, и его точка зрения на исходную категорию материалистической диалектики – а значит, и на систему в целом – снова меняется.

В докладе о Спинозе (сентябрь 1965 г.) Ильенков доказывает, что научное мышление всегда начинается с выделения и определения *целого*, которое предстоит исследовать и понять. Все последующие ходы мысли, идеи «завязываются в один узел через категорию *субстанции*..., которую позитивистско-психологизирующая линия, начиная от Локка, старается объявить ничем не означающим словом, лжекатегорией. Категория же эта в действительности является фундаментальным основанием диалектики как логики и теории познания... В этом плане *субстанция* и выступает как первая и важнейшая категория Логике, и именно Логике научно-теоретического анализа. Если вы ее не принимаете, то ни о какой Логике с большой буквы говорить уже не приходится» (Ильенков 2024b: 244–245). В научно-теоретическом мышлении любые явления и процессы предстают как *модусы* субстанции, постигаемой в том или ином ее атрибуте. Так нас учил Спиноза.

Последнее слово Ильенкова на тему систематизации категорий диалектико-материалистической Логике прозвучало в 1968 г. во время защиты им докторской диссертации. Один из официальных оппонентов, А.В. Гулыга, задал вопрос, в чем соискатель видит различие между системами логических категорий Гегеля и марксизма. Каким должно быть внутреннее строение «Логике материализма»?

Отвечая на этот вопрос, Ильенков выдал довольно туманное рассуждение, не вяжущееся с его прежними решениями: «Я думаю, что некоторые коррективы к логике Гегеля дать придется, и, может быть, серьезные. Но в общем я согласен с Е.П. Ситковским¹⁶, что слишком кардинальное переворачивание этого порядка [логических категорий] не потребуется. Речь может идти только о более тонком, точном и ясном, очищенном от всех идеалистических благоглупостей толковании категорий» (Ильенков 2024а: 523).

¹⁵ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 986.

¹⁶ Е.П. Ситковский был первым оппонентом на защите докторской Ильенкова.

Вряд ли кто-то усмотрит в этом ответе точное и ясное определение специфики системы категорий «философии диалектического материализма» по сравнению с гегелевской. Но никакого другого ответа мы от Эвальда Васильевича больше уже не услышим. Напрашивается предположение, что и самого Ильенкова не устроили предпринятые им ранее опыты. В итоговом труде всей его жизни – «Диалектической логике» (Ильенков 1974) – проблема построения системы логических категорий не решается, да, по существу, и не ставится.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Э.В. Ильенков

Соображения по структуре книги «Диалектический материализм»

1. Принцип, который должен быть положен в основу, – это, очевидно, принцип совпадения диалектики, логики и теории познания. Поэтому, видимо, следует прежде всего выяснить и изложить существо этого принципа. Первым разделом книги целесообразно сделать раздел, в котором была бы рассмотрена с материалистических позиций та проблематика, которая у Гегеля получила наименование «Феноменологии духа», – вопрос об отношении философии как науки ко всем остальным формам и областям человеческой деятельности, как чувственно-практической, так и духовной.

Итогом этого рассмотрения, по-видимому, должно быть четкое определение философии диалектического материализма как науки, решающей основной вопрос всякой философии – вопрос об отношении мышления к бытию (т.е. к природе и обществу), вопрос об отношении законов мышления – к законам бытия. Отсюда – ее роль как метода мышления.

На мой взгляд, принцип совпадения диалектики, логики и теории познания предполагает, что в состав предмета философии входят те всеобщие закономерности, которым одинаково подчинено развитие бытия (природы и общества) и мышления. Те категории, которые выражают это совпадение, – это формы и закономерности, в русле которых совершается любой конкретный процесс развития в природе и обществе, а потому и процесс его теоретического воспроизведения.

Этот раздел целесообразнее всего писать в форме конструктивной критики гегелевской «Феноменологии», точнее – предисловия к ней, поскольку здесь Гегель сводит счеты со всей предшествующей (метафизической) философией, и прежде всего важно здесь кантианство.

Здесь же можно поставить вопрос о диалектическом, непрямом, совпадении ступеней процесса научного воспроизведения предмета и ступеней развития самого предмета – вопрос о «логическом и историческом».

Раскрыть, что «не феноменология, не психология, а Логика есть наука об истине» (Ленин). Закончить разъяснением Логике как науки о всеобщих формах и законах развития, как итога, суммы, вывода всей истории мира и познания его. Две фундаментальные категории – материя и мышление. Две стороны основного вопроса.

2. Ближайшие определения «материи» и процесса ее теоретического воспроизведения. Критика метафизического взгляда на их отношение.

3. Чувственно-практическая деятельность как опосредующее звено между материей и мышлением. Диалектико-материалистическое решение вопроса о первичности материи, включающее в себя понимание относительной самостоятельности мышления и его обратного активного влияния на материальный мир через практику. Критика гегелевского решения и прагматизма.

4. Поскольку диалектико-материалистический взгляд предполагает материю в развитии, постольку дальнейшие категории следует представить как формы развития предметной конкретности и ее воспроизведения в развитии мышления.

5. Первая категория, по-видимому, – взаимосвязь, взаимодействие – «конкретность». Отсюда – ближайшие формы, внутри которых осуществляется всеобщая взаимосвязь развития, – пространство и время и их синтез – движение.

6. Возвратно-поступательный характер движения во времени и пространстве, развитие по спирали как подлинная форма диалектического развития.

7. Развитие и его продукт.

8. Далее строить все изложение как более конкретные, ближайшие определения исходной категории – материальной взаимосвязи как формы и продукта развития.

9. Категорию противоречия, по-моему, следует рассмотреть особо в самом конце – показать ее как тайну, в которой находят свое разрешение все предшествующие [категории], а затем показать ее как подлинное начало всей системы.

10. Последним разделом целесообразно пустить очерк, посвященный вопросу о *применении* диалектики в конкретном исследовании, в качестве метода этого исследования. Вновь вернуться к вопросу о том, в каком отношении находится развернутая система диалектики к индивидуально-психологическому владению ею. Здесь поговорить о классических формах извращения диалектики в ходе ее неправильного применения – сведение к сумме примеров, неконкретное, формально-догматическое применение – показать на классических образцах. Кончить показом того, как она применялась Марксом и Лениным.

План-проспект книги «Диалектический материализм»

Введение.

Предмет философии диалектического материализма как особой науки, как теории. Необходимость, рождающая философию как особую науку. Критика позитивистского отрицания философии. Критический обзор попыток систематического изложения философии диалектического материализма.

Глава 1.

Возникновение диалектического материализма как революционный переворот в философии. Краткая история возникновения. Гегель и Фейер-

бах как непосредственные предшественники Маркса и Энгельса, подготовившие саму возможность диалектического материализма.

Пункты, по которым следует рассмотреть переворот: прежде всего – изменение *предмета* философии, превращение ее в особую науку, имеющую свою строго очерченную проблематику.

Основной вопрос философии как науки с точки зрения диалектического материализма – вопрос об отношении мышления к бытию, законов мышления – к законам бытия. Предмет философии: всеобщие законы, которым одинаково подчиняется бытие (природа и общество) и мышление, как специфическая способность объективного познания. Цель и средства мышления.

Глава 2.

Практика как реальное опосредствующее звено между предметностью и мышлением. Активность человека в познании как выражение его чувственно-практической активности. Критика Гегеля и Фейербаха по их пониманию связи логического процесса с чувственно-практической деятельностью. Критика прагматизма.

Глава 3.

Материалистическая диалектика как логика и теория познания. Критика формального понимания логики как науки о «внешних формах мышления». Диалектическая логика как наука о категориях. Критика феноменологически-психологической концепции познания. «Не феноменология, не психология, а Логика – наука об истине». Совпадение подлинной проблематики теории познания и логики с проблематикой *диалектики*.

Глава 4.

Исходные категории диалектико-материалистической философии – *материя и мышление*. Их противоположность. Смысл диалектико-материалистического определения «материи». Дальнейшие категории философской науки – определения предметной реальности, одновременно являющиеся ступенями ее мысленного (теоретического) воспроизведения.

Логическое и историческое – их совпадение в истинном знании.

Глава 5.

Последовательность категорий в системе теории, ее принцип. Критика Гегеля. Конкретное взаимодействие как первая категория конкретной логики, совпадающей с теорией познания и диалектикой.

Глава 6.

Конкретное взаимодействие как форма и результат диалектического развития, диалектическое понимание развития. Критика метафизического, абстрактного историзма.

Конкретное взаимодействие и развитие – две первые категории. Все дальнейшие категории – раскрытие подлинного предметного смысла этих двух. Проблема конкретной всеобщности, диалектики всеобщего, особенного и единичного. Абстрактное и конкретное.

Глава 7.

Время и пространство как категории философской диалектики.

Глава 8.

Причина и следствие, условие и обусловленное как категории, ближайшим образом раскрывающие внутреннее, т.е. конкретно-исторически сложившееся, взаимодействие. Категория *основания, субстанции*.

Глава 9.

Внутреннее конкретное противоречие как подлинное основание. Материалистическое понимание «субстанции» как «субъекта», т.е. как саморазвивающейся через внутренние противоречия реальности.

Границы конкретного взаимодействия – «начало» и «конец». Проблема конечного и бесконечного.

Глава 10.

Необходимость и случайность, внешнее и внутреннее. Возможность и действительность. Сущность и явление.

Глава 11.

Свобода и необходимость, цель и средство. Чувственно-практическая свобода.

Глава 12.

Диалектика как метод конкретного исследования. Наиболее «естественные» формы искажения диалектики: сведение к сумме примеров, эклектика и софистика, их враждебность подлинной материалистической диалектике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров Г.Ф. (ред.) 1953. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. Москва : Госполитиздат. 440 с.

Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики. В 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. 501 с.

Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. 451 с.

Гегель Г.В.Ф. 1993. Лекции по истории философии. В 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Наука. 349 с.

Давыдова Г. и др. 1960. Взаимодействие / Г. Давыдова, Э. Ильенков, В. Лекторский // Философская энциклопедия : в 5 т. Москва : Совет. энцикл. Т. 1. С. 250.

Деборин А.М. 1929. Гегель и диалектический материализм : [вступ. ст.] // Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений : в 14 т. Москва ; Ленинград : Госиздат. Т. 1. С. V–СIII.

Зайдель Г. и др. 1956. Молодой Гегель (рец. на кн.: Лукач Г. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества) / Г. Зайдель, Э.В. Ильенков, Л.К. Науменко // Вопросы философии. № 5. С. 181–184.

Ильенков Э., Коровиков В. 2016. Страсти по тезисам о предмете философии. 1954–1955 / [авт.-сост. Е. Иллеш]. Москва : Канон+. 272 с.

Ильенков Э.В. 1974. Диалектическая логика. Москва : Политиздат. 271 с.

Ильенков Э.В. 2024а. Из стенограммы защиты диссертации // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Москва : Канон+. Т. 8: История диалектики. С. 516–525.

Ильенков Э.В. 2024б. К докладу о Спинозе // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Москва : Канон+. Т. 8: История диалектики. С. 244–245.

Ленин В.И. 1969. Философские тетради // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Москва : Политиздат. Т. 29. 782 с.

Майданский А.Д. 2005. Principium coexistentiae, или История одного сновидения магистра Иммануила Канта // Вопросы философии. № 10. С. 167–174.

Майданский А.Д. 2016. Дело Ильенкова – Коровикова. О драме рождения философской мысли // Свободная мысль. № 2. С. 213–221.

Ойзерман Т.И. 1955. Насущные вопросы диалектического материализма // Вопросы философии. № 3. С. 172–178.

Пилипенко Н.В. (гл. ред.) 1954. Категории диалектического материализма : сб. статей /: [ред. коллегия: Н.В. Пилипенко (гл. ред.) и др.]. Ярославль : Ярослав. кн. изд-во. 292 с. (Ученые записки / Ярослав. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. Кафедра философии ; вып. 16 (26)).

Розенталь М.М. 1963. Ленин и диалектика. Москва : Изд-во Высш. парт. шк. и Акад. обществ. наук. 524 с.

Розенталь М.М., Ильенков Э.В. 1969. В.И. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики. Москва : Знание. 20 с.

Розенталь М.М., Штракс Г.М. (ред.) 1956. Категории материалистической диалектики / под ред. М.М. Розенталя, Г.М. Штракса ; Ярослав. гос. пед. ин-т им. К.Д. Ушинского. Каф. философии. Москва : Госполитиздат. 390 с.

Спиркин А.Г. 1988. Основы философии : учеб. пособие для вузов. Москва : Политиздат. 592 с.

Тренделенбург А. 1868. Логические исследования. В 2 т. Т. 1. Москва : Изд. К. Солдатенкова. 362 с.

Тугаринов В.П. 1956. Соотношение категорий диалектического материализма // Вопросы философии. 1956. № 3. С. 151–159.

Фейербах Л. 1955. К критике философии Гегеля // Фейербах Л. Избранные философские произведения : в 2 т. Москва : Госполитиздат. Т. 1. С. 53–96.

Энгельс Ф. 1961. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Москва : Госполитиздат. Т. 20. С. 339–626.

References

Aleksandrov G.F. (ed.) *Dialekticheskiy materializm* [Dialectical Materialism], Moscow, Gospolitizdat, 1953, 440 p. (in Russ.).

Davydova G., Ilyenkov E., Lektorsky V. *Vzaimodeystvie* [Interaction], *Filosofskaya entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1960, vol. 1, pp. 250. (in Russ.).

Deborin A.M. *Gegel' i dialekticheskiy materializm : vstup. st.* [Hegel and Dialectical Materialism (Introductory Article)], *Gegel' G.V.F. Sobranie sochineniy* : v 14 t., Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, vol. 1, pp. V–CIII. (in Russ.).

Engels F. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature], *Marks K., Engel's F. Sochineniya* : v 50 t., Moscow, Gospolitizdat, 1961, vol. 20, pp. 339–626. (in Russ.).

Feuerbach L. *K kritike filosofii Gegelya* [Towards a Critique of Hegel's Philosophy], *Feyerbakh L. Izbrannye filosofskie proizvedeniya* : v 2 t., Moscow, Gospolitizdat, 1955, vol. 1, pp. 53–96. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Encyclopaedia of Philosophical Science, in 3 vols., vol. 1*, Moscow, Mysl', 1974, 451 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Lectures on the History of Philosophy, in 3 vols., vol. 1*, St. Petersburg, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *The Science of Logic, in 3 vols., vol. 1*, Moscow, Mysl', 1970, 501 p. (in Russ.).

Ilyenkov E., Korovikov V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii. 1954–1955* / [avt.-sost. E. Illesh] [Passions Around the Theses on the Subject Matter of Philosophy. 1954–1955, Illesh E. (ed.)], Moscow, Kanon+, 2016, 272 p. (in Russ.).

Ilyenkov E.V. *Dialekticheskaya logika* [Dialectical Logic], Moscow, Politizdat, 1974, 271 p. (in Russ.).

Ilyenkov E.V. *Iz stenogrammy zashchity dissertatsii* [From the Transcript of the Thesis Defence], *Ilyenkov E.V. Sobranie sochineniy*, Moscow, Kanon+, 2024, vol. 8, pp. 516–525. (in Russ.).

Ilyenkov E.V. *K dokladu o Spinoze* [To the Lecture on Spinoza], *Ilyenkov E.V. Sobranie sochineniy*, Moscow, Kanon+, 2024, vol. 8, pp. 244–245. (in Russ.).

Lenin V.I. *Filosofskie tetradi* [Philosophical Notebooks], *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy* : v 55 t., Moscow, Politizdat, 1969, vol. 29, 782 p. (in Russ.).

Maidansky A.D. *Delo Ilyenkova – Korovikova. O drame rozhdeniya filosofskoy mysli* [The Case of Ilyenkov & Korovikov. The Drama of the Birth of Philosophical Thought], *Svobodnaya mysl (Free thought)*, 2016, no. 2, pp. 213–221. (in Russ.).

Maidansky A.D. *Principium coexistentiae, ili Istoriya odnogo snovideniya magistra Immanuila Kanta* [Principium coexistentiae, or History of One Dream of Master Immanuel Kant], *Voprosy filosofii*, 2005, no. 10, pp. 167–174. (in Russ.).

Oizerman T.I. *Nasushchnye voprosy dialekticheskogo materializma* [Urgent Questions of Dialectical Materialism], *Voprosy filosofii*, 1955, no. 3, pp. 172–178. (in Russ.).

Pilipenko N.V., Shtraks G.M., Medvedev N.V. (eds.) *Kategorii dialekticheskogo materializma : sb. statey* [Categories of Dialectical Materialism], Yaroslavl, Yaroslavskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1954, 292 p. (Uchenye zapiski / Yaroslav. gos. ped. in-t im. K.D. Ushinskogo. Kafedra filosofii ; vyp. 16 (26)). (in Russ.).

Rosental M.M. *Lenin i dialektika* [Lenin and Dialectics], Moscow, Izdatel'stvo Vyshey partiyonoy shkoly i Akademii obshchestvennykh nauk, 1963, 524 p. (in Russ.).

Rosental M.M., Ilyenkov E.V. *V.I. Lenin i aktual'nye problemy dialekticheskoy logiki* [Lenin and Actual Problems of Dialectical Logic], Moscow, Znaniye, 1969, 20 p. (in Russ.).

Rosental M.M., Shtraks G.M. (eds.) *Kategorii materialisticheskoy dialektiki* [Categories of Materialistic Dialectics], Moscow, Gospolitizdat, 1956, 390 p. (in Russ.).

Seidel H., Ilyenkov E.V., Naumenko L.K. *Molodoy Hegel' (rets. na kn.: Lukach G. Molodoy Hegel' i problemy kapitalisticheskogo obshchestva)* [Young Hegel (Review of the Book: Lukács G. Young Hegel and the Problems of Capitalist Society)], *Voprosy filosofii*, 1956, no. 5, pp. 181–184. (in Russ.).

Spirkin A.G. *Osnovy filosofii : ucheb. posobie dlya vuzov* [Fundamentals of Philosophy: Textbook for Universities], Moscow, Politizdat, 1988, 592 p. (in Russ.).

Trendelenburg A. *Logicheskie issledovaniya. V 2 t. T. 1* [Logical Studies, in 2 vols., vol. 1], Moscow, Izdanie K. Soldatenkova, 1868, 362 p. (in Russ.).

Tugarinov V.P. *Sootnoshenie kategoriy dialekticheskogo materializma* [Correlation of the Categories of Dialectical Materialism], *Voprosy filosofii*, 1956, no. 3, pp. 151–159. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Дмитриевич Майданский

доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия; ассоциированный научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0003-2061-3878;

ResearcherID: M-5746-2014;

SPIN-код: 7759-5418;

E-mail: amaid@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey D. Maidansky

Doctor of Philosophy, Professor at Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; Associated Researcher at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0003-2061-3878;

ResearcherID: M-5746-2014;

SPIN-код: 7759-5418;

E-mail: amaid@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Журбина И.В. Фигура патриота в современной политике // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 73-93.
https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_73

УДК 1:32.019(045)

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_73

Фигура патриота в современной политике

Ирина Викторовна Журбина

Удмуртский государственный университет

г. Ижевск, Россия

E-mail: soloveyIV1@mail.ru

*Поступила в редакцию 19.04.2024, поступила после рецензирования 18.06.2024,
принята к публикации 18.11.2024*

В статье фигура патриота рассматривается в аспекте экономической глобализации, трансформирующей представления как о космополитизме, так и о патриотизме. Показано, что в мире экономической глобализации позиция патриотизма является ответной реакцией множества людей на доминирование политики глобального капитала и бизнеса, ориентированной на формирование безответственных наемников и бездомных кочевников. В условиях глобальной мобильности патриот противопоставляется не космополиту, а наемнику как маркеру космополитизации мира. Актуальность фигуре патриота придает то, что именно с ней связывается создание новой парадигмы политического в условиях доминирования экономической реальности. Наемничество рассматривается как результат кризиса государства (античный полис, Римская империя, княжества эпохи Возрождения), разрушающего основы объединения граждан, готовых встать на защиту Родины. В статье выход из кризиса непосредственно связывается с возрождением патриотизма, предполагающим реэмиграцию людей из эгоистичного мира наслаждений и удовольствий

© Журбина И.В., 2024

в мир социальной ответственности и гражданской солидарности. Возрождение патриотизма рассматривается на основе двух проектов: проекта любви к человечеству (М. Хардт, А. Негри) и проекта возрождения демократии равенства (А.С. Панарин). В первом варианте патриотизм представляется на основе *amor patriae*, трактуемой предельно широко как любовь к человечеству (*amor humanitatis*). Фигура патриота выступает под разными именами – борец, республиканец, революционер, каждое из них демонстрирует разные его ипостаси, задействованные в глобальной борьбе множества за идеалы всемирной демократии, которые могут реализоваться только в пределах республиканского устройства. Во втором варианте возрождение патриотизма рассматривается как внутренний процесс, инициированный «революцией сознания». «Революция сознания» представляется на основе нескольких «поворотов», демонстрирующих становление гражданина и патриота. Здесь патриот именуется демократом, поддерживающим идеалы социальной справедливости и равенства в пределах национальной территории.

Ключевые слова: экономическая глобализация, космополитизация, наемник, патриот, патриотизм, возрождение патриотизма, *amor humanitatis*, революция сознания

Благодарности: Работа выполнена в рамках финансирования государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FEWS-2024-0005 «Исследование и разработка методологических и теоретических подходов по формированию патриотизма и профилактике конфликтного и деструктивного поведения молодежи в условиях современного кризиса в России».

The Figure of The Patriot in Contemporary Politics

Irina V. Zhurbina

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
E-mail: soloveyIV1@mail.ru

Received 19.04.2024, revised 18.06.2024, accepted 18.11.2024

Abstract. The article examines the figure of *the patriot* in the context of economic globalization, which tends to reshape the concepts of both *cosmopolitanism* and *patriotism*. It argues that *patriotism* emerges in an era dominated by global capital and business as a response from individuals who resist the rise of irresponsible mercenaries and rootless nomads. Within the framework of global mobility, *the patriot* serves as a counterpoint to the *mercenary*, rather than to *the cosmopolitan*, since it is the figure of *the mercenary* who emphasizes the cosmopolitization of the world. The figure of the patriot is relevant nowadays since it appears to become a key element of a new political paradigm shaped by economic realities. The rise of mercenarism reflects a crisis in the state – historically seen in the ancient polis, the Roman Empire, and Renaissance princedoms – that undermines the foundations of a citizenry willing to defend their homeland. The author argues the resolving this crisis is directly linked to the revival of *patriotism*, which involves a shift from a self-indulgent pursuit of pleasure to one of social responsibility and civic solidarity. The revival of patriotism is discussed in terms of two projects: the project of *love for humanity* (Hardt, Negri) and the project for the revival of *democratic equality* (Panarin). In the first framework, *patriotism* is presented through the lens of *amor patriae*, interpreted

rather broadly as “love for humanity” (*amor humanitatis*). Here, the figure of the *patriot* is presented under various appellations – *fighter*, *republican*, *revolutionary* – each highlighting different aspects of the collective struggle for the ideas of global democracy, achievable only within the republican system. In the second framework, the revival of *patriotism* is seen as an internal process, stimulated by a “revolution of consciousness”, characterized by several transformative *turns* that contribute to the formation of both *the citizen* and *the patriot*. In this context, *the patriot* is regarded as a democrat who supports the ideals of social justice and equality within the national territory.

Keywords: economic globalization; cosmopolitization; mercenary; patriot; patriotism; revival of patriotism; *amor humanitatis*; revolution of consciousness

Acknowledgments: The work was funded by the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, under the project FEWS-2024-0005, titled “Research and Development of Methodological and Theoretical Approaches to the Formation of Patriotism and Prevention of Conflict and Destructive Behavior of Youth in the Context of the Current Crisis in Russia”.

For citation: Zhurbina I.V. The Figure of The Patriot in Contemporary Politics, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 73-93. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_73

Введение

Существование современного мира как целого наиболее полно выражает концепция глобализации. Термин «глобализация» одновременно указывает как на глобальные процессы, так и на его результаты. Глобальные процессы оказывают сильное влияние на экономику, политику и сферу социальной жизни. В экономике доминирующее положение занимают транснациональные корпорации, которые в силу своей экстерриториальности обеспечивают свободу передвижения капитала, рабочей силы, финансовых рынков и т.д. Контроль национальных правительств за деятельностью транснациональных корпораций прекращается, но при этом усиливается влияние надгосударственных институтов управления экономикой – Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и т.д.

В сфере политики глобализационные процессы привели к ослаблению суверенитета национальных государств, которые попадают в зависимость от транснациональных корпораций и наднациональных политических институтов и органов власти (Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН, Политической организации Североатлантического договора, Европейского союза, Европейского парламента). Традиционная оппозиция «национальное – интернациональное» замещается понятием «транснациональное», означающим поглощение реальностью экономической реальности политической. В результате такой подмены единственно возможной политикой государства становится «политика глобального бизнеса» (Бек 2003: 44). «Человек политический» (*homo politicus*) эпохи либерализма замещается неолиберальным концептом «человека экономического» (*homo oeconomicus*), демонстрирующим модель потребителя глобального рынка товаров и услуг (Мартьянов 2017).

Глобальные процессы оказывают сильное влияние и на представления о социальной жизни, что выражается в переходе от «социального как общества» к «социальному как мобильность» (Урри 2012а). Глобализация формирует совершенно новые формы перемещений не только информации, идей, вещей, но и людей, которые вовлекаются в движение, невольно подчиняясь внешнему требованию глобального мира – «Будь мобильным, передвигайся!». «Мобильный поворот» (mobility turn) от «седентарного» подхода к обществу, свойственного эпохе «твердой модернити», к «номадическому», характерному для «текучей современности» (Бауман 2008), изменяет традиционное представление о космополитизме (от др.-греч. κόσμος – вселенная и πολιτής – гражданин) и гражданстве.

На смену космополитизму как идеологии мирового гражданства приходит такой феномен, как космополитизация, под которым понимается внутренняя глобализация, развивающаяся «изнутри национальных обществ» (Бек 2003: 25). Если космополитизм являлся в большей степени мировоззренческой и культурной установкой меньшинства людей, то космополитизация соотносится с экономической позицией большинства. Космополитизация способствует созданию космополитических обществ, состоящих из индивидов, максимально включенных в процессы глобализации на уровне образа жизни. Однако степень космополитизации жизни множества людей непосредственно зависит от объема «капитала подвижности» (Flamm, Kaufmann 2006: 174-175). Именно «капитал подвижности» индивидов разделяет общество на транснациональные элиты и локальное население, различающиеся между собой по характеру социальной мобильности, под которой начинает пониматься жилищная и трудовая мобильность, миграция, туризм и т.д.

Социальная мобильность оказывается результатом либо принудительного выбора людей (бездомные, трудовые мигранты, беженцы, перемещенные лица), либо осознанного решения людей, живущих установками глобального мира – «Будь мобильным, передвигайся!». С одной стороны, угроза голодной смерти, репрессий, отсутствие необходимых условий жизни в своей стране (разруха, безработица, военное положение) вынуждают множество людей, у которых нет иного выхода из сложной жизненной ситуации, становиться «негражданами». С другой стороны, выгодные условия труда по контракту, поиск более комфортных условий жизни, желание перемены мест инициируют переезд людей в другую страну, в которой они становятся «чужестранцами». Современная космополитизация мира поднимает радикальный вопрос: «Как это возможно – быть дома, будучи вдали от дома, быть дома, не будучи дома?» (Бек 2003: 46), который обнаруживает пределы реализации идеи мирового гражданства.

Экономическая глобализация показывает, что истинными космополитами, в полной мере выражающими идеалы мирового гражданства, являются транснациональные элиты, к которым относятся глобальные капиталисты: владельцы транснациональных корпораций, банкиры, топ-менеджеры – сотрудники международных организаций (ЮНЕСКО, МОТ, Всемирный банк, МВФ, ВОЗ), «глобальные знаменитости», обладающие

всей полнотой «капитала подвижностью», демонстрирующие высшую степень мобильности (Урри 2012b: 248).

В современной социальной философии для транснациональной элиты существует такое понятие, как «глобтроттер» – человек, постоянно путешествующий по миру (Бауман 2004: 128-132), «трансконтинентальный бродяга» и «транзитный пассажир», не привязанный ни к какому месту, но имеющий финансовые возможности примерять разные страны на роль наиболее комфортной страны проживания¹ (Айер 1998). Парадоксальность жизни транснациональных элит заключается в том, что они везде ощущают себя посторонними и чужаками, но при этом воспринимают весь мир как дом, имея несколько паспортов, обеспечивающих гражданство разных государств, недвижимость во множестве стран мира, счета в иностранных банках и т.д.

В этом смысле процесс космополитизации в полной мере демонстрирует идею денег, которая становится идеологией в мире экономической глобализации, базирующемся на негласном принципе «Деньги, только деньги, ничего, кроме денег». Это свидетельствует о том, что у представителей капитала, которые сделали глобализацию своей профессией, нет национальности (Бек 2003: 42). К современным «гражданам мира», демонстрирующим идеалы экономической глобализации, не применимо даже высказывание «Родина там, где кормят», поскольку оно содержит слово «Родина». В эпоху глобализации политический принцип «или/или» заменяется на экономический принцип «и/и», который порождает противоречивое понятие «космополитические патриоты».

Понятие «патриот» начинает прочитываться заново в контексте современной реальности. Актуальность фигуре патриота придает то, что именно с ней исследователи связывают создание новой парадигмы политического в условиях доминирования экономической реальности (Хардт, Негри 2006: 70-73). Использование метода философской герменевтики, работающего на категориальном уровне, позволяет проследить трансформацию традиционных смыслов таких понятий, как «наемник», «гражданин», «патриот», и выявить политический смысл патриотизма в мире экономической глобализации.

Экономическая глобализация и эффект наемничества

В условиях глобализации разделение капитала и труда, а также неравномерное распределение трудовых ресурсов и различие в уровне заработной платы в развитых и развивающихся странах приводят к тому, что модель устойчивой занятости и «защищенного труда» заменяется на модель «гибкого рынка труда». Трудовая миграция становится, с одной стороны, показателем глобальной мобильности, с другой стороны, она размывает

¹ Айер П. Жизнь транзитного пассажира / пер. с англ. Т. Чернышевой // Русский журнал. URL: www.old.russ.ru/journal/personss/98-11-13/iyer.htm (дата обращения: 21.12.2023).

институты национального гражданства и актуализирует процесс наемничества. Традиционно наемничество рассматривается в качестве социального признака космополитизма, а появление наемника свидетельствует об упадке гражданского патриотизма в стране.

Если обратиться к идее космополитизма, то она начинает распространяться в период эллинизма (Бровкин 2020; Шестова 2019), а ее появление обусловлено, в частности, кризисом полисной организации государства, а также ослаблением привязанности индивида к его гражданству. Однако в это время утверждение Диогена Синопского «Я – гражданин мира», о котором Диоген Лаэртский написал: «Единственным истинным государством он считал весь мир», и высказывание Кратета «Мне родина – не крепость и не дом, мне вся земля – обитель и приют, в котором – все, что нужно, чтобы жить» (Диоген Лаэртский 1979: 254, 257, 266), отражают позицию одиночек, осознанно и добровольно выбирающих идеалы космополитизма. В отличие от космополита наемник является противоречивой и парадоксальной фигурой, соединяющей две противоположные роли: с одной стороны, он служит или работает на благо конкретного государства, с другой – делает это ради личной финансовой выгоды, то есть получает за это деньги. Во все времена появление наемничества исследователи рассматривают в перспективе «конца государства»: разрушение античного полиса, Римской империи, упадка княжеств в эпоху Возрождения.

В классической Греции после Пелопоннесской войны и особенно в эпоху походов Александра Македонского происходит разрушение основ классического греческого полиса и формирование единого общегреческого пространства, что предполагает изменение принципов политической, экономической, правовой и военной организаций. К факторам, способствующим разрушению замкнутости греческих полисов, относится появление единого социально-экономического пространства на территории эллинского мира; политическая борьба за уравнивание в правах граждан полиса и чужеземцев (метеки), постепенно стирающая границы между гражданами и метеками, а затем уже между эллинами и варварами; усиление роли в экономике негражданского населения и распространение наемничества (Шестова 2019: 113-114). Появление наемничества, с одной стороны, свидетельствует о слабости полисной организации, не способной обеспечить материальное положение граждан, с другой стороны, оно становится наиболее доступным способом заработать средства к существованию. В то же время наемничество становится источником внутренних распрей. Обращаясь к истории Сиракуз, Аристотель пишет: «...когда иноземцы и наемники получили гражданские права, возникли внутренние смуты и дело дошло до вооруженного столкновения. Большая часть гражданского населения Амфиполя была изгнана из города принятыми в число граждан поселенцами из Халкиды» (Аристотель 2012: 1303b 178-179).

Доминирование наемных войск над ополчением граждан означает конец идеи полисного патриотизма, под которым понимается любовь к родному городу (τό φίλοπλι). «Наемники, сражаясь сегодня под одним знаменем, завтра под другим, послезавтра под третьим, исповедуют принцип “Ubi

bene, ibi patria / Где хорошо, там и родина», отрываясь от полисной системы ценностей» (Шестова 2019: 114). В представлении древних греков патриотизм (φιλότης) является позицией гражданина, занимающего на определенный срок политические, судебные, военные должности. Традиционно самые сильные патриотические чувства у древних греков связаны с войнами, в частности, в период греко-персидской войны «гимном» патриотизма считались строки песни: «О сыны эллинов! Идите, освободите родину, освободите детей, жен, богов отеческих храмы, могилы предков, бой идет теперь за все» (Рунг 2013: 308). В этом смысле наемник противопоставлен гражданину-ополченцу, а наемничество разрушает основы объединения граждан (κοινωνία πολιτών), готовых встать на защиту своей Родины. В условиях ослабления государства наемничество становится источником дохода, а наемника греки называют словом «μισθο-φόρος», обозначающим того, кто получает плату, то есть является наемным или наемником². Греки, высоко ценившие мужество и отвагу в военном деле, в то же время с неодобрением смотрели на деятельность, связанную с извлечением личной прибыли (плата / жалование), которая делает человека невосприимчивым к пониманию общих целей. Однако размывание институтов полисного гражданства вынуждает человека эпохи эллинизма принять идеологию космополитизма, которая выполняет свою основную функцию – «разрушение границ коллективных суверенитетов» (Шестова 2019: 116).

Если обратиться к Западной Римской империи, то ее упадок исследователи связывают непосредственно с использованием в армии отрядов варваров – готов, саксов, сарматов, франков и т.д. Еще Н. Макиавелли отмечал, что крушение Римской империи «произошло только потому, что начали нанимать на военную службу готов. Так подрывались понемногу силы Римской империи, и вся ее доблесть передавалась варварам» (Макиавелли 1998: 98). Использование наемников объясняется как огромными людскими потерями, которые несла римская армия во время постоянных военных походов, так и нежеланием граждан идти на военную службу, которая перестала рассматриваться ими как обычная обязанность. В период заката Западной Римской империи распространенной практикой становится откупная плата (аигум тиронисум) за то, чтобы не служить в римской армии. В конце IV в. н.э. основу римской армии составляли наемники-варвары, численность которых превосходила рекрутов из числа граждан империи. В более ранние периоды отряды варваров представляли собой дополнительную силу римской армии: германцы сражались под началом Вителлия в битве при Кремоне, на службе Веспасиана находились отряды двух свевских вождей, Марк Аврелий использовал германцев в войнах на Дунае. Начиная с III в. тенденция наемничества усиливается таким образом, что граждане империи, воюющие в армии, по численности начинают уступать чужеземным наемникам: Клавдий II побежденных готов включает в состав своей армии, Проб рекрутирует в пограничные гарнизоны варваров из разоренной

² Вейсман А.Д. 1991. Греческо-русский словарь. Репр. 5-го изд. 1899 г. Москва : Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина. Стб. 820.

Галлии, армия Константина уже в основном состоит из варваров (Тойнби 1996: 317). Уничтожение одних варваров силами других и включение их в ряды римской армии имеет свои негативные последствия, а именно «вовлечение варварских войск во внутренние дела государства, прежде всего в борьбу за власть» (Ермолова 2015: 37). В результате власть переходит к варварам, которые из бывших наемников превращаются в завоевателей фактически уже разрушенной Римской империи.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли рассматривает упадок княжеств на примере использования итальянскими государями чужеземных войск. Наемничество он расценивает как негодный военный опыт, поскольку, если войско разбито – государство уничтожено, если же войско победило – государь оказывается в плену у армии наемников. Защита государства и сохранение власти государя возможны только в том случае, если государь опирается на собственные вооруженные силы, «предпочитая проигрывать со своими, чем побеждать с чужими» (Макиавелли 1998: 96). Собственные войска, сформированные из подданных, то есть из граждан, защищают всегда не только государя, но и самих себя: «без собственных войск ни одно княжество не находится в безопасности; наоборот, оно всецело отдано на волю судьбы, не имея той силы, которая защищала бы его в несчастье» (Макиавелли 1998: 98). Таким образом, как показывает исторический опыт, если вооруженные силы не состоят из граждан страны, а армия не представляет собой вооруженные отряды граждан, то любое государственное устройство (полис, империя, княжество) подходит к своему концу и разрушается. Разрушение и упадок государства затрагивают не только народ, но и власть.

В эпоху глобализации происходит расширение значений понятий «наемник» и «наемничество». Экономической основой современной космополитизации выступают силы, связанные с глобальными рынками, деятельностью транснациональных корпораций, иницилирующих социальную мобильность локального населения и размывающих институты национального гражданства. Трудовая миграция приобретает характер наемничества, то есть оплаченной деятельности, но при этом не связанной исключительно с военным поприщем. Современное наемничество имеет в большей степени экономический смысл, в соответствии с которым под наемником понимается в основном «наемник капитала».

В современном мире наемником считается приглашенный из-за рубежа специалист-инженер, разрабатывающий новые виды вооружений и военной техники. Страна, принимающая мигрантов, поощряет иммиграцию квалифицированных специалистов, поскольку она восполняет дефицит кадров и существенно экономит на затратах на образование собственных специалистов. Наемником становится рабочий-гастарбайтер, который трудится на предприятии, выпускающем оружие и системы защиты государства. Международная миграция рабочей силы, побуждающая людей переезжать в поисках лучших условий жизни, обусловлена постоянно усиливающимся неравенством между богатыми и бедными странами. Как следует из Доклада о мировой миграции за 2024 г., международная миграция остается условием экономического роста стран с низким и средним уровнем дохо-

да. Из 831 миллиарда долларов денежных переводов 647 миллиардов были отправлены мигрантами в свои страны³. Положительным моментом миграции для стран-экспортеров трудовых ресурсов исследователи считают «приобретение трудовыми мигрантами более высокой квалификации и новых знаний, что помогает при возвращении на родину внести ощутимый вклад в экономическое развитие страны», но при условии, что трудовые мигранты имеют возможность для повышения квалификации и приобретения нового опыта, а также захотят применить полученный опыт в своей родной стране, а не остаться за границей. «Однако, как показывает практика, возвращаются на родину в основном менее удачливые работники, а более удачливые остаются за рубежом» (Антропов 2020: 164). Наемником может считаться иностранец, пишущий законы страны или участвующий в экономических, политических реформах в статусе эксперта. Наемником может быть и глава государства в стране, приговоренной к маргинальному положению в глобальном мире (Хардт, Негри 2006: 71).

Однако наемник-солдат, привлеченный государством для проведения военных операций, остается, как и прежде, самой распространенной фигурой, свидетельствующей о том, что в настоящее время практически все армии мира являются наемными. Доминирование наемничества в этой сфере наиболее полно демонстрируют частные военные компании. В мире экономической глобализации формируется «рынок» наемников, используемых как государством, так и преступными организациями (наркокартели). При этом наемники не подчиняются «никаким правилам, конвенциям или же ограничениям, которые налагались бы на их действия» (Бенуа 2014: 53). Основу наемничества составляют деньги, а где есть деньги, там появляется коррупция. Армия, состоящая из наемников, свидетельствует о кризисе национального государства, вызванном глобализацией, нарушившей взаимосвязь между трудом и капиталом и неспособной создать новые рабочие места. Показателями кризиса государства являются: увеличение неравенства в возможностях трудоустройства, снижение количества рабочих мест, доходов населения и уровня жизни, санкционирование правительствами завоза нелегальных трудовых мигрантов как низкооплачиваемой и неквалифицированной рабочей силы.

В современной социальной философии выход из кризиса исследователи видят в возрождении традиции патриотизма, а патриот начинает рассматриваться в качестве фигуры, которая противопоставляется не столько космополиту, сколько наемнику как маркеру космополитизации мира. Наемничество – это «только один из возможных путей в будущее. Другой – это возрождение *amor patriae*, любви к своей стране» (Хардт, Негри 2006: 72).

В ситуации глобальной трансформации мира возрождение патриотизма требует *реэмиграцию* людей из глобализованного мира в мир любви

³ Доклад о мировой миграции за 2024 год – Глобальные тенденции и проблемы в области мобильности людей. URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/09/doklad-o-mirovoy-migratsii-za-2024-god-globalnyye-tendentsii-i-problemy-v-oblasti-mobilnosti-lyudey/> (дата обращения 12.06.2024).

к Родине. В данном случае под реэмиграцией понимается не физическое возвращение эмигрантов в страну первоначального проживания, а внутреннее движение, возвращающее людей к самим себе. Такое возвратное движение является рефлексивным процессом, позволяющим индивиду открыть в самом себе иные ипостаси, а именно: гражданина, согражданина и соотечественника. Если раньше патриотизм соотносился с эмоциональной и аффективной позицией множества людей, а космополитизм в мире национальных государств, наоборот, представлялся как сознательная и расудочная позиция одиночек, то в настоящее время именно патриотизм становится осознанной позицией множества индивидов, то есть того самого локального населения, живущего в условиях трансформации национального государства. Современное возрождение патриотизма можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как локальный процесс, разворачивающийся на глобальной территории мира, во-вторых, как глобальный процесс на локальной территории.

Патриотизм как проект любви к человечеству

В настоящее время концепт патриотизма все чаще становится темой исследований не только в отечественной (Верещагина, Кумыков 2021; Павлов 2018а; Павлов 2018b; Пороховская 2015; Яркеев 2023 и др.), но и в зарубежной философии (Валлерстайн 2006; Нуссбаум 2006; Тейлор 2006; Anderson 2003; Baron 1989; Macintyre 1984; Moore 2009; Nathanson 2016; Van Hooft 2009; Vincent 2009). Однако глобализация придает современному патриотизму антиглобалистский характер, в широком смысле этого слова отличающий его от полисного патриотизма и национализма государства-нации. Среди большого разнообразия работ, сосредоточенных в основном на дискуссиях о патриотизме как явлении, возрождающем национализм, особый интерес вызывает концепция М. Хардта и А. Негри. Несмотря на то что у них патриот является проходным персонажем, которому в работе «Множество: война и демократия в эпоху империи» посвящено несколько страниц, он рассматривается в контексте процессов глобализации как позитивная фигура, не только противостоящая наемнику, но и показывающая иной путь политического устройства мира (Хардт, Негри 2006: 70-73).

Для того чтобы понять суть современной фигуры патриота, считают М. Хардт и А. Негри, необходимо обратиться к миграционным движениям (бегство, исход, номадизм), инициированным процессами глобализации в виде неконтролируемого и непреодолимого исхода людей из деревни в город, из провинции в мегаполис, из страны в страну, с континента на континент. В этих движениях потоки политических беженцев перемешаны с перемещениями работников интеллектуального труда, массовыми передвижениями сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а также рабочих, занятых в сфере услуг. Это явление дополняется волнами нелегальной миграции. Если первые строки Манифеста Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса «Призрак бродит по Европе – призрак ком-

мунизма» являются началом рассуждения о пролетариате как политическом субъекте, то М. Хардт и А. Негри, провозглашая тезис «Призрак бродит по миру, и это – призрак миграции», обосновывают появление множества как новой политической субъектности в мире глобализации (Хардт, Негри 2004: 201). Множество представляет собой *новых варваров*, прокладывающих собственные тропы жизни посредством материального существования (Хардт, Негри 2004: 203). Однако как в Древней Греции, так и в Риме именно варваров называли патриотами (*πατριώτης* / *patriōtai*), поскольку они не имели ничего, кроме своего отечества (Kantorowicz 1951: 474). Появление новых варваров ставит вопросы: «Кто такие патриоты в мире глобализации?» и «Что такое патриотизм в мире наемничества?», ответ на которые требует заново интерпретировать концепцию *amor patriae* – любовь к своей стране, которая не имела бы «ничего общего с национализмом или популизмом» (Хардт, Негри 2006: 72).

В данном случае М. Хардт и А. Негри обращаются к трактовке понятия «*Pro Patria Mori*» (смерти за Родину) Э. Х. Канторовича (Kantorowicz 1951). Проследивая историю развития идеи *Pro Patria Mori* от древнегреческой и римской традиции, Э.Х. Канторович показывает, что ее современное значение сформировалось только в эпоху Возрождения, когда появляется политическое значение слова *patria* (отечество), символизирующее национальную и территориальную общность, свидетельствующую о том, что с этого времени человек обязан любить свою Родину больше, чем себя самого. С XIII в. *amor patriae* начинает интерпретироваться в аспекте республиканского *caritas*, под которым понимается чувство симпатии к собратьям, а ее высшим проявлением является смерть гражданина за своих соотечественников (Kantorowicz 1951: 489-490). Он как бы показывает, что *amor patriae* не связано напрямую с национализмом, поскольку является более широким понятием, подразумевающим чувство симпатии к своим собратьям и/или соотечественникам.

Отталкиваясь от исторических интерпретаций *amor patriae*, М. Хардт и А. Негри расширяют его трактовку, показывая, что братьями может считаться и все человечество, а *amor patriae* необходимо рассматривать как любовь к человечеству (*amor humanitatis*), которая выходит за пределы любой нации. В связи с этим и патриотизм в современном мире «свойственен тем, у кого нет нации» (Хардт, Негри 2006: 73). Образцами проявления любви к человечеству они считают сражение санкюлотов⁴ при Вальми (20 сентября 1792 г.) в период Великой Французской революции, которое остановило продвижение прусской армии; битвы вьетнамских крестьян, воевавших на стороне антиколониальных войск во время Войны Сопrotивления (1945–1954) (Хардт, Негри 2006: 72).

⁴ Санкюлоты (от франц. *sans* – без; *culotte* – короткие штаны), термин времен Великой Французской революции. Аристократия называла санкюлотами представителей городской бедноты, носивших в отличие от дворян не короткие, а длинные штаны. В годы якобинской диктатуры (1793) «санкюлоты» – это самоназвание революционеров.

В эпоху экономической глобализации *amor humanitatis* оказывается связующей силой для сингулярного множества, рассеянного на глобальном пространстве мира. Если на глобальном уровне М. Хардт и А. Негри говорят о нем как о новой политической субъектности, то на локальном – множество является фигурой нового Давида, способного победить Голиафа (Хардт, Негри 2006: 72). В данном случае Голиаф олицетворяет собой имперскую власть, которая устанавливает монополию на ядерное оружие, контроль над деньгами и колонизирует эфир. Имперская власть действует посредством разрушения (ядерная бомба), наказания (деньги), запугивания (коммуникации), стремясь поработить континенты, страны и народы.

Если обратиться к библейской легенде, повествующей об эпической битве между Давидом и Голиафом, то в ней можно выделить две смысловые линии: мужество защитника и любовь к братьям. С одной стороны, Давид символизирует победу мужества над воинственной силой. Будучи пастухом, а не профессиональным воином, он проявляет это качество в самом желании вступить безоружным в неравный бой с противником, превосходящим его в силе: «взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против Филистимлянина» (1Цар.17:40). В Библии Голиаф описывается великаном-воином, увидев которого все бежали от страха: «ростом он – шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди; медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его; и древко копья его, как навой у ткачей; а самое копье его в шестьсот сиклей железа» (1Цар.17:4-7). С другой стороны, Давидом движет любовь к соотечественникам, желание защитить их от порабощения филистимлянами: «вы будете нашими рабами и будете служить нам» (1Цар.17:9).

В концепции М. Хардт и А. Негри выделяется несколько ипостасей патриота как нового Давида. Во-первых, патриот представляется *борцом*, который, движимый любовью к человечеству (*amor humanitatis*), воюет за освобождение всего человечества от власти Империи. Патриот демонстрирует переход от потенциальной мощи множества к действительности борьбы, которая проходит под лозунгом «Другой мир возможен!». В этой ипостаси патриот в смысловом плане близок пролетариям К. Маркса и Ф. Энгельса, которые борются с буржуазией «в интересах огромного большинства» (Маркс, Энгельс 1955: 435). Патриотизм оказывается позицией, объединяющей соотечественников в борьбе с последствиями экономической глобализации, которая разворачивается на локальных территориях национальных государств – восстановление заброшенных территорий, обанкротившихся предприятий и хозяйств, осваивание неиспользуемых земель. В данном случае «процессом восстановления руководят те же люди, которые пострадали» от экономической глобализации (Кляйн 2009: 599). Восстановление жизни и реконструкция хозяйств являются актами сопротивления, которое ведется в интересах огромного большинства людей, отстаивающих свое право на жизнь.

Во-вторых, патриот представляется *республиканцем*, вступающим в борьбу с Империей капитала за установление всемирной демократии, управляемой множеством. «Быть республиканцем означает прежде всего бороться изнутри, возводя контримперские конструкции на гибридной, меняющейся территории» (Хардт, Негри 2004: 206). Всемирная демократия становится проектом социальной справедливости, обеспечивающим равенство возможностей всем гражданам. Это предполагает восстановление либеральных демократических институтов, подвергшихся реконструкции в эпоху глобальной экономики, которая проводилась на основе принципов, изложенных М. Фридманом: снижение налогов, свобода торговли, приватизация части государственных функций, уменьшение расходов на социальную сферу, ослабление государственного контроля (Фридман 2006).

В-третьих, патриот является *революционером*. В связи с этим и патриотизм рассматривается в качестве революционной силы, направленной на изменение мира и способной осуществить переход от имперского к республиканскому устройству и в его границах получить возможность реализовать проект всемирной демократии. В данном случае патриот максимально близок профессиональному революционеру В. И. Ленина, который писал о необходимости создания крепкой революционной организации, способной нанести решительный удар по абсолютизму. Организационным принципом профессиональных революционеров, по В. И. Ленину, является конспирация, что превращает ее в «заговорщическую» организацию, поскольку французское слово «конспирация» равнозначно русскому «заговор» (Ленин 1963: 136). Как и профессиональный революционер, работающий нелегально, патриот представляется в концепции М. Хардта и А. Негри заговорщиком. «Более чем когда-либо этот вид патриотизма принимает форму заговора, в котором участвуют многие, продвигаясь к необходимым решениям общим стремлением масс» (Хардт, Негри 2006: 73). Патриот выступает под разными именами – борец, республиканец, революционер, каждое из них демонстрирует разные его ипостаси, задействованные в глобальной борьбе множества, базирующейся на amor humanitatis как политической любви, являющейся силой, которая связывает очаги борьбы в локальном пространстве глобального мира.

В концепции М. Хардт и А. Негри патриотизм представляется проектом будущего, при этом патриот как действующий персонаж его реализации является актуальной фигурой настоящего. Объединенные силой amor humanitatis, патриоты стоят в авангарде борьбы за освобождение всего человечества. Поскольку проект установления всемирной демократии еще не реализован, патриоты должны постоянно вести борьбу на локальных территориях. Несмотря на то что у М. Хардта и А. Негри речь идет о глобальном пространстве, патриотизм зарождается на локальных территориях, а патриот является гражданином конкретного государства. Чем больше локальных очагов борьбы с имперской властью глобалистов будет возникать в настоящем, тем быстрее человечество реализует этот проект. Патриотизм как проект будущего здесь выступает в качестве прогрессивной утопии,

в которой идеальный образ грядущего человечества (всемирная демократия) становится целью, определяющей направление борьбы. При этом сам патриот является парадоксальной фигурой, создающей образ прогрессивно мыслящего человека, опережающего свое время, но именно его несвоевременные действия способны подорвать власть Империи глобалистов и транснациональных элит.

Патриотизм как проект возрождения демократии равенства

Патриотизм как глобальный процесс на локальной территории раскрывается в концепции отечественного философа А. С. Панарина, который считает, что экономическая глобализация непосредственно связана с процессами радикальной сегрегации общества: разделением его на пресыщенные верхи и обманутые в своих завышенных потребительских ожиданиях низы. Такая ситуация создает возможность для новой «революции сознания», открывающей горизонт для гуманистического преобразования человека, поскольку знаменует собой переход от индивида-потребителя к социально ответственному гражданину.

«Революция сознания» затронет тех, кто исключен из состава массового потребительского общества, навязанного экономической глобализацией. В данном случае *исключение* из негативного принципа дискриминации и сегрегации становится позитивным принципом, открывающим поэтапный процесс. «Революция сознания, – считает А.С. Панарин, – будет происходить не спонтанно, а под влиянием краха прежних завышенных потребительских ожиданий, и потому в авангарде ее скорее станут не потребительски пресыщенные верхи общества, а в который раз обманутые низы» (Панарин 2002: 379). В этом смысле «революцию сознания» можно рассматривать по аналогии с реэмиграцией людей как внутреннее движение, возвращающее их к самим себе как согражданам и соотечественникам.

«Революцию сознания» можно рассмотреть на основе нескольких «поворотов», происходящих в сознании индивидов. Первый «поворот» связан с антипотребительской *революцией сознания индивидов*, инициированной их радикальным разочарованием. Разочарование становится состоянием, лишаящим локальное население каких-либо иллюзий относительно экономической глобализации, массового потребительского общества и единого открытого мира, в котором индивид, утративший Родину, может быть только наемником. На этом этапе происходит переход от асоциальной чувственности (проявляется в предельной расслабленности) и равнодушия (индивид реагирует только на самые примитивные импульсы и раздражители, идущие от всемирной «индустрии удовольствия») к новому типу эмоциональной впечатлительности.

Появление новой социальной впечатлительности способствует внутреннему изменению индивида-потребителя, он начинает ощущать себя личностью, для которой свойственны конструктивные формы мысли. Личность противостоит индивиду-потребителю как человеку сугубо экономическому, которого и называют «*homo oeconomicus*». Как считает Х. Арндт,

переход от *homo* к *persona* ставит предел дальнейшей «анимализации» человека (Арендт 2013: 45-46).

Второй «поворот» связан с *возрождением социальной ответственности*, свойственной гражданину, воспринимающему свою страну реалистически как национальную территорию, которая остается его единственным домом. Если десоциализированный индивид-потребитель существует в потоке желаний, то позиция гражданина формируется в процессе мышления. Социальная ответственность инициирует появление рефлексивной позиции, когда вопрос «Что я должен делать?» оказывается вопросом социального существования гражданина, осознающего в полной мере свою ответственность. В данном случае декартовское «Я мыслю, следовательно, существую» (*ego cogito, ergo sum*) можно перевести и таким образом: «Я мыслю, следовательно, отвечаю за свое социальное существование».

Если обратиться к общеевропейской концепции гражданина, то греческое *πολίτης* и латинское *civis* были непосредственно связаны с городом (*πόλις, civitas*) как специфической формой организации человеческого общежития в Древнем мире. Одним из значений слова *πολιτεία* является «совокупность граждан» (Ридель 2016: 6-7). В связи с греческой моделью человек может присвоить себе статус гражданина только тогда, когда способен указать, гражданином какого города (*πόλις*) он является. В соответствии с латинской моделью термин *civitas* буквально обозначает совокупность *civis* сограждан: «некто может объявить себя “гражданином” лишь через определение отношений согражданства» (Декомб 2011: 410). Экономическая глобализация формирует наемников и бездомных кочевников, а гражданская позиция создает условие для восстановления общества согласия граждан, «которым некуда мигрировать и не на что менять родную землю» (Панарин 2002: 392) и которые не могут опереться ни на кого, кроме своих сограждан. Однако возвращение к самому себе как гражданину требует мужества и мобилизации человеческого духа, выражающиеся в твердой решимости человека отвечать как перед самим собой, так и перед своими согражданами: «мужество локализует, ориентирует нас в ситуации глобальной дезориентации» (Бадью 2008: 99).

Третий «поворот» связан с процессами *возрождения гражданского патриотизма*. В мире экономической глобализации патриотизм является сознательной позицией множества граждан, обладающих мужеством противостоять космополитическому выбору транснационального меньшинства. «Заново окажется затребованным аскетический опыт во всех его проявлениях – от неприметной бытовой аскетики неприхотливых “извозчиков повседневности” до аскетики социального и воинского служения, жречества и пророчества» (Панарин 2002: 381). Патриотизм как рефлексивная позиция формируется на основе императива долженствования, который является не внешним требованием, а внутренней установкой гражданина, диктующего самому себе: «ты должен сейчас поступить так-то», «делай то-то», «ты должен...». Фигура патриота выступает основанием нового гражданского консенсуса, требующего от личности не чувственной расслабленности, а внутренней сосредоточенности, которая проявляется в чувстве социальной

ответственности не только за себя, но и за другого. Новая социальная ответственность и есть возрождение чувства ответственности друг за друга.

Новый политический порядок выстраивается на основе «демократии равенства». Равенство в самодисциплине, в профессиональной и гражданской ответственности формирует фигуру патриота, символизирующую единство граждан. В этом случае патриот по своей сути является *демократом*, выступающим за социальную справедливость и демократическую доступность. Идея «демократии равенства», лежащая в основе нового политического порядка, реализуется в пределах национальной территории, то есть показывает общество территориальной демократии, требующей перманентного гражданского участия. «Речь идет, – пишет А. С. Панарин, – о демократии хозяев собственного города, поселка, региона, а хозяину противопоказаны равнодушие и расслабленность» (Панарин 2002: 394).

В данной концепции формирование позиции патриотизма рассматривается как внутренний процесс сознания – самосознания – мышления у индивидов, для которых национальная территория, как и раньше, остается единственным домом. Становление фигуры патриота предполагает осознание людьми самих себя как сограждан и соотечественников, способных мыслить в категориях единства и согласия и создающих круг единомышленников. В данном случае мышление патриота противостоит как глобалистскому самосознанию «граждан мира», так и атомизированному «эмигрантскому» сознанию индивида, отвергающему любые обязательства во имя индивидуалистической «морали успеха».

Заключение

В современном мире глобальные процессы, непосредственно связанные с изменением экономической модели мира, инициировали появление новых форм социальной мобильности. Шоковая терапия экономической глобализации одних людей ставит в сложную жизненную ситуацию, вынуждая покинуть свою родную страну, превращая их в «неграждан», в то время как другие, используя преимущества глобализации, переезжают в страны с более комфортными условиями проживания, в которых они оказываются «чужестранцами». Космополитизм как идеология мирового гражданства замещается общим для всех процессом космополитизации, отражающим экономическую позицию индивидов, вовлеченных в глобализацию на уровне образа жизни. Однако космополитизация доводит идею глобального гражданства до предела, показывая ее зависимость от «капитала подвижности», а значит, от денег. Разделение мира на транснациональные элиты и локальное население завершается тем, что последним отводится роль наемников капитала. Появление наемничества во все времена непосредственно связывалось с ситуацией кризиса государства (полис, княжество, национальное государство). В эпоху экономической глобализации происходит расширение значений понятия «наемник», под которым понимается специалист-инженер, рабочий-гастарбайтер, наемник-солдат и т.д.

Ответной реакцией на процессы глобализации становится возвращение патриотизма как позиции, придерживаться которой сознательно начинает множество людей. Современный патриотизм, с одной стороны, выступает как антиглобалистская позиция индивидов, с другой стороны, как реакция населения на шок, вызванный экономической глобализацией. Возвращение к патриотизму в условиях глобализации возможно в результате реализации двух проектов: во-первых, проекта борьбы за всемирную демократию в рамках республиканского устройства мира, во-вторых, проекта возрождения демократии равенства.

Патриотизм как проект любви к человечеству выстраивается на основе amor patriae, которое в работах М. Хардта и А. Негри понимается как чувство симпатии к своим братьям, объединяющее патриотов, борющихся против империи глобалистов и транснациональных элит за идеалы человечества. Несмотря на то что авторами высказывается мысль о невозможности возродить патриотизм в границах национального государства, безвозвратно разрушенных неуправляемыми миграционными процессами, патриотизм у них возникает на локальных территориях. Именно гражданин конкретного государства выступает в роли борца, совместно с соотечественниками занимающегося обустройством жизни, восстанавливающего промышленные предприятия, сельское хозяйство; республиканца, поддерживающего проект социальной справедливости, который обеспечивает равенство возможностей гражданам страны; революционера, борющегося за установление принципов республиканского устройства, подрывающего власть транснациональных элит. В этой концепции патриот оказывается в большей степени фигурой действия, символизирующей возможность и необходимость борьбы за лучшую жизнь.

Патриотизм как проект демократии равенства связан с «революцией сознания» у тех, кто исключен из состава массового потребительского общества. В данном случае «революция сознания» начинается с антипотребительской революции и представляет собой внутренний процесс реэмиграции: сознания – самосознания – мышления. В результате такого процесса происходит переход от индивида-потребителя к личности – социально ответственному гражданину – патриоту. В рамках концепции А.С. Панарина формируется представление о патриоте-гражданине и возрождении гражданского патриотизма. Патриотизм представляется как рефлексивная позиция граждан, выступающих за идеалы «демократии равенства». Патриот является демократом, поддерживающим идеалы социальной справедливости и равенства в пределах национальной территории. Эта концепция демонстрирует процесс перехода на позицию патриотизма как процесс мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антропов В.В. 2020. Международная трудовая миграция: современные тенденции и экономические последствия // Социально-трудовые исследования. № 4. С. 155–167. DOI 10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167

Арендт Х. 2013. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва : Изд. Ин-та Гайдара. 352 с.

Аристотель. 2012. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // Аристотель. Политика. Москва : АСТ : Астрель. С. 21–290.

Бадью А. 2008. Обстоятельства, 4: Что именует имя Саркози? / сост., пер. с фр. и примеч. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург : Акад. исследования культуры. 192 с.

Бауман З. 2004. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. Москва : Весь мир. 188 с.

Бауман З. 2008. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. Москва : Питер. 238 с.

Бек У. 2003. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6, № 1. С. 24–53.

Бенуа А. де. 2014. Карл Шмитт сегодня / пер. с фр. С. Денисова. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 192 с.

Бровкин В.В. 2020. Космополитизм и патриотизм в греческой философии в период раннего эллинизма // Respublica Literaria. Т. 1, № 1. С. 25–39. DOI 10.47850/RL.2020.1.1.25-39

Валлерстайн И. 2006. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. № 2 (53). С. 126–127.

Верещагина А.В., Кумыков А.М. 2021. Патриотическая тема в интеллектуальной традиции Российского общества // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. № 1 (31). С. 175–181.

Декомб В. 2011. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / пер. с фр. М. Голованивской. Москва : Новое лит. обозрение. 576 с.

Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева. Москва : Мысль. 620 с.

Ермолова И.Е. 2015. Варвары во внешней и внутренней политике Рима в IV–V вв. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 9. С. 35–43. DOI 10.28995/2686-7249-2015-9-35-43

Кляйн Н. 2009. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / пер. с англ. А. Завалова. Москва : Добрая кн. 656 с.

Ленин В.И. 1963. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Москва : Госполитиздат. Т. 6. С. 1–192.

Макиавелли Н. 1998. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пред., коммент. Е. И. Темнова. Ростов-на-Дону : Феникс. С. 47–142.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений : в 39 т. Москва : Политиздат. Т. 4. С. 419–459.

Мартьянов В.С. 2017. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. № 2. С. 104–118.

Нуссбаум М. 2006. Патриотизм и космополитизм // Логос. № 2 (53). С. 110–119.

Павлов А.В. 2018а. Патриотизм: социально-философский подход // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 83–94. DOI 10.17805/zpu.2018.2.8

Павлов А.В. 2018b. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. Т. 4, № 1. С. 175–191. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191

Панарин А.С. 2002. Искушение глобализмом. Москва : Эксмо-Пресс. 416 с.

Пороховская Т.И. 2015. Патриотизм в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 2. С. 46–53.

Ридель М. 2016. Бюргер, гражданин, бюргерство/буржуазия (Bürger, Staatsbürger, Bürgertum) // Словарь основных исторических понятий : Избр. ст. в 2 т. / пер. с нем.

К. Левинсона; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. пер. Ю. Араутова. Москва : Новое лит. обозрение. Т. 2. С. 5–92.

Рунг Э.В. 2013. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. С. 304–314.

Тейлор Ч. 2006. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. № 2 (53). С. 130–131.

Тойнби А.Дж. 1996. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; заключит. ст. Е.Б. Рашковского. Москва : Издат. группа «Прогресс», «Культура». 608 с.

Урри Дж. 2012а. Мобильности / пер. с англ. А. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. Москва : Издат. и консалтинг. группа «Праксис». 576 с.

Урри Дж. 2012б. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 336 с.

Фридман М. 2006. Капитализм и свобода / пер. с англ. В. Козловского, предисл. И. Пильщикова. Москва : Новое изд-во. 240 с.

Хардт М., Негри А. 2004. Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. Москва : Праксис. 440 с.

Хардт М., Негри А. 2006. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. Москва : Культурная революция. 559 с.

Шестова Т.Л. 2019. Античные истоки современного космополитизма // Век глобализации. № 3. С. 108–122. DOI 10.30884/vglob/2019.03.10

Яркеев А.В. 2023. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. Т. 23, вып. 2. С. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Anderson J. P. 2003. Patriotic Liberalism // *Law and Philosophy*. № 22. P. 577–595.

Baron M. 1989. Patriotism and «Liberal» Morality // *Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams* / ed. D. Weissbord. Atascadero : Ridgeview Publishing Co. P. 269–300.

Flamm M., Kaufmann V. 2006. Operationalising the Concept of Mobility: a Qualitative Study // *Mobilities*. Vol. 1, № 2. P. 167–189.

Kantorowicz E.H. 1951. Pro-Patria Mori in Medieval Political Thought // *The American Historical Review*. Vol. 56, № 3. P. 472–492.

Macintyre A. 1984. Is Patriotism a Virtue? Lawrence : Univ. of Kansas. 20 p.

Moore M. 2009. Is Patriotism an Associative Duty? // *Journal of Ethics*. № 13. P. 383–399.

Nathanson S. 2016. Immigration, Citizenship, and the Clash Between Partiality and Impartiality // *Citizenship and Immigration* / eds. A. Cudd and W.-C. Lee. New York : Springer. P. 137–152.

Van Hooft S. 2009. Political Patriotism // *Journal of Applied Ethics and Philosophy*. № 1. P. 20–29.

Vincent A. 2009. Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism // *Journal of Ethics*. № 13. P. 347–364.

References

Anderson J. P. Patriotic Liberalism, *Law and Philosophy*, 2003, no. 22, pp. 577–595.

Antropov V.V. International Labour Migration: Current Trends and Economic Consequences, *Social & Labor Research*, 2020, no. 4, pp. 155–167. DOI 10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167 (in Russ.).

Arendt H. *Responsibility and Judgment*, Moscow, Izдание Instituta Gaydara, 2013, 352 p. (in Russ.).

- Aristotle. *Politics, Aristotel'. Politika*, Moscow, AST, Astrel', 2012, pp. 21–290. (in Russ.).
- Badiou A. *What is Sarkozy's name: Circumstances*, 4, St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 2008, 192 p. (in Russ.).
- Baron M. Patriotism and «Liberal» Morality, *D. Weissbord (ed.). Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams*, Atascadero, Ridgeview Publishing Co, 1989, pp. 269–300.
- Bauman Z. *Globalization. The human consequences*, Moscow, Ves' mir, 2004, 188 p. (in Russ.).
- Bauman Z. *Liquid modernity*, Moscow, Piter, 2008, 238 p. (in Russ.).
- Beck U. The Cosmopolitan Society and its Enemies, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003, vol. 6, no. 1, pp. 24–53. (in Russ.).
- Benoist A. de. *Carl Schmitt Today*, Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014, 192 p. (in Russ.).
- Brovkin V.V. Cosmopolitanism and Patriotism in Greek Philosophy During the Early Hellenistic Period, *Respublica Literaria*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 25–39. DOI 10.47850/RL.2020.1.1.25-39 (in Russ.).
- Descombes V. *Addition to the Subject: Study of the Action Phenomenon on One's Own Behalf*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 576 p. (in Russ.).
- Diogenes Laertius. *The lives, opinions, and remarkable sayings of the most famous ancient philosophers*, Moscow, Mysl', 1979, 620 p. (in Russ.).
- Ermolova I. The Barbarians in the Roman Foreign and Home Politics in the IV–V Centuries, *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2015, no. 9, pp. 35–43. DOI 10.28995/2686-7249-2015-9-35-43 (in Russ.).
- Flamm M., Kaufmann V. Operationalising the Concept of Mobility: a Qualitative Study, *Mobilities*, 2006, vol. 1, no. 2, pp. 167–189.
- Friedman M. *Capitalism and Freedom*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006, 240 p. (in Russ.).
- Hardt M., Negri A. *Empire*, Moscow, Praksis, 2004, 440 p. (in Russ.).
- Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2006, 559 p. (in Russ.).
- Kantorowicz E.H. Pro-Patria Mori in Medieval Political Thought, *The American Historical Review*, 1951, vol. 56, no. 3, pp. 472–492.
- Klein N. *The Shock doctrine. The rise of disaster capitalism*, Moscow, Dobraya kniga, 2009, 656 p. (in Russ.).
- Lenin V.I. What Is to Be Done? Burning Questions of Our Movement, *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t.*, Moscow, Gospolitizdat, 1963. vol. 6, pp. 1–192. (in Russ.).
- Machiavelli N. *The Prince. Discourses on the First Decade of Titus Livius*, Rostov-on-Don, Feniks, 1998, pp. 47–142. (in Russ.).
- Macintyre A. *Is Patriotism a Virtue?* Lawrence, Univ. of Kansas, 1984, 20 p.
- Martyanov V. The Political Limits of “Homo Economicus”, *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2017, no. 2, pp. 104–118. (in Russ.).
- Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party, *Marks K., Engel's F. Polnoe sobranie sochineniy : v 39 t.*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 419–459. (in Russ.).
- Moore M. Is Patriotism an Associative Duty? *Journal of Ethics*, 2009, no. 13, pp. 383–399.
- Nathanson S. Immigration, Citizenship, and the Clash Between Partiality and Impartiality, *A. Cudd, W.-C. Lee (eds.). Citizenship and Immigration*, New York, Springer, 2016, pp. 137–152.
- Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 110–119. (in Russ.).

- Panarin A.S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by globalism], Moscow, Eksmo-Press, 2002, 416 p. (in Russ.).
- Pavlov A. Patriotism. Very Brief History of the Idea, *Philosophical anthropology*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 175–191. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191 (in Russ.).
- Pavlov A.V. Patriotism: Social and Philosophical Approach, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no. 2, pp. 83–94. DOI 10.17805/zpu.2018.2.8 (in Russ.).
- Porokhovskaya T.I. Patriotism in the Globalization Epoch, *RUDN Journal of Philosophy*, 2015, no. 2, pp. 46–53. (in Russ.).
- Riedel M. Burgher, Citizen, Burghers, *Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle (eds.). Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy : Izbr. st. v 2 t.*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, vol. 2, pp. 5–92. (in Russ.).
- Rung E.V. Patriotism and its Ancient Greek Connotations, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2013, no. 2, pp. 304–314. (in Russ.).
- Shestova T.L. Antichnye istoki sovremennogo kosmopolitizma [Ancient roots of contemporary cosmopolitanism], *Vek globalizatsii*, 2019, no. 3, pp. 108–122. DOI 10.30884/vglob/2019.03.10 (in Russ.).
- Taylor Ch. Why Democracy Needs Patriotism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 130–131. (in Russ.).
- Toynbee A.J. *A Study of History*, Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura», 1996, 608 p. (in Russ.).
- Urry J. *Mobilities*, Moscow, Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012, 576 p. (in Russ.).
- Urry J. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012, 336 p. (in Russ.).
- Van Hooft S. Political Patriotism, *Journal of Applied Ethics and Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 20–29.
- Vereshchagina A.V., Kumykov A.M. A Patriotic Theme in the Intellectual Tradition of Russian Society, *Izvestiya of Kabardino-Balkarian State Agrarian University Named after V.M. Kokov*, 2021, no. 1 (31), pp. 175–181. (in Russ.).
- Vincent A. Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism, *Journal of Ethics*, 2009, no. 13, pp. 347–364.
- Wallerstein I. Neither Patriotism Nor Cosmopolitanism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 126–127. (in Russ.).
- Yarkeev A. The Role of the Political Theology of Martyrdom in the Formation of Proto-National Patriotism in Medieval Europe, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Викторовна Журбина

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;
ORCID: 0000-0002-0416-4665;
ResearcherID: GRR-2742-2022;
SPIN-код: 5979-0691;
E-mail: soloveyIV1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Zhurbina

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Theory and Practice of Social Communications, Udmurt State University, Izhevsk, Russia;
ORCID: 0000-0002-0416-4665; ResearcherID: GRR-2742-2022;
SPIN-код: 5979-0691;
E-mail: soloveyIV1@mail.ru

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А., Кочухова Е.А. Городские конфликты в регионах России: факторы эскалации и стратегии урегулирования // Антино-мии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 94-125. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_94

УДК 323.2

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_94

Городские конфликты в регионах России: факторы эскалации и стратегии урегулирования

Александр Борисович Белоусов

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: ektb@ya.ru

Дмитрий Александрович Давыдов

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Елена Сергеевна Кочухова

Институт философии и права Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.10.2024, поступила после рецензирования 17.12.2024, принята к публикации 19.12.2024

В статье представлены результаты исследования городских пространственных конфликтов и способов их урегулирования в Екатеринбурге, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ и Калуге на материалах экспертных интервью и анализа СМИ за последние 15 лет. В ходе исследования были выявлены наиболее распространенные модели взаимодействия городских властей, девелоперов и местных активистов по поводу спорных проектов территориального развития. Определены основные факторы успеха городских активистов, имеющие накопительный эффект: формирование протестной группы на основе уже существовавшего сообщества; протестное менторство; превращение локального протеста в общегородской; взаимодействие протестующих с политическими структурами; акцент на неполитическом характере городских конфликтов; положительная история протестов и формирование позитивной идентичности активистов. Показано, что на модели взаимодействия городских активистов и представителей власти оказывают существенное влияние крупные «учредительные» конфликты, которые заканчиваются победой протестующих. Согласно выводам исследования, представление о том, что в российских городах

© Белоусов А.Б., Давыдов Д.А., Кочухова Е.А., 2024

отсутствуют эффективные инструменты разрешения городских конфликтов, не соответствует действительности. В ответ на рост гражданской активности городские менеджеры и даже сами девелоперы могут менять способы своих взаимодействий с местными жителями, все больше нацеливаясь на недопущение конфликтных ситуаций или поиск компромиссов. Выявлены основные способы предотвращения конфликтов – новые совещательные органы и различные площадки, способствующие диалогу между местными властями и активистами. Описаны основные способы урегулирования уже возникших конфликтов – автономно-муниципальные, манипулятивно-политтехнологические и корпоративные. Многие из выявленных способов доказали свою эффективность. Вместе с тем исследование выявило ряд серьезных проблем, во многих случаях мешающих эффективному разрешению городских конфликтов. Новые управленческие практики и стратегии часто являются личными инициативами, возникающими как реакция на конфликты, вышедшие на федеральный уровень. Данный опыт, как правило, не распространяется за пределы отдельных муниципалитетов, а также имеет весьма шаткие институциональные основания. Соответственно, во многих городах представители власти не обладают необходимыми компетенциями, чтобы эффективно реагировать на те или иные инициативы по оспариванию городских пространств. Кроме того, зачастую местные власти не располагают необходимыми ресурсами для поиска компромиссных решений. Нередко возникают ситуации, когда инициаторами спорных проектов являются федеральные субъекты, а решать проблемы с протестующими приходится местным властям. Наконец, даже диалог и нацеленность на компромисс не всегда гарантируют разрешение конфликтных ситуаций, так как позиция местных активистов часто является бескомпромиссной, а интересы жителей, которым могут быть выгодны оспариваемые проекты, должным образом не выражаются. Ключевая рекомендация исследования заключается в том, что опыт урегулирования городских конфликтов необходимо целенаправленно систематизировать и расширять, повышая уровень компетентности городских управляющих в тех муниципалитетах, которые еще не сталкивались с подобного рода конфликтами.

Ключевые слова: городские конфликты, социальные движения, городская политика, протесты, гражданское общество, городские исследования

Благодарности: Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ № 23-28-01828 «Городские конфликты и стратегии поддержания общественного согласия: сравнительный анализ», <https://rscf.ru/project/23-28-01828/#>

Urban Conflicts in Russian Regions: Escalation Factors and Resolution Strategies

Alexander B. Belousov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: ektb@ya.ru

Dmitry A. Davydov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Elena S. Kochukhova

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Received 30.10.2024, revised 17.12.2024, accepted 19.12.2024

Abstract. The article presents the results of a study examining urban spatial conflicts and their resolution strategies in Yekaterinburg, Novosibirsk, Irkutsk, Ulan-Ude and Kaluga (all – Russian Federation), based on expert interviews and media analysis conducted over the past 15 years. The study identifies the most common interaction models between city authorities, developers, and local activists regarding controversial territorial development projects. Key factors contributing to the success of urban activists are determined, including the formation of protest groups within existing community; mentorship in protest strategies; the escalation of local protests to a citywide scale; collaboration with political structures; the emphasis on the non-political nature of urban conflicts, positive history of protests, and the development of a strong activist identity. The findings indicate that the interaction models between urban activists and government officials are significantly influenced by major ‘constituent’ conflicts that result in victories for the protesters. Contrary to the belief that Russian cities lack effective tools for resolving urban conflicts, the study reveals that, in response to rising civic activism, city managers and developers are adapting their approaches to interact with local residents, often striving to prevent conflicts or reach compromises. The article identifies key strategies for conflict prevention, including the establishment of new advisory committees and various platforms that facilitate dialogue between local authorities and activists. It also outlines the main methods of conflict resolution categorized as autonomous-municipal, political-technological, and corporate – many of which have proven effective. In addition to that, the study uncovers a number of significant challenges that hinder the effective resolution of urban conflicts, noting that new management practices often stem from individual initiatives, typically in response to conflicts that escalate to the federal level. This experience rarely transcends individual municipalities, and tends to lack robust institutional support. Consequently, in numerous cities, government representatives often lack the competencies necessary to respond effectively to urban initiatives. Furthermore, local authorities happen to lack the resources to find compromise solutions. Complicating matters, it is often federal entities who initiate controversial projects, leaving local authorities to manage disputes with protesters. Finally, even when attempts at dialogue and compromise are made, they do not always guarantee resolution, since local activists’ positions may still remain uncompromising, and while the interests of residents who could potentially benefit from the disputed projects may not be adequately represented. The key recommendation of this study is to systematically document and expand the experience of resolving urban conflicts, thereby enhancing the competencies of city managers in those municipalities that have yet to encounter such conflicts.

Keywords: urban conflicts; social movements; urban policy; protests; civil society; urban studies

Acknowledgements: The article was prepared as part of the Russian Science Foundation (RSF) project No. 23-28-01828, titled “Urban Conflicts and Strategies for Maintaining Public Consent: a Comparative Analysis”. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/23-28-01828/#!>

For citation: Belousov A.B., Davydov D.A., Kochukhova E.S. Urban Conflicts in Russian Regions: Escalation Factors and Resolution Strategies, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 94-125. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_94

Введение

Городские пространственные конфликты¹ – одна из активно обсуждаемых тем в российской социологии города и в политических науках (Кольба 2020). Переход от плановой экономики к рыночной привел к принципиальному изменению ключевых подходов к планированию территориального развития. Городские пространства стали полями стратегического действия (Флигстин, Макадам 2022), включающими в себя множество игроков и заинтересованных сторон, чьи интересы зачастую противоречат друг другу. Экономическая логика привлечения инвестиций и максимизации доходов на той или иной территории вступает в противоречие с логикой борьбы граждан за город как место, обладающее прежде всего символическими, историческими, культурными, социальными, а не сугубо утилитарными свойствами (Lefebvre 1991; Харви 2008; Кочухова, Мартыанов 2019). Поэтому нередкими становятся конфликты, спровоцированные различными строительными проектами: точечной застройкой, строительством в парках, скверах и городских лесах, сносом памятников архитектуры и исторических зданий (Чернышева, Хохлова 2021; Семенов, Минаева 2021), размещением вблизи жилых районов объектов, которые местными жителями расцениваются как крайне неприятные или опасные – тюрьмы, мусорные полигоны, туберкулезные диспансеры, крематории, промпредприятия и т.п. При этом конфликты на местном уровне подчас приводят к многотысячным акциям протеста, становятся частью федеральной политической повестки². Тем самым нарушается картина общественного согласия и ставится под вопрос авторитет местных и вышестоящих органов власти.

В отечественных исследованиях превалирует представление о принципиальной антагонистичности противостояния городских активистов и коалиций девелоперов и городских администраций. Например, такое противостояние может осмысляться как противодействие «неолиберальным машинам роста» (Тыканова, Хохлова 2015). В других теоретических оптиках локальные активисты противостоят коалициям городских администраций и застройщиков, нацеленным на утилитарное использование городских пространств без оглядки на потребности местных жителей (Бедерсон, Шевцова 2020). Жители города и активисты представляются обычно «защищающимися» (Скалабан и др. 2022), обороняющими городские пространства. Одновременно констатируется недостаточная включенность

¹ Далее, употребляя термин «городские конфликты», мы будем подразумевать именно пространственные конфликты, так как другие конфликтные ситуации местного характера (рост тарифов ЖКХ, транспортные реформы и т.п.) не были предметом настоящего исследования.

² Так было, например, в мае 2019 года, когда в Екатеринбурге в сквере у драматического театра проходили многодневные массовые акции протеста против строительства на части сквера православного храма.

местных сообществ в процесс планирования развития городских территорий (Кольба, Орфаниди 2023; Ларичев и др. 2023; Кудрявцева, Ховавко 2022). Их вовлечение в этот процесс рассматривается в качестве эффективного способа разрешения конфликтов (см., напр.: Соколов, Абрамовский 2022), т.к. зачастую публичные слушания как инструмент городского планирования неэффективны (Семенов, Гилева 2022).

Действия представителей городских администраций рассматриваются в рамках «коалиций роста», даже если они выступают на стороне активистов. Подобные исключения объясняются воздействием на городских менеджеров следующих факторов: большой общественный резонанс, созданный активистами вокруг символически значимого объекта; изменения в экономической и политической конъюнктуре, которые делают реализацию оспариваемого проекта невыгодной; угроза санкций или вмешательство со стороны федеральных чиновников; использование конфликта в политических целях – в период избирательного цикла или при внутриэлитных конфликтах (Тыканова и др. 2024).

Акцентируя внимание на стратегиях разных игроков в городских конфликтах, существующие исследования скорее объясняют основания их позиций и фиксируют их действия. Кроме того, в большей степени интерес исследователей концентрируется на формировании протестных сообществ и факторах их успеха (Кольба А., Кольба Н. 2020; Глухова и др. 2021; Семенов и др. 2018; Желнина, Тыканова 2019; Чернышева, Запорожец 2023).

При этом в рамках изучения городских конфликтов практически не рассматривались попытки их урегулирования и то, как они влияют на конфликты. Вместе с тем позиция городских администраций далеко не всегда сводится к созданию комфортных условий для экономических элит. Представители городских властей учатся адаптироваться к росту протестной активности, меняя способы взаимодействия с активистами, что может выражаться в «смягчении» локального политического режима, а также в росте отзывчивости на запросы «снизу» (Белоусов, Давыдов 2024b; Белоусов, Давыдов 2023; Галустов 2023). Однако задачу урегулирования конфликтов вряд ли можно свести исключительно к учету консолидированного мнения горожан.

С какими проблемами при регулировании конфликтов сталкиваются представители местной власти? Какие практики разрешения конфликтов они выбирают и чем обусловлен этот выбор? Какие ошибки при этом совершаются и какие факторы мешают властям добиваться своих целей? В настоящем исследовании предпринята попытка оценить компетенции городских менеджеров при разрешении городских пространственных конфликтов, определить наиболее эффективные и, напротив, неэффективные способы урегулирования конфликтных ситуаций. Сохраняя акцент на действиях городских управленцев, мы при этом считаем необходимым сперва дать общую характеристику контекста, в котором они действуют, исходя из его понимания экспертами на местах³.

³ Предварительные результаты исследований отдельных городов были опубликованы в цикле статей (Белоусов, Давыдов 2024a; Белоусов, Давыдов 2024b; Бе-

Методы исследования

Предмет настоящего исследования – пространственные городские конфликты. Под такими конфликтами мы понимаем «последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими властями, застройщиками и другими заинтересованными сторонами, цель которых – оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства» (Тыканова 2021: 20).

Для выявления практик регулирования конфликтов городскими управленцами были проведены полуструктурированные экспертные интервью (n=100; по 20 интервью в каждом исследуемом городе). В 2021 году была проведена серия интервью в г. Екатеринбурге; в 2023 г. – в Иркутске и Новосибирске; в 2024 г. – в Улан-Удэ и Калуге. Средняя длительность интервью – 1 час. Для гайда было сформулировано порядка 30 вопросов. Ключевыми темами в них были: история протестов, значимые кейсы городских протестов за последние годы, наличие крупных конфликтов и их роль во взаимоотношениях власти и общества, характеристики протестующих и их стратегии, взаимодействие протестных групп с внешними средами, стратегии по поиску общественного согласия со стороны власти, медийное освещение конфликтов и участие в них политических партий. В каждом исследуемом городе вопросы корректировались с учетом конфликтной истории, которую исследовательская группа предварительно изучала через открытые источники. Например, в случае с Калугой и Улан-Удэ исследовательский фокус был сконцентрирован на протестах против строительства объектов ФСИН («мультиколоний»⁴), которые находились в актуальной повестке в момент проведения полевого этапа исследования – в мае – июне 2024 г.

Информантами выступали городские общественники и активисты, журналисты и политические эксперты, представители городских, районных и областных администраций, депутаты городского и регионального уровня, представители бизнес-сообществ и пиарщики/политтехнологи. Отбор экспертов производился по критерию вовлеченности в городские конфликты, а в случае активистов и представителей власти – по критерию непосредственного участия в конфликтах с той или другой стороны. Между «провластными» и «протестными» информантами выдерживалось соотношение 50 на 50.

Для проверки информации, полученной от респондентов, тщательно изучалась история местных протестов за последние 15 лет в каждом городе

лоусов, Давыдов 2023; Белоусов, Давыдов 2021; Белоусов, Давыдов, Кочухова 2020). Еще одна статья, посвященная конфликту вокруг строительства «мегаколонии» в г. Улан-Удэ, выйдет в журнале «Мир России» в 2025 году. Поэтому в данной статье будет идти речь прежде всего об общих особенностях. Ознакомиться с особенностями конфликтов в исследованных городах можно в указанных работах.

⁴ См. о проекте «мультиколоний»: В России построят первую мультиколонию. Проект // ForPost. 01.11.2021. URL: <https://sevastopol.su/news/v-rossii-postroyat-pervuyu-mutikoloniyu-proekt> (дата обращения: 06.10.2024).

с использованием материалов основных региональных СМИ⁵. Также информация по каждому из основных рассматриваемых конфликтных кейсов перепроверялась с опорой на данные официальных источников информации (нормативно-правовая база, официальные письма в ответ на обращения граждан и т.д.).

Результаты

1. Факторы успеха активистов при оспаривании городских пространств

Для того чтобы понять, с какого рода проблемами сталкиваются представители власти при урегулировании городских конфликтов, необходимо прежде указать основные факторы успеха «низовых» гражданских движений, выступающих против различных проектов территориального развития.

Таких факторов можно выделить значительное множество. Многие из них очевидны: масштабность (чем большую территорию занимает реализация проекта, чем больше людей он затрагивает, тем выше риски протестной мобилизации), тип проекта (многие проекты не могут не вызывать протестную реакцию из-за высоких издержек для местных жителей – например, мусорные полигоны), место его размещения (ближе к центру города и символически значимым местам – больше рисков эскалации и объединения горожан), а также наличие в городе элитных конфликтов и финансирование городских протестов из тех или иных источников⁶. Мы отметим менее очевидные.

Так, в ходе исследования было выявлено, что *формирование протестной группы на основе уже существовавшего сообщества* обеспечивает ее устойчивость и готовность оказывать сопротивление, повышает качество взаимодействия с другими «игроками». Типичный пример – протестная группа в мкр. Синюшина гора г. Иркутска, длительное время оказывающая сопротивление строительству тубдиспансера. В ходе проведения интервью оказалось, что до начала конфликта один из депутатов городской думы занимался активизацией деятельности ТСЖ и на этой основе реализовал несколько значимых для микрорайона проектов, объединивших граждан. Это существенно усилило жизнестойкость данной группы.

В кейсе борьбы против строительства объекта ФСИН в Улан-Удэ властям не удалось получить согласие жителей на реализацию проекта на первом предполагаемом месте – в мкр. Стеклозавод – поскольку жители ока-

⁵ E1, Ura.ru, NGS, «Твой Иркутск», Байкал Daily, Ариг Ус, региональные издания «Коммерсанта» и «Московского комсомольца» и др.

⁶ Вопрос о финансировании протестов нередко выступает частью конспирологической мифологии власти, с помощью которых они оправдывают свои промахи. Для протестующих подобные объяснения выступают раздражающим фактором, мобиливающим их на более яростное сопротивление. Однако, несмотря ни на то, ни на другое, исследование выявило, что в ряде случаев признаки финансирования протеста присутствуют. Например, в Улан-Удэ именно протестующих, а не провластных участников свозили автобусами на общественные слушания по поводу строительства «мегаколонии» в мае 2024 г.

зали резкое и организованное сопротивление⁷. Исследование показало, что у этой группы также имелся опыт отстаивания своих интересов до начала конфликта. В иркутской истории с противодействием строительству храма Александра Невского в мкр. Приморский в «анамнезе» протестной группы имеется наличие собственной локальной идентичности на основе профессиональной общности: микрорайон являлся территорией первого поселка ГЭС⁸.

Протестное менторство – фактор, позволяющий участникам протестных сообществ восполнять дефициты своих компетенций. Так, нехватка юридических компетенций в случае протеста против строительства «мультиколонии» в г. Улан-Удэ была восполнена за счет обращения к внешним экспертам – протестующие наняли профессионального юриста и активно судятся с мэрией, что может привести к затягиванию конфликта⁹. В Екатеринбурге стало традицией, когда ко многим локальным протестам подключаются «профессиональные» городские активисты, которые, по мнению властных информантов, «ходят с одного протеста на другой», а по их собственным признаниям, сформировали «слаженный механизм реагирования» (Белоусов, Давыдов 2023: 143). Таким внешним консультантом может выступать и политическая партия, что будет отдельным пунктом рассмотрения дальше.

Один из ключевых факторов успеха активистов – *превращение локального протеста в общегородской*. Это превращение происходит за счет того, что в рамках борьбы за свои интересы локальные активисты начинают налаживать связи с другими лидерами и привлеченными экспертами и формируют более обширную базу протеста. Поэтому для властей всех уровней даже локальные городские конфликты представляют двойную угрозу: помимо рисков самих конфликтов возникает риск формирования протестного сообщества. Соответственно, при урегулировании отдельных городских конфликтов местные власти способны либо стимулировать рост числа лидеров протеста, либо, наоборот, вовлекать активистов в свою орбиту. Однако в текущих политических условиях власти, как правило, не обращают

⁷ В Улан-Удэ жители Стеклозавода вышли на митинг против стройки «суперколонии» // Вести Бурятия. 23.07.2024. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/236749/> (дата обращения: 06.10.2024).

⁸ Маркова А. Храм на пустыре: иркутяне разделились во мнениях о строительстве // ИПК.ru. 26.08.2021. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20210826/church/> (дата обращения: 06.10.2024)

⁹ Например, хотя администрация города утвердила проект межевания территории, по которому 162 гектара были выведены из состава городских лесов и переданы УФСИН Республики Бурятия для строительства мультиколонии, инициативной группой был подан иск об оспаривании этого проекта межевания территории и признании его незаконным. 3 октября 2024 г. Верховный суд Республики Бурятия удовлетворил апелляционную жалобу о признании незаконным проекта межевания территории городских лесов, который был принят Администрацией города 14.05.2024 г. по результатам публичных слушаний от 08.05.2024 г. (Улан-Удэ против Мегатюрьмы. URL: https://vk.com/club224408862?w=wall-224408862_725%2Fall (дата обращения: 06.10.2024).

внимания на «мелкие конфликты» до тех пор, пока существующие мониторинговые системы не зафиксируют значительного роста упоминаемости в СМИ и соцсетях¹⁰.

Наши интервью с активистами показывают, что по мере участия в конфликтах они начинают обращать внимание на смежные городские проблемы и ситуации, интересоваться положением дел в городе в целом. В г. Улан-Удэ протестующие против строительства «мультиколонии» в мкр. Энергетик объединились с экоактивистами, защищающими озеро Байкал от перспективы застройки береговой линии, а часть из них начала активно обсуждать общегородские проблемы, связанные с озеленением и благоустройством. Каждый следующий городской конфликт, в котором ядро составляют локальные активисты, способствует появлению протестных лидеров, способных работать на более высоком – общегородском – уровне (например, А. Балтина из движения «Парки и скверы Екатеринбурга» или М. Рязанцев из движения «Искалеченный Новосибирск»).

Общегородские конфликты отличаются от локальных по двум ключевым параметрам. Во-первых, это число участников и их качество. Пикеты в Улан-Удэ против строительства объекта ФСИН с участием 100 человек отличаются от протестов 10 000 екатеринбуржцев, которые вышли защищать сквер у Драммы в 2019 году. В Улан-Удэ это были жители микрорайона Энергетик, тогда как в Екатеринбурге – жители всего города. Во-вторых, представленность протеста в СМИ. Проведенное исследование показало, что категоризация конфликтов по масштабу «локальные конфликты – общегородские конфликты» требует введения промежуточных категорий. Например, конфликт вокруг строительства Храма Александра Невского в Иркутске¹¹ следует отнести именно в такой промежуточной категории. По целому ряду параметров, таких как антиклерикальность, защита парка и даже «персонализация» деревьев в нем (протестующие клеили на деревья фотографии тех, кто их когда-то высаживал), он напоминал аналогичный конфликт в Екатеринбурге. Однако у него было одно важное отличие: место строительства располагалось не в центре города, а на окраине¹². Поэтому все протестные

¹⁰ По сообщениям экспертов, мониторингом рисков в регионах на текущий момент занимаются ЦУРЫ (Центры управления регионами), которые «семафорят» их на «зеленые», «желтые» и «красные». Локальные конфликты редко выходят за пределы наименее рискованной «зеленой» зоны. Об их роли в урегулировании городских конфликтов подробнее будет сказано ниже. См.: Центры управления регионами создали во всех субъектах России // ТАСС. 02.12.2020 URL: <https://tass.ru/politika/10148947> (дата обращения: 15.10.2024).

¹¹ Пешкова А. Храм или роща в Приморском? Городские власти провоцируют конфликты между верующими и жителями // КППФ Иркутск. URL: <https://irkutsk-kprf.ru/region/7734-hram-ili-roscha-v-primorskom-gorodskie-vlasti-provociruyut-konflikty-mezhdu-veruyuschimi-i-zhitelyami.html> (дата обращения: 06.10.2024).

¹² Одна из тенденций, которая была выявлена в ходе исследования – смещение географии протестов из центра города на ее окраины. Все больше локальных протестов происходят там, где возможностей для выделения земли больше. Такие тенденции были зафиксированы в Екатеринбурге, Новосибирске, а конфликты вокруг объектов ФСИН в Калуге и Улан-Удэ тоже проходили на границах данных городов.

действия проходили исключительно с участием жителей микрорайона – горожане на них не приезжали. Вместе с тем в городских пабликах конфликту удалось придать статус общегородского. Иркутяне морально поддерживали протестующих, возмущаясь тем, что в городе «не хватает школ, больниц, а строят Храм». Кроме этого, они начали отправлять деньги на юристов для ведения дел в судах. Таким образом, с точки зрения публичности конфликт был общегородским, а в мобилизационном плане – локальным. Для категоризации конфликтов по масштабу могут быть использованы и другие параметры, например, участие в конфликтах городских активистов и политических структур, что требует отдельного исследования.

В качестве одного из ключевых факторов следует выделить *взаимодействие протестующих с политическими структурами*, прежде всего политическими партиями и околопартийными образованиями (напр., штабы Навального¹³). В Екатеринбурге, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ отчетливо фиксировалось влияние политических структур на интенсивность конфликтов. Среди ярких примеров партийной поддержки – приведенный выше кейс протеста против строительства Александро-Невского храма в Иркутске, в котором ключевую роль сыграла поддержка протестующих со стороны местного отделения КПРФ. В Калуге же, напротив, партии не оказали влияния на городские конфликты, так как либеральные партии там не получили развития, а участие в протестах КПРФ было заблокировано региональной администрацией. При этом в Екатеринбурге и Новосибирске протестующие взаимодействовали преимущественно с либеральными партиями и структурами («Яблоко», Штабы Навального¹⁴), а в Иркутске и Улан-Удэ, которые входят в «красный пояс», – с КПРФ.

Участие либеральных партий в городских конфликтах показывает их большую степень вовлеченности, нежели коммунистов. Возможным объяснением этого феномена является то обстоятельство, что КПРФ – парламентская партия с устойчивыми позициями, действующая в рамках определенных политических коридоров, что нередко заставляет ее занимать «лоялистскую позицию» (Вилков 2021: 207). Ее ключевая задача – сохранение своего представительства, влияния и образа главной оппозиционной партии в РФ. Что же касается «Яблока», то его представительство в Совете депутатов Новосибирска и Екатеринбургской городской думе является неустойчивым¹⁵, а в региональных парламентах партия и вовсе отсутствует,

Для строительства на окраинах застройщики вынуждены заниматься вырубкой лесов, лесопарков и т.п., что, в свою очередь, актуализирует экологическую повестку. Тема географии протестов не являлась целью исследования и поэтому требует отдельного рассмотрения.

¹³ 9 июня 2021 года Мосгорсуд в закрытом заседании признал «общественное движение „Штабы Навального“» и ФБК экстремистскими организациями и запретил их деятельность на территории России.

¹⁴ Признаны на территории РФ экстремистской организацией.

¹⁵ На выборах в городскую думу Екатеринбурга «Яблоко» набрало 9,24% голосов, что стало для него блестящим результатом (Батулин М. Подведены итоги выборов депутатов Екатеринбургской городской думы // Областная Газета. 11.09.2023. URL:

что заставляет ее более активно участвовать в политической борьбе. Партийные лидеры даже могут возглавлять такой протест, как было в Екатеринбурге в 2019 г., когда главным публичным представителем протестующих стал действующий депутат от партии «Яблоко» Константин Киселев¹⁶. За счет этого, по оценкам экспертов, он набрал немало политических очков. Аналогичная ситуация наблюдается и в Новосибирске. Активное участие «Яблока» в городских конфликтах можно объяснить тем, что урбанистическая повестка, с которой выступает партия, востребована у протестно настроенных молодых избирателей городов-миллионников. При этом для партий либерального спектра городские протесты превратились одновременно в партийную школу и площадку для рекрутинга партийных членов. Нередко активисты, проявившие себя в городских конфликтах, затем становятся кандидатами в депутаты от либеральных партий¹⁷.

Несмотря на значительное влияние, оказываемое представителями политических структур на городские конфликты, большинство информантов из числа локальных протестных лидеров подчеркивают *неполитический характер городских конфликтов*. Многие из них не хотят выходить за рамки оспаривания конкретного объекта. Для них участие в городских конфликтах – исключительный способ защиты своих интересов «здесь и сейчас». Интервью с активистами показывают, что умение позиционировать протестную повестку как неполитическую – важный фактор успеха в современных российских реалиях, так как для многих дистанцирование от «токсичных», т.е. подразумевающих личные риски, политических повесток является важным фактором вовлечения в конфликт.

Положительная история протестов, причем не только по сугубо про-странственным тематикам, является весомым стимулирующим фактором для местных активистов. Например, существенным отличием в истории протеста против объекта ФСИН в Калуге и Улан-Удэ является наличие в последнем в 2019 г. уличного протеста КПРФ за отмену результатов выборов

<https://oblgazeta.ru/society/elections/2023/09/17141/> (дата обращения: 06.10.2024)). На выборах в городской совет Новосибирска в 2020 году самовыдвиженцы получили 14 мандатов из 50, при этом коалиция «Новосибирск 2020», сформированная из представителей внесистемной оппозиции, получила 4 мандата (Павлова О., Сасевич Ю. Третья часть усушки. Партия власти потеряла большинство в новом составе новосибирского горсовета // Коммерсантъ (Сибирь). 14.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492195> (дата обращения: 06.10.2024)).

¹⁶ Аксенова А. Депутат Константин Киселев: история со сквером у Драммы – навсегда в истории екатеринбургской идентичности // ЕАН. Россия. 13.05.2020. URL: https://eanews.ru/news/deputat-konstantin-kiselev-istoriya-so-skverom-u-dramy-navsegda-v-istorii-yekaterinburgskoy-identichnosti_13-05-2020; <https://www.yabloko.ru/regnews/Ekb/2019/05/15> (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁷ Например, Дмитрий Трынов, председатель профкома Уральского федерального университета, вошел в список «Яблока» на выборах в городскую думу Екатеринбурга в 2018 году. А Владислав Постников участвовал на довыборах в городскую думу Екатеринбурга в 2020 году (Реутова А. На довыборах в думу Екатеринбурга победили кандидаты «Единой России» // Коммерсантъ (Урал). 23.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4583478> (дата обращения: 06.10.2024)).

мэра¹⁸. Несмотря на то что коммунистам не удалось добиться проведения новых выборов, протест стал школой для молодых коммунистов, которые в 2024 г. оказывали помощь активистам в их борьбе против строительства объекта ФСИН. Наличие у КИРФ опыта уличной борьбы, по мнению экспертов, серьезно увеличивает шансы на уличные эскалации в рамках текущего городского конфликта.

Наконец, еще один фактор устойчивости протестной повестки – *формирование позитивной идентичности активистов*. Эксперты, наблюдавшие за развитием конфликта из-за планов строительства в сквере у драматического театра в Екатеринбурге, отмечали, что одними из важных посылов лидеров активистов в соцсетях были комплименты в адрес протестующих: «какие красивые честные люди», «здесь сегодня собрались лучшие люди города» и т.п. Таким образом, лидеры протестов давали участникам дополнительную позитивную мотивацию. Для длительного функционирования протестных сообществ недостаточно только негативной мотивации объединения против чего-то, нужны и позитивные стимулы быть вместе.

Перечисленные факторы успеха наблюдаются в исследованных городах в разном соотношении. Городским управленцам важно учитывать *эффект накопления* данных факторов при оценке потенциала тех или иных конфликтов и выработке стратегии их урегулирования.

II. Учредительные конфликты и их влияние на модели взаимодействия власти и гражданских активистов

Накопление «критической массы» протестов, появление многочисленных групп активистов, взаимодействующих между собой, рост их компетенций, в т.ч. юридических, а также выход локальных повесток на общегородской уровень (например, от точечной борьбы против уничтожения зеленых зон к созданию полноценного общегородского движения в защиту парков, скверов и городских лесов) может рано или поздно вылиться в то, что мы называем *учредительным конфликтом*. Учредительный конфликт в сфере городского планирования – это крупный конфликт, который заканчивается победой протестующих и влияет на дальнейшие способы выстраивания взаимоотношений власти и общества. Исследование выявило, что в 2 из 5 исследуемых городов наблюдались конфликты такого рода.

– Екатеринбург, 2019 г., конфликт в сквере у драматического театра. Результат: победа протестующих, строительство собора св. Екатерины удалось перенести в другое место¹⁹.

¹⁸ В Улан-Удэ продолжается митинг выступающих за отмену результатов выборов мэра // ИРК.ru. 11.09.2019. URL: <https://www.irk.ru/news/20190911/people/> (дата обращения: 06.10.2024).

¹⁹ Глава Свердловской области заявил, что после опроса предстоит найти новое место для храма // ТАСС. 22.09.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6459996> (дата обращения: 06.10.2024).

– Новосибирск, 2008–2013 гг., продолжительная борьба граждан против строительства гостиничного комплекса в Нарымском сквере. Результат: победа активистов, строительство в сквере отменено²⁰.

Отдельно стоит отметить, что был выявлен ряд конфликтов, которые также способны оказывать серьезное влияние на взаимоотношения власти и общества в вопросах городского планирования, но они не относятся к тематике городских пространств.

В качестве примеров мы можем привести следующие кейсы:

– Иркутск, 2006 г., защита Байкала от строительства нефтепровода. Результат: победа протестующих, строительство нефтепровода было перенесено на значительное расстояние от берега озера²¹.

– Новосибирск, 2017 г., митинг против повышения тарифов ЖКХ на 15%. Результат: победа протестующих, тарифы на ЖКХ не были повышены в предполагаемом объеме²².

– Улан-Удэ, 2019 г., митинг КИРФ против результатов выборов мэра. Результат: протестующим не удалось добиться отмены выборов, но получилось создать протестную политическую повестку и поставить под сомнение легитимность выборной процедуры²³.

Способность учредительных конфликтов оказывать влияние на ход последующих городских конфликтов прежде всего связана с их «интенсивностью» и публичным резонансом. Так, в Екатеринбурге несколько дней подряд проходили многотысячные митинги со столкновениями с сотрудниками правопорядка, что угрожало дальнейшей эскалацией и политизацией протеста. В Новосибирске отстаивание сквера вылилось в затяжное противостояние активистов с властями, регулярные митинги, судебные тяжбы, скандалы в СМИ. Активисты стали обращать внимание на другие кейсы точечной застройки, что способствовало ухудшению репутации мэра В. Городецкого. В целом оба случая стали одними из факторов смены глав городов: в Екатеринбурге в конце 2020 г. А. Орлов сменил А. Высокинского, а в Новосибирске в 2014 г. новым мэром стал коммунист А. Локоть, который в своих предвыборных речах акцентировал внимание на борьбе с точечной застройкой в городе²⁴.

²⁰ Глушакова Е. Суд запретил строительство гостиницы в Нарымском сквере // Новосибирская областная организация Коммунистической партии Российской Федерации. 10.12.2012. URL: <https://kprfnsk.ru/inform/news/20554/> (дата обращения: 06.10.2024).

²¹ Путин приказал отодвинуть нефтепровод от Байкала // Lenta.ru 26.05.2006 URL: <https://lenta.ru/news/2006/04/26/pipe/> (дата обращения: 06.10.2024).

²² В Новосибирске отменили резкое повышение тарифов ЖКХ после протестов // Rbc.ru 19.05.2017. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/04/2017/58f717139a7947902a03d9> (дата обращения: 06.10.2024).

²³ В Улан-Удэ продолжается митинг выступающих за отмену результатов выборов мэра // Irk.ru. 11.09.2019 URL: <https://www.irk.ru/news/20190911/people/> (дата обращения: 06.10.2024).

²⁴ См.: Омелаенко О. В Новосибирске новый мэр: Анатолий Локоть официально вступил в должность // Вести Новосибирск. 28.04.2014. URL: <https://www.nsktv.>

Наличие в недавней истории города учредительных конфликтов свидетельствует о формировании общегородского сообщества активистов, которые до учредительного конфликта могли быть отдельными, не связанными друг с другом фигурами. Учредительные конфликты позволяют локальным активистам серьезно наращивать компетенции (организационные, юридические, информационные и др.), дают им пример успеха протестных действий, вселяющий уверенность в результативность последующих начинаний. Последний фактор важен в силу того, что ключевым дефицитом протестующих, по мнению экспертов, является дефицит воли к длительной борьбе. Но после учредительных конфликтов желание отстаивать свои права и надежда на успех усиливаются. В Екатеринбурге, например, сообщество «Парки и скверы» начало активнее поддерживать другие протестные повестки: вырубка деревьев в парке у УрГУПС (2020)²⁵; оспаривание проекта реконструкции парка «Зеленая роща» (2019)²⁶ и парка XXII партсъезда (2020)²⁷ и т.д. Болезненное для городских властей поражение привело к комплексным изменениям – от усиления взаимодействия с либеральными лидерами протеста до формирования куда более гибкой позиции по спорным вопросам – и в долгосрочной перспективе оказалось полезным для коммуникаций с протестными сообществами, поскольку скорректировало их стратегии действия в городских конфликтах (Белоусов, Давыдов 2023). Власти начинают чувствительнее относиться к запросам протестующих и отдавать предпочтения компромиссным решениям. Так, в Новосибирске отмечался переход от типичных действий властей в духе «неолиберальных машин роста», когда приоритетной является «раздача» земли под застройку при игнорировании мнения граждан, к активизации взаимодействия мэрии с активистами и даже активной борьбе против точечной застройки (Белоусов, Давыдов 2024b). В Екатеринбурге после конфликта в сквере у драматического театра даже была создана структура, вовлекающая протестных активистов в работу по упреждению конфликтов, – «Совет неравнодушных»; о ней подробнее будет рассказано ниже. Шок от интенсивности и последствий учредительных конфликтов стимулирует власти на поиск новых моделей взаимодействия с активистами, хотя гипотетически с течением времени влияние учредительных конфликтов на поведение властей может снижаться²⁸.

ru/news/v_novosibirske_novy_mer_anatolij_lokot_ofitsialno_vstupil_v_dolzhnost/ (дата обращения: 06.10.2024).

²⁵ Борисенко П. Активистов, высадивших в парке УрГУПС деревья, обвинили в самоуправстве // Накануне.ru. 14.05.2020. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/05/14/22573487/> (дата обращения: 06.10.2024).

²⁶ Калинин А. «Власть не чувствует, где может рвануть». В Екатеринбурге зреет протест против реконструкции популярного парка // Федерал Пресс. 14.06.2019. URL: <https://fedpress.ru/article/2248961>

²⁷ Шестак И. К отдыху через протесты: как екатеринбуржцы отвоевали парк за Дворцом молодежи // Е1. 30.07.2021. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2021/07/30/70052834/> (дата обращения: 06.10.2024).

²⁸ Вероятно, эффект от учредительного конфликта в Екатеринбурге уже снизился на момент написания данной статьи. Так, мэрия практически не идет на

III. Способы предотвращения конфликтов

Наряду со стратегиями урегулирования уже возникших конфликтов (см. ниже), исследование выявило целый пласт превентивных мер по их недопущению. Такие меры часто недооцениваются, но в действительности являются не менее важными. Действия, предпринимаемые для предупреждения конфликтов, были обнаружены в 2 городах из 5 (Екатеринбург, Новосибирск) – там, где фиксировалась наибольшая интенсивность конфликтов. Выявленные способы предотвращения городских конфликтов не исчерпывают все, чем пользуются региональные и муниципальные власти в России на текущий момент. Однако они дают представление о том, в каких направлениях могут действовать власти, чтобы не допускать эскалации. Следует также отметить, что стратегия по снижению эскалации реализуется не в отношении каких-то отдельных кейсов, а, по крайней мере, к отдельным направлениям, как было в Новосибирске, когда для снижения градуса дискуссий, касающихся обрезки деревьев и их санитарной вырубке, на работу в муниципалитет был приглашен известный дендролог.

Первым и главным способом предотвращения конфликтов стало создание переговорных площадок по спорным вопросам, работающих регулярно и на долгосрочной основе. Эти площадки, как показывают приведенные ниже примеры, могут либо функционировать в существующих рамках муниципальных институций, либо иметь неформальный характер.

Создание «Совета неравнодушных» (г. Екатеринбург). 24 июня 2021 г. глава г. Екатеринбурга А. Орлов провел первую встречу Совета неравнодушных²⁹. В него вошли около 30 человек – городские активисты, журналисты,

контакт с активистами, борющимися за сохранение Березовой рощи в Академическом районе и недопущение строительства там жилого квартала (см., например: Журавлева В. Жители Академического обратились к Путину с просьбой сохранить Березовую рощу // Комсомольская правда. 15.12.2025. URL: <https://www.ural.kp.ru/online/news/6140042/> (дата обращения: 18.12.2024)). Подобную неуступчивую позицию мэра города А.В. Орлов занял в кейсе с планами строительства на территории, которая раньше была частью парка 50-летия ВЛКСМ, училища олимпийского резерва (при том что на общественных слушаниях граждане выступили против строительства (см.: Панченко В. Мэр Екатеринбурга показал, как будет выглядеть парк, вокруг которого разгорался конфликт // URA.RU. 28.10.2024. URL: <https://ura.news/news/1052835959> (дата обращения: 18.12.2024)). Хотя действия мэрии бескомпромиссными назвать нельзя (16 га Березовой рощи удалось сохранить и договориться с застройщиком о возведении на этом месте парка за его счет; парк 50-летия ВЛКСМ будет благоустроен, а место планируемого строительства формально к парку не относится), все чаще имеют место типичные манипулятивно-политтехнологические приемы (см. ниже): создание «альтернативных», «псевдоактивистских» движений (например, за обустройство парка на «частично сохраненной» территории Березовой рощи), проведение (по всей видимости, по инициативе застройщика) опросов с очевидно манипулятивной целью (например, с вопросами о том, хотят ли жители парк в Березовой роще, но без упоминания планов вырубки почти половины ее площади) и т.п.

²⁹ Ашбель А. Мэр собрал депутатов, урбанистов и журналистов: показываем первую встречу Совета неравнодушных горожан // Е1. 24.06.2021. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2021/06/24/69988685/> (дата обращения: 06.10.2024).

городские депутаты. За многими из них закрепились репутация граждан, оппозиционно настроенных по отношению к действиям властей разного уровня. Совет обсуждает проекты развития города, обеспечивает устойчивую коммуникацию главы города с умеренно оппозиционной общественностью, а также, по словам профильного вице-мэра, создает «атмосферу открытости, доверия», что призвано снижать градус напряжения в отношениях между горожанами и властью³⁰. Или, как выразился эксперт, близкий к мэрии, «он нужен не для того, чтобы тушить пожары, а для того, чтобы не доводить до кипения».

Создание такой площадки в условиях уже давно работающих городской и областной общественных палат свидетельствовало о том, что последние не выполняли свой функционал, так как их существование никак не повлияло на остроту конфликта в Екатеринбурге вокруг «Храма на Драмe» в 2019 году. По прошествии времени эксперты отмечали, что Совет равнодушных внес существенный вклад в формирование нормальных отношений между главой города и ведущими городскими активистами. По крайней мере, с 2021 по 2024 г. в Екатеринбурге не наблюдалось крупных конфликтов, которые оборачивались бы для власти серьезными репутационными издержками. Подобный способ коммуникаций с лидерами городского протеста может стать моделью и для других регионов с высоким уровнем протестной активности.

Работа комиссии по подготовке проекта Правил землепользования и застройки (г. Новосибирск). В Новосибирске эффективным инструментом предотвращения конфликтов стала работа комиссии при городском Совете депутатов, которая обсуждает земельные вопросы с участием всех заинтересованных сторон: бизнеса, общественников, мэрии, депутатов. Все конфликтные ситуации рассматриваются на комиссии, а некоторые решения, резонансные с точки зрения общественности, отсеиваются даже несмотря на сопротивление застройщиков. Работа комиссии высоко оценивалась многими информантами, в том числе депутатами из оппозиционных партий. Несмотря на то что комиссия создана в рамках действующих полномочий властей и может быть использована для лоббизма, на момент проведения исследования в 2023 году она обеспечивала диалог между субъектами городского развития и упреждала конфликты. Данный прецедент тоже может быть использован в других городах, чтобы снять спорные вопросы о строительстве на этапе выделения земли.

Привлечение на работу во властные структуры экспертов из среды городских активистов (г. Новосибирск). Для предотвращения конфликтов за счет налаживания коммуникаций с протестным сообществом городские власти Новосибирска начали кооптировать экспертов, способных вести компетентный диалог с горожанами в целом. В рамках данной сознательной превентивной кадровой стратегии были наняты на административные

³⁰ Архипова М. Открытый диалог. Как мэрия Екатеринбурга и общественность решают вопросы по развитию города // Коммерсантъ (Урал). 26.04.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666118#id2549004> (дата обращения: 06.10.2024).

должности дендролог Светлана Гижицкая³¹ и урбанист Александр Ложкин³². Они стали публичными спикерами, мэрия обеспечивает информационное сопровождение их работы³³. В качестве результата этой стратегии информанты приводят пример с рутинно проведенной обрезкой елок на ул. Ленина, что несколько лет назад вызвало бы сопротивление горожан. Эксперты из Новосибирска считают уникальным опыт привлечения на работу в мэрию кандидатур не из чиновничьей среды.

Использование опросов граждан для блокировки строительства потенциально резонансных объектов (г. Екатеринбург). Несмотря на то что, как правило, инициированные властями опросно-совещательные процедуры выполняют функцию легитимации уже принятых решений, при желании они могут использоваться прямо противоположным образом. Так, осенью 2024 года мэрия Екатеринбурга по запросу одной строительной фирмы провела опрос на портале Госуслуги о снятии охранной зоны с части парка им. Энгельса в центре города. В результате против высказалось больше 99 % жителей города³⁴. При этом мэрия сама высказывалась против такого решения. Поэтому можно предположить, что процедура была проведена в «воспитательных целях» по отношению к застройщикам. Данный пример, очевидно, показывает, что воспринимать взаимодействие властей и застройщиков как сговор против жителей не стоит, а неолиберальные «машины роста» не являются безусловной константой городских конфликтов в текущих российских условиях. В целом же приведенные примеры показывают, что власти при необходимости могут придумать немало разнообразных способов предотвращения конфликтов.

IV. Способы урегулирования возникших конфликтов

В ходе исследования выявлены три основных способа урегулирования текущих конфликтов: автономно-муниципальные, манипулятивно-политтехнологические, корпоративные.

Автономные муниципальные способы – действия городских властей по разрешению городских конфликтов без привлечения региональных властей или сторонних специалистов. Как было показано в предыдущем параграфе, в Екатеринбурге и Новосибирске часть этих способов в последние несколь-

³¹ Гижицкая Светлана Александровна, начальник отдела сопровождения озеленения и благоустройства общественных пространств управления по благоустройству общественных пространств мэрии города Новосибирска.

³² Ложкин Александр Юрьевич 27 ноября 2019 года был назначен главным архитектором Новосибирска со статусом заместителя начальника департамента строительства и архитектуры мэрии.

³³ См., например, комментарии С. Гижицкой в следующем материале: Сокольникова Л. Идеальная фигура: как формируют кроны деревьев в Новосибирске // Новосибирские новости. 01.11.2024. URL: <https://nsknews.info/materials/idealnaya-figura-kak-formiruyut-krony-derevev-v-novosibirske/> (дата обращения: 01.12.2024)

³⁴ Якупова А. В Екатеринбурге застройщик решил забрать кусок парка. Что ответили жители? // E1. 15.10.2024. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2024/10/15/74214167/> (дата обращения: 22.10.2024).

ко лет работают на предотвращение конфликтов. В Иркутске городская администрация вынуждена самостоятельно разбираться с чередой затянувшихся конфликтов, не находя эффективные пути их урегулирования, что иногда не позволяет реализовать важные социальные проекты, например, строительство туберкулезного диспансера. А в Улан-Удэ и Калуге на данный момент используются манипулятивно-политтехнологические способы.

В Екатеринбурге с 2020 г., когда главой города фактически стал Алексей Орлов, складывается «бесконфликтный» способ взаимодействия власти с протестующими горожанами. Информанты отмечают, что, по сравнению с предыдущим главой А. Высокинским, А. Орлов не склонен к резонансным высказываниям, подхватываемым в СМИ и вызывающим возмущение горожан. В Новосибирске, как показано выше, городские активисты отчасти кооптированы во властные структуры, что позволяет эффективно выстраивать коммуникацию с потенциально конфликтно настроенными горожанами. Мэр А. Локоть, занимавший свой пост с 2014 по 2024 г., отличался открытым стилем общения с горожанами и пришел к власти на волне протестного голосования с тезисами о противостоянии точечной застройке³⁵, что само по себе обеспечило кредит доверия городской администрации в вопросах трансформации городского пространства.

Что касается конкретных способов урегулирования конфликтов, то в администрации г. Екатеринбурга подходили к каждому случаю как к уникальному и выработывали разные решения. Среди них можно указать следующие: создание рабочей группы, которая согласует отдельные детали реализуемых проектов (реконструкция сквера на ул. Опалихинской³⁶ и сквера XXII партсъезда³⁷); выделение застройщику равноценного участка в другом месте (конфликт из-за строительства глэмпинга в мкр. Мичуринский)³⁸; выделение средств для расселения жителей домов, на месте которых реализуется оспариваемый объект (строительство нового здания филармонии³⁹);

³⁵ Тростников Д. Мэр Анатолий Локоть: «Я категорически против точечной застройки» // Новосибирские новости. 06.10.2014 URL: <https://nsknews.info/materials/mer-anatoliy-lokot-ya-kategoricheski-protiv-tochechnoy-zastroyki-142063/> дата обращения: 22.10.2024).

³⁶ Кольтенберг Ю. При благоустройстве сквера на Опалихинской улице в Екатеринбурге оказалось повреждено множество деревьев // Вечерние Ведомости. 27.10.2021. URL: <https://veved.ru/eburg/news/life/168412-ekaterinburzhenka-obratilas-v-mjeriju-s-zhaloboj-na-povrezhdenie-derevev-pri-rekonstrukcii-skvera-na-opalihinskoj.html> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁷ Рабочая группа по реконструкции парка 22 Партсъезда озвучила итоги заседания. Встреча кончилась скандалом // 66.ru. 25.06.2020. URL: <https://66.ru/news/society/232008/#!> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁸ Кольтенберг Ю. В Мичуринском не будут строить глэмпинг, против которого выступали местные жители // Вечерние Ведомости. 02.07.2021. URL: <https://veved.ru/eburg/news/life/164302-v-michurinskom-ne-budut-stroit-gljumping-protiv-kotorogovystupali-mestnye-zhiteli.html> (дата обращения: 06.10.2024).

³⁹ Шестак И. Построят ли филармонию от Zaha Hadid, ради которой снесли пятиэтажку? Версии мэра и свердловского министра // E1. 06.08.2021. URL: <https://www.e1.ru/text/realty/2021/08/06/70063448/> (дата обращения: 06.10.2024).

оказание правового давления на инвесторов, которые не захотели договариваться (строительство автомойки по ул. Блюхера⁴⁰); отмена спорных проектов без создания инициативных групп и ведения переговоров (точечная застройка в Юго-Западном микрорайоне⁴¹). При этом главной стратегической догмой мэрии Екатеринбурга, по мнению экспертов, стал принцип «не повышать градус ситуации» (Белоусов, Давыдов 2023).

Стоит отметить, что одной из причин успеха усилий по урегулированию конфликтных ситуаций в Екатеринбурге стало то, что ключевыми переговорщиками стали представители не мэрии, а реального сектора, реализующего проекты. Им дали карт-бланш на широкий спектр маневров при переговорах, а также ресурсы для их реализации. Поэтому для них не стало проблемой ни внесение изменений в проекты, ни предложение для инвесторов других площадок. Тем самым была предотвращена распространенная ситуация, когда политический блок нагружают задачей по переговорам, при этом лишая его возможностей для маневра. Задача при таком подходе – «надо договориться, но только на наших условиях». Здесь важно отметить, что представители реального сектора, как оказывается, вполне неплохо справляются с переговорами. Это совсем не удивительно, ведь у них для этого имеется целый ряд преимуществ. Во-первых, в отличие от политических менеджеров, как «люди от земли» они вызывают большее доверие, поскольку не привыкли к разного рода политическим манипуляциям. Во-вторых, они хорошо ориентируются в технических и экономических аспектах оспариваемых проектов, поэтому им легче дается поиск компромисса. Это важная ведомственная особенность в дальнейшем может быть использована и на федеральном уровне, при формулировании подходов к урегулированию городских конфликтов.

Манипулятивно-политтехнологические способы урегулирования конфликтов состоят в том, чтобы воздействовать на ситуацию с помощью технологий, в которых, как принято считать (см., напр.: Демидченко 2015: 141), можно рассмотреть манипулятивную составляющую. Это могут быть информационные, событийные, организационные, деструктивные и прочие технологии. Главное в них – то, что в качестве ключевого средства используется манипуляция, а не диалог. Реализовывать такого рода стратегии могут как административные специалисты, так и привлеченные. Исследования выявили, что в Калуге и Улан-Удэ в ходе конфликтов в 2024 году вокруг строительства масштабных объектов ФСИН – «мультиколоний» – использовались именно такие подходы.

В Калуге, например, региональными властями была выработана стратегия *информационного вакуума* вокруг строительства. Местное за-

⁴⁰ Медведева Ю. Строительство автомойки на Блюхера в Екатеринбурге свернули // Вечерние Ведомости. 30.01.2022. URL: <https://veved.ru/eburg/news/life/171334-stroitelstvo-avtomojki-na-bljuhera-v-ekaterinburge-svernuli.html> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴¹ Батин С. Жители Екатеринбурга вышли защищать сквер от застройщика, несмотря на обещание мэрии // URA.ru. 06.06.2022. URL: <https://ura.news/news/1052559506> (дата обращения: 06.10.2024).

конодательство позволило провести выделение земли под строительство без общественных слушаний, а голосование по этому вопросу в Городской Думе в 2022 г. не освещалось в местной прессе. Экспертная группа при региональном правительстве пришла к выводу, что вокруг «мультиколонии» сформировано множество страхов, развеять которые разъяснительной работой не представляется возможным. Поэтому в местных медиа (в т.ч. в группах в социальных сетях), большинство из которых заключили информационные контракты с областными и городскими властями, освещаются исключительно преимуществ от переноса СИЗО из центральной части города на его окраину. Эта давно известная медийная технология, которая называется «формирование повестки дня». Например, жителям Калуги предлагается обсудить и выбрать, какие общественные объекты они хотели бы видеть на месте СИЗО. В то же время позиция протестующих в СМИ не представлена⁴². В рамках данной стратегии негативное отношение к стройке среди населения удаленных районов не принимается во внимание ввиду его малочисленности. Ставка делается на работу с большинством горожан, которые проживают в отдалении от места предполагаемого строительства. После формирования общественного мнения в масштабах города у протестующих уже не останется возможности изменить его в свою сторону, т.е. конфликт не будет способен перерасти в общегородской. Очевидно, что в центре данной стратегии находится формирование выгодного для власти мнения среди горожан, а не поиск неких компромиссов, как это было видно в кейсах Екатеринбурга, что позволяет говорить о реализуемой в данном случае политтехнологической стратегии.

Конфликт вокруг строительства объекта ФСИН в Улан-Удэ проходил в 2024 г. с существенно большей протестной активностью. Во-первых, власти публично обсуждали предполагаемое место строительства и, прислушавшись к мнению жителей мкр. Стеклозавод, отказались от идеи строительства там, создав прецедент возможности переноса. Во-вторых, новое место было выбрано поблизости от мкр. Энергетик, который значительно больше по численности населения, чем районы в Калуге вблизи площадки, выделенной под строительство «мультиколонии». В-третьих, власти не смогли избежать проведения процедуры общественных слушаний при выделении земли под строительство. Наконец, группе активистов в Улан-Удэ оказывает содействие местное отделение КПРФ, причем эта группа больше по численности, чем в Калуге, и возникла раньше, т.к. власти не смогли скрыть информацию о предстоящем строительстве.

Когда конфликт перешел в острую стадию и началась протестная активность, городские власти пригласили внешних специалистов и приступили к реализации политтехнологической стратегии. Данная стратегия

⁴² Исключением являются апрельские публикации о сборе подписей против строительства, после чего развернуто о позициях активистов пишет только «Горбатинская правда» <http://www.gorbatin.su>, ресурс, агрегирующий информацию о всех конфликтных городских кейсах и занимающий нишу оппозиционного издания.

основывалась на создании в микрорайонах, прилегающих к месту строительства, общественного движения «Энергия будущего», альтернативного протестному. Создание альтернативных общественных движений является типичным политтехнологическим приемом, который иногда используется в городских конфликтах⁴³. «Энергия будущего» озвучивает в медийном пространстве позитивную точку зрения на реализуемый проект⁴⁴, за счет чего стремится уменьшить лояльность к протесту самих протестующих, а также отнимает ресурсы активистов, которые перенаправили часть своих сил на борьбу с новым движением. Помимо этого, властями через общественное движение реализуется стратегия торга с жителями микрорайона Энергетик по принципу «объект в обмен на благоустройство района» (например, обсуждается строительство в микрорайоне аквапарка).

Реализуемая в Улан-Удэ стратегия направлена на снижение эффективности действий со стороны активистской группы. И при проведении отдельных мероприятий, способных стать триггерами протестной активности, она показывает свою эффективность. Так, проведение слушаний в городском совете Улан-Удэ в июне 2024 г. по вопросу выделения земли в отличие от общественных слушаний прошло без особых для власти эксцессов, поскольку протестная группа уехала на встречу с представителями «Энергии будущего» на место предполагаемого строительства.

Корпоративные способы встретились в исследуемых кейсах дважды. В них урегулированием конфликтов занимались представители бизнеса, чьи интересы оказывались под угрозой. Они самостоятельно взаимодействовали с протестующими, поскольку, как отмечают информанты, у корпораций не было уверенности, что местным властям удастся снять текущие риски.

Первый кейс – подготовка создания корпорацией «Росатом» «Международного центра по обогащению урана» в г. Ангарске Иркутской области в 2007 г.⁴⁵ Назначение центра – складирование и переработка отработанного ядерного топлива, поступающего из-за рубежа. После известного крупного конфликта годом раньше на Байкале⁴⁶ риски экологических протестов были высочайшими. Однако, по утверждению информантов, в «Росатоме» учли этот опыт и реализовали программу по предотвращению конфликта.

⁴³ Например, при конфликте вокруг строительства Томинского ГОКа в Челябинской области было создано движение «СтопСмог! За чистый воздух в Челябинске» (Золотухина А., Леонов С. Отцы-основатели «СтопГОКа» поссорились после звонка президента Путина // URA.ru. 30.11.2017. URL: <https://ura.news/articles/1036273121> (дата обращения: 06.10.2024)).

⁴⁴ Главное, что мне не все равно // Байкал Daily. 27.05.2024 URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/478924/> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴⁵ В Ангарске построят международный центр по обогащению урана // РБК. 15.07.2006. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/07/2006/5703c5e39a7947dde8e0de25> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴⁶ См.: Жители Иркутска продолжают отстаивать Байкал // РБК. 24.04.2006. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/04/2006/5703c5af9a7947dde8e0da62> (дата обращения: 06.10.2024).

Она включала в себя создание общественной организации, приглашение специалистов, организацию поездок в Европу для экологических активистов с целью ознакомления с аналогичными проектами. Таким образом, конфликт был снят, а проект реализован.

Второй случай – строительство компанией РЖД транспортно-логистического центра «Уральский» в Екатеринбурге в начале 2020-х годов⁴⁷. Строительство планировалось в непосредственной близости от озера Шарташ, являющегося важной рекреационной зоной для Екатеринбурга. Жители расположенных рядом микрорайонов организовывали митинги и писали обращения к губернатору Свердловской области и Президенту РФ, что активно освещалось в местных СМИ⁴⁸. Однако протест не достиг своей цели и того масштаба, что наблюдался при конфликте вокруг строительства Храма в 2019 г. Информанты называют тому две причины. Одной из причин стала относительная удаленность места строительства от густонаселенных районов и от активно используемой горожанами части лесопарка. Другой – налаживание представителями инвесторов коммуникаций с протестными лидерами, организация для них поездки на аналогичный транспортно-логистический центр. По утверждениям информантов, с частью активистов удалось договориться, другим дали «взятки инфраструктурой», а на председателя местного ТОСа было оказано давление. Так или иначе, строительство ТЛЦ «Уральский» было успешно осуществлено.

Персональные коммуникации с протестными лидерами – технология, которую используют представители бизнеса, но которую часто игнорируют городские власти. Проблемы в коммуникациях с протестующими или даже отказ от них среди исследуемых городов были выявлены в Улан-Удэ, Иркутске, Калуге. Очевидно, что способы коммуникаций корпоративных представителей, а также наглядная демонстрация характеристик строящегося объекта на примере аналогичных – эффективные приемы, которые также могут быть заимствованы городскими властями.

V. Управленческие дефициты в сфере урегулирования городских конфликтов

Интервью, проведенные с представителями исполнительной и законодательной власти разного уровня, обнажили значительный дефицит компетенций чиновников и депутатов по урегулированию городских конфликтов

⁴⁷ В Екатеринбурге открыли первую очередь крупнейшего в УрФО логистического центра // ТАСС. 01.11.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16212789> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴⁸ Постников В., Кондратенко В. Противники ТЛЦ «Уральский» увязли в судах, пока власти меняют ради стройки Генплан // Вечерние Ведомости. 22.10.2021. URL: <https://veved.ru/eburg/press/society-txt/168237-protivniki-tlc-uralskij-uvjazli-v-sudah-roka-vlasti-radi-strojki-menjajut-genplan.html> (дата обращения: 06.10.2024); Жители Екатеринбурга требуют прекратить строительство ТЛЦ «Уральский». 41 тысяча подписей уже собрана под обращением к губернатору // Правда УрФО. 11.06.2021. URL: <https://pravdaurfo.ru/novost/zhiteli-ekaterinburga-trebuyut-prekratit-stroitelstvo-tlc-uralskij/> (дата обращения: 06.10.2024).

и одновременно их заинтересованность в получении таких знаний. Некоторые чиновники в беседах с представителями исследовательской группы говорили об этом прямым текстом.

Дефицит компетенций наблюдается как на уровне первых лиц, так и на экспертном уровне внутри самой власти – руководителей аналитических, политических и информационных подразделений, советников и разного рода окол властных аналитических организаций, включая такие структуры, как Центры управления регионами (ЦУРы)⁴⁹. Таким образом, наблюдается повсеместный риск возникновения конфликтных ситуаций, в которых лица, принимающие решения, не будут обладать необходимым опытом урегулирования городских конфликтов, а административный аппарат – аналитической информацией, на основании которой можно принять эффективные решения. Стоит ли говорить о том, что урегулирование конфликтов в такой ситуации окажется затруднено.

Мы видим основную причину появления этих дефицитов в текучке кадров. Во всех исследованных городах за последние 5 лет поменялись профильные заместители мэров, отвечающие за урегулирование конфликтов. Если взять самих глав городов, то четверо на момент исследования занимали свои посты не более 5 лет⁵⁰, только мэр Новосибирска А. Локоть – 10 лет, но в январе 2024 г. он покинул свой пост.

Главы Новосибирска и Екатеринбурга на своем посту успевали столкнуться с несколькими городскими конфликтами в силу высокой протестной активности жителей, что отмечается в исследованиях (Тыканова, 2021; Скалабан и др. 2023). Но в трех других городах и, по-видимому, в большинстве региональных центров России мэр сталкивается с городскими конфликтами скорее редко, чем часто, в отличие, например, от избирательных кампаний, которые в некоторых местах проводятся чуть ли не каждый год. Если на региональном уровне с губернаторами, вице-губернаторами, руководителями информационных подразделений и т.д. регулярно проводится обучение, в том числе и по работе с политическими рисками, то мэры региональных центров в такие программы подготовки не включены. Кроме того, рынок услуг по урегулированию городских конфликтов не сформировался, тогда как на выборную кампанию мэр может пригласить политтехнологов с солидным багажом опыта. Таким образом, научиться управлять конфликтами самим у представителей городской власти не получается из-за редкой практики, а обучить их и помочь в сложной ситуации некому. Поэтому совсем не удивительно, что основ-

⁴⁹ Так, например, чиновник, сетовавший на то, что приходится иметь дело со строительством «мегаколонии», предположил, что социальный объект – например, тубдиспансер – не вызвал бы возмущения жителей. Очевидно, кейс блокировки жителями строительства тубдиспансера в Иркутске информанту был неизвестен.

⁵⁰ Главы исследованных городов становились и.о., т.е. фактически получали полноту власти, в следующие сроки: глава г. Екатеринбурга Алексей Орлов – декабрь 2020; глава г. Иркутска Руслан Болотов – март 2020; глава г. Новосибирска Анатолий Локоть – апрель 2014; глава г. Калуги Дмитрий Денисов – декабрь 2019; глава г. Улан-Удэ Игорь Шутенков – февраль 2019.

ные ошибки, совершаемые муниципальными властями, связаны с недостатком коммуникативных компетенций.

Наиболее распространенная ошибка с их стороны – игнорирование запросов протестующих властью как несущественных. Зачастую информанты выражают уверенность, что любое строительство и благоустройство – значимый вклад в развитие города, которому жители сопротивляются по недоразумению или из корысти. То есть представители власти не склонны вникать в запросы горожан и не видят целесообразности в диалоге с ними. Регулярный отказ от диалога приводит к уверенности городских активистов в том, что «нас не слышат», а это, в свою очередь, мотивирует их высказываться в новом ключе, в частности – переходить к новым протестам (об этом подробнее см.: Белоусов и др. 2020).

Следующая распространенная ошибка – стигматизация протестующих, которая варьируется от умеренных представлений об их «недоговороспособности» (г. Улан-Удэ) до заявлений о них как о «крикунах»⁵¹ (г. Калуга), «градостроительных террористах» (г. Иркутск) или «людях с улицы» (г. Екатеринбург)⁵². Будучи высказаны публично, такие заявления способствуют эскалации конфликта, мотивируют и дополнительно сплачивают протестующих⁵³. Впрочем, стигматизация может быть и непубличной, высказываемой информантами только приватно в интервью и используемой в качестве аргумента в пользу невозможности диалога с протестующими. Однако и такая «ментальная стигматизация» непременно будет иметь свои последствия, приводя к необъективным оценкам конфликта и, как следствие, к неправильным действиям.

Отдельной ошибкой является попытка властей сделать вид, что никаких протестующих нет. Такие решения, например, могут приниматься с подачи аналитиков из ЦУРов, для которых небольшие городские протесты в их системе координат не являются значимым риском. ЦУР оценивает события на основании распространения информации в медиа и соцсетях и не берет во внимание такие аспекты, как групповую динамику протестующих, а также риски внезапных эскалаций. Далее, как правило, выбирается стратегия «медийного забвения», когда в информационном пространстве

⁵¹ Смыкова О. Разум или эмоции? // Калужская неделя. №21 (1149). 30.05.2024. С. 8.

⁵² «Начались дела, которые Богу противны». Константин Киселев — об агитации #захрам // Деловой квартал. 06.06.2019. URL: <https://www.dk.ru/news/nachalis-dela-kotorye-bogu-protivny-konstantin-kiselev-ob-agitatsii-zahram-237122259> (дата обращения: 06.10.2024); Александрович Д. «Опять не находим решения, которое будет общим зерном». Заседание рабочей группы по храму вновь превратилось в балаган // Just Media. 10.06.2019. URL: <https://www.justmedia.ru/analitika/politics/opros-nichego-ne-reshit-zasedaniye-rabochey-gruppy-po-khramu-vnov-prevratilos-v-balagan> (дата обращения: 06.10.2024).

⁵³ В Екатеринбурге противники строительства Храма в сквере у театра драмы использовали брошенную мэром фразу «Люди с улицы» в качестве надписи на футболках, в которых в дальнейшем посещали публичные мероприятия, связанные с обсуждением строительства.

минимизируются упоминания о данном конфликте – новостное поле блокируется за счет существующих контрактов со СМИ и крупнейшими пабликами в соцсетях. В результате власти обычно действуют в следующей логике: непонимание – стигматизация – отказ от диалога – игнорирование протестующих – «медийное забвение». Соответственно, эскалация «тлеющего» конфликта становится для власти, которая всеми силами старается забыть о существовании протестующих, внезапным и непрогнозируемым сюрпризом.

Одна из ключевых управленческих проблем, с которой часто сталкиваются местные власти, состоит в том, что *инициаторами спорных проектов выступают федеральные субъекты, а их решение передается при посредничестве региональных властей на уровень муниципалитета*. Таким образом, городские власти оказываются зажаты между федеральными предписаниями, региональной ответственностью за «политическое спокойствие» и интересами жителей, зачастую не обладая ни полной информацией о проекте, ни полномочиями по его изменению. Ситуация подобного рода, например, сложилась в г. Улан-Удэ, когда конфликт из-за федерального проекта УОТ («мегаколонии») вынуждены пытаться урегулировать местные власти. В рамках существующего перераспределения ответственности «по вертикали», когда все решения принимаются наверху, а отвечают за все муниципалитеты, не остается возможностей для эффективного диалога. Между разными уровнями накапливается напряжение и недопонимание. Очевидно, что проблема распределения ответственности носит политический характер и должна решаться на политическом уровне. Это задача федерального политического управления.

Наконец, представителям муниципальной власти необходимо быть готовыми и к тому, что *диалог с местными жителями и нацеленность администрации на компромисс не всегда гарантируют разрешение конфликта*. В ходе исследования мы сталкивались с бескомпромиссными позициями местных активистов, готовых оспаривать важные с общественной точки зрения проекты (строительство школ, медицинских центров и т.п.), всякий раз находя новые аргументы – защиту имеющих символическую значимость ветхих зданий, буквально каждого дерева или краснокнижного растения (последнее наблюдалось в Академгородке Новосибирска). Необходимо учитывать, что позиция местных активистов может расходиться с запросами других жителей района или города в целом. Поэтому необходима дальнейшая работа по улучшению форм демократического планирования городского развития, чтобы мнения разных заинтересованных субъектов в разумные сроки успевали быть представленными и обсужденными.

Заключение

В настоящей статье мы сконцентрировались на вопросах о том, какие факторы способствуют эффективной борьбе протестных групп за свои права и сложились ли в российской практике работоспособные стратегии управления городскими пространственными конфликтами.

В результате было выявлено, что на способность активистов эффективно отстаивать свои права влияет большой и разнообразный набор факторов. Главным является то, как долго протестующие способны заниматься борьбой. Это, в свою очередь, также зависит от множества других факторов – поддержки политических партий, организации протестной группы на основе существовавших ранее сообществ, всевозможной моральной поддержки от других акторов и горожан. Одним из ключевых факторов успеха является превращение локального протеста в общегородской. Как правило, при старте конфликта активисты руководствуются принципами «not in my backyard» – «стройте где угодно, только не у нас под боком». Однако, чтобы привлечь широкую городскую аудиторию, они формулируют аргументы, которые должны разделяться всеми горожанами. Нередко именно по этой причине протестная аргументация приобретает экологический характер – такого рода ценности разделяются, как правило, всеми вне зависимости от конкретного места проживания в городе.

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что при наличии в истории города крупного, «учредительного» конфликта, закончившегося победой протестующих, шансы, что в ближайшие годы активистам удастся отстаивать свои права в конфликтах меньшего масштаба, резко возрастают. Но городские конфликты даже небольшого масштаба для местных администраций представляют двойную угрозу: помимо рисков для реализации конкретных проектов строительства или благоустройства, возникает угроза формирования общегородского протестного сообщества. Городские конфликты являются плодородной почвой для взращивания протестных активистов, и каждый следующий конфликт способствует наращиванию их компетенций и появлению в их рядах все новых лиц. Поэтому представители городских администраций должны быть заинтересованы в предупреждении этих конфликтов или в освоении практик их разрешения. Однако на практике распространенные практики мониторинга рисков отсеивают локальные городские конфликты как «не представляющие особых информационных угроз», вытесняя их на периферию интересов чиновников. Но даже если острота конфликтов растет, а значимость запланированных к строительству объектов для власти является высокой, нередко представители городской власти не обладают необходимыми компетенциями, чтобы эффективно реагировать на те или иные инициативы по оспариванию городских пространств. Из-за относительно небольшой частоты конфликтов и постоянной ротации кадров они не успевают освоить такого рода компетенции. И внешние специалисты также не всегда способны урегулировать ситуацию, поскольку приглашаются, как правило, в критических ситуациях, когда восстановить диалог уже крайне сложно.

Впрочем, ситуацию с разрешением конфликтов нельзя также описывать исключительно в «черных красках». Путем проб и ошибок в российских регионах нарабатываются практики эффективного разрешения и предотвращения конфликтных ситуаций. В ответ на напряженные или очень долгие «изматывающие» конфликты в Екатеринбурге и Новосибирске произошли изменения в моделях взаимодействия городских администраций

с городскими активистами. В обоих городах зафиксировано стремление не допускать возникновения и развития таких конфликтов. Ключевое решение новой модели – создание переговорной площадки, куда приглашаются реальные лидеры протеста, и ведение переговоров в администрации города. Для протестующих это поднимает статус переговорного процесса, а администрации позволяет увести его с улицы в кабинеты, где возможности эскалаций сводятся к минимуму. В Екатеринбурге так работают ситуативные группы, а в Новосибирске спорные земельные вопросы решают на площадке Совета депутатов. Создание совещательных органов при администрациях, состоящих из местных активистов и урбанистов, улучшение работы комиссий по планированию городского пространства, привлечение активистов на работу в администрацию, создание переговорных и рабочих групп, поиск компромиссных решений, работа с мифами и страхами местных жителей – все эти и многие другие практики разрешения конфликтных ситуаций также демонстрируют свою эффективность.

Учитывая выявленные дефициты в сфере урегулирования городских конфликтов, необходимо подчеркнуть, что, если соответствующие задачи вверяются политическим и информационным департаментам, неполномочным в вопросах изменения проектов, возникают риски несогласованности их обещаний с решениями профильных подразделений. Одним из ключевых факторов успешного диалога власти и протестующих является наличие полномочий по изменению проектов у переговорщиков со стороны администрации, поскольку протестующие ожидают предметного разговора и отслеживают выполнение данных им обещаний. Представители политических или информационных департаментов зачастую не знают, какие требования горожан могут быть действительно удовлетворены, а какие нет.

Большинство выявленных в ходе исследований новых управленческих стратегий и практик являются автономными инициативами, то есть этот опыт не распространяется за пределы муниципалитета. Обмена опытом между столицами регионов по поводу того, как вести себя властям в ситуации городских конфликтов, не происходит. И поэтому ключевая рекомендация исследования заключается в том, что такой опыт необходимо целенаправленно аккумулировать, систематизировать, а затем делиться им с теми муниципалитетами, которые еще не сталкивались с масштабными городскими конфликтами, повышая уровень компетентности городских управляющих. Совершенно очевидно, что практика урегулирования городских конфликтов не должна каждый раз становиться мучительным «изобретением велосипеда» в момент, когда этот конфликт сваливается на муниципальную администрацию как снег с неба. Сделать обучение практикам урегулирования городских конфликтов частью муниципального управления, как видится, является важной задачей федерального политического менеджмента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. 2020. Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах на примерах Перми и Екатеринбурга // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). № 4 (99). С. 153–175. DOI 10.30570/2078-5089-2020-99-4-153-175

Белоусов А.Б. и др. 2020. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге / А.Б. Белоусов, Д.А. Давыдов, Е.С. Кочухова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 53–72. DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1694

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. 2021. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 362–385. DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. 2023. Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 130–152. DOI 10.14515/monitoring.2023.3.2315

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. 2024а. Городские конфликты в России: между «правом на город» и NIMBY (на примере Иркутска и Новосибирска) // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 33, № 3. С. 99–117. DOI 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117

Белоусов А.Б., Давыдов Д.А. 2024б. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 292–314. DOI 10.14515/monitoring.2024.4.2520

Вилков А.А. 2021. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 21, вып. 2. С. 203–210. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210

Галустов К.А. 2023. Влияние городского режима на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга в XXI веке (на примере экологических и экокультурных конфликтов) // *Управленческое консультирование*. № 12 (180). С. 167–191. DOI 10.22394/1726-1139-2023-12-167-191

Глухова А.В. и др. 2021. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 19, № 2. С. 239–252. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252

Демидченко В.В. 2015. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // *Власть*. № 12. С. 140–142.

Желнина А.А., Тыканова Е.В. 2019. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 22, № 1. С. 162–192. DOI 10.31119/jssa.2019.22.1.8

Кольба А.И. 2020. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // *Политическая наука*. № 3. С. 52–73. DOI 10.31249/poln/2020.03.03

Кольба А.И., Кольба Н.В. 2020. Структура, модели и стратегии участия городских сообществ в конфликтах // Конфликтология. Т. 15, № 2. С. 54–67. DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-2-54-67

Кольба А.И., Орфаниди Э.В. 2023. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 25, № 3. С. 601–613. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613

Кочухова Е.С., Мартьянов В.С. 2019. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. Т. 19, № 2. С. 45–66. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.4566

Кудрявцева О.В., Ховавко И.Ю. 2022. В поисках устойчивого развития: критический анализ опыта современной Москвы // Экономическая наука современной России. № 2(97). С. 59–72. DOI 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-59-72

Ларичев А.А. и др. 2023. Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов / А.А. Ларичев, Л.В. Солдатов, В.В. Таболин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. Т. 27, № 4. С. 902–918. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918

Семенов А., Минаева Э. 2021. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. Т. 19, № 2. С. 189–204. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204

Семенов А.В. и др. 2018. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта / А.В. Семенов, И.К. Шевцова, В.Д. Бедерсон // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21, № 3. С. 140–169. DOI 10.31119/jssa.2018.21.3.7

Семенов А.В., Гилева А.И. 2022. Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. Т. 23, № 4. С. 73–95. DOI 10.17323/1726-3247-2022-4-73-95

Скалабан И.А. и др. 2022. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) / И.А. Скалабан, З.Н. Сергеева, Ю.С. Лобанов // Мир России. Социология. Этнология. Т. 31, № 4. С. 33–56. DOI 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-5

Скалабан И.А. и др. 2023. «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска / И.А. Скалабан, Ю.С. Лобанов, З.Н. Сергеева, С.Ю. Волченко // Социология власти. Т. 35, № 1. С. 190–218. DOI 10.22394/2074-0492-2023-1-190-218

Соколов А.В., Абрамовский И.С. 2022. Городские конфликты: стратегии борьбы акторов конфликта // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 7, № 1 (23). С. 20–28. DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-1-20-28

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. 2015. Городской политической режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. Т. 13, № 2. С. 241–256.

Тыканова Е. и др. А. 2024. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах / Е. Тыканова, И. Шевцова, А. Желнина // Социологическое обозрение. Т. 23, № 2. С. 90–119. DOI 10.17323/1728-192x-2024-2-90-119

Тыканова Е.В. (ред.) 2021. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / под ред. Е.В. Тыкановой. Москва ; Санкт-Петербург : ФНИСЦ РАН. 194 с.

Флигстин Н., Макадам Д. 2022. Теория полей. Москва : ВШЭ. 464 с.

Харви Д. 2008. Право на город // Логос. № 3(66). С. 80–94.

Чернышева Л.А., Запорожец О.Н. 2023. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 124–148. DOI 10.14515/monitoring.2023.4.2352

Чернышева Л.А., Хохлова А.М. 2021. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. Т. 19, № 2. С. 223–238. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-223-238

Lefebvre H. 1991. *The Production of Space*. Oxford : Blackwell. 464 p.

References

Bederson V.D., Shevtsova I.K. Coalitions in Exchange for Loyalty? Relationships Between Government and Construction Business in Large Russian Cities (Cases of Perm and Yekaterinburg), *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2020, no. 4 (99), pp. 153–175. DOI 10.30570/2078-5089-2020-99-4-153-175 (in Russ.).

Belousov A.B., Davydov D.A. From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 6, pp. 362–385. DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2052 (in Russ.).

Belousov A.B., Davydov D.A. Urban Conflicts and Transformation of the Local Political Regime in Yekaterinburg, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2023, no. 3, pp. 130–152. DOI 10.14515/monitoring.2023.3.2315 (in Russ.).

Belousov A.B., Davydov D.A. Urban Conflicts in Russia: Between the “Right to the City” and Nimby in Irkutsk and Novosibirsk, *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2024, vol. 33, no. 3, pp. 99–117. DOI 10.17323/1811-038X-2024-33-3-99-117 (in Russ.).

Belousov A.B., Davydov D.A. Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2024, no. 4, pp. 292–314. DOI 10.14515/monitoring.2024.4.2520 (in Russ.).

Belousov A.B., Davydov D.A., Kochukhova E.S. Post-Materialist Trend: Motivation for Protests in the Drama Theatre Square in Yekaterinburg, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 6, pp. 53–72. DOI 10.14515/monitoring.2020.6.1694 (in Russ.).

Chernysheva L., Khokhlova A. Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts Around Historical Buildings, *The Journal of Social Policy Studies*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 223–238. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-223-238 (in Russ.).

Chernysheva L.A., Zaporozhets O.N. Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2023, no. 4, pp. 124–148. DOI 10.14515/monitoring.2023.4.2352 (in Russ.).

Demidchenko V.V. Political Technologies: Nature, Forms and Types, *The Authority*, 2015, no. 12, pp. 140–142.

Fligstein N., McAdam D. *A Theory of Fields*, Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 464 p. (in Russ.).

Galustov K.A. Impact of the Urban Regime on the Urban Spatial Transformation of Saint Petersburg in the 21st Century (On the Example of Ecological and Eco-Cultural Conflicts), *Administrative Consulting*, 2023, no. 12 (180), pp. 167–191. DOI 10.22394/1726-1139-2023-12-167-191 (in Russ.).

Gluhova A., Kolba A., Sokolov A. Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia’s Large Regional Centers), *The Journal of Social Policy*

Studies, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 239–252. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252 (in Russ.).

Harvey D. The right to the city, *Logos*, 2008, vol. 3, no. 66, pp. 80–94. (in Russ.).

Kochukhova E., Martyanov V. Creative City or Right Toward the City: Alternative of Urban Development in Russian Context, *Antinomies*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 45–66. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.4566 (in Russ.).

Kolba A.I. Research of Regional and Urban Political Conflicts: Basic Concepts and Prospects of Development of Subdisciplines, *Political Science*, 2020, no. 3, pp. 52–73. DOI 10.31249/poln/2020.03.03 (in Russ.).

Kolba A.I., Kolba N.V. Structure, Models and Strategies of Participation of Urban Communities in Conflicts, *Konfliktologiya*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 54–67. DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-2-54-67 (in Russ.).

Kolba A.I., Orfanidi E.V. The Institutionalization of Urban Communities of Major Regional Centers of the Russian Federation in the System of Political Conflict Management: Limits of Possibilities, *RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 601–613. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613 (in Russ.).

Kudryavtseva O.V., Khovavko I.Yu. In Search of Sustainable Development: a Critical Analysis of the Modern Moscow Experience, *Economics of Contemporary Russia*, 2022, no. 2(97), pp. 59–72. DOI 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-59-72 (in Russ.).

Larichev A.A., Soldatova L.V., Tabolin V.V. Local Communities as a Tool for Urban Conflict Resolution, *RUDN Journal of Law*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 902–918. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-4-902-918 (in Russ.).

Lefebvre H. *The Production of Space*, Oxford, Blackwell, 1991, 464 p.

Semenov A., Gileva A. Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective, *Journal of Economic Sociology*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 73–95. DOI 10.17323/1726-3247-2022-4-73-95 (in Russ.).

Semenov A., Minaeva E. The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia, *The Journal of Social Policy Studies*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 189–204. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204 (in Russ.).

Semenov A., Shevtsova I., Bederson V. Urban Mobilization and Urban Development: Strategic Interactions Between Residents and Developers in a Conflict, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 140–169. DOI 10.31119/jssa.2018.21.3.7 (in Russ.).

Skalaban I.A., Lobanov Yu.S., Sergeeva Z.N., Volchenko S.Yu. “The Level of Fears is off the Scale!”: Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study), *Sociology of Power*, 2023, vol. 35, no. 1, pp. 190–218. DOI 10.22394/2074-0492-2023-1-190-218 (in Russ.).

Skalaban I.A., Sergeeva Z.N., Lobanov Yu.S. The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk), *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2022, vol. 31, no. 4, pp. 33–56. DOI 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-5 (in Russ.).

Sokolov A.V., Abramovsky I.S. Urban Conflict Actors and Their Strategies, *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2022, vol. 7, no. 1 (23), pp. 20–28. DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-1-20-28 (in Russ.).

Tykanova E., Khokhlova A. The Urban Political Regime in St. Petersburg: the Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space, *The Journal of Social Policy Studies*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 241–256. (in Russ.).

Tykanova E., Shevtsova I., Zhelnina A. Alliances Between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts, *Russian Sociological Review*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 90–119. DOI 10.17323/1728-192x-2024-2-90-119 (in Russ.).

Tykanova E.V. (ed.) *Goroda raskhodyashchikhsya ulits: traektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii* [Cities of Diverging streets: Trajectories of Urban Conflict Development in Russia], Moscow, St. Petersburg, FNISTS RAN, 2021, 194 p. (in Russ.).

Vilkov A.A. The Leading “Left” Russian Parties on the Eve of State Duma Election-2021, *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–210. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210 (in Russ.).

Zhel'nina A. Tykanova E. Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 162–192. DOI 10.31119/jssa.2019.22.1.8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Борисович Белоусов

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0003-0082-909X;

Scopus AuthorID: 57202994688;

SPIN-код: 7618-1310;

E-mail: ektb@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Belousov

Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0003-0082-909X;

Scopus AuthorID: 57202994688;

SPIN-код: 7618-1310;

E-mail: ektb@ya.ru

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: 0000-0001-7978-9240;

Scopus AuthorID: 57219455070;

SPIN-код: 1881-6989;

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Dmitry A. Davydov

Candidate of Sciences (Political Sciences), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0001-7978-9240;

Scopus AuthorID: 57219455070;

SPIN-код: 1881-6989;

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Елена Сергеевна Кочухова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.

ORCID: 0000-0002-7329-2046;

Scopus AuthorID: 57193855406;

SPIN-код: 1447-6016;

E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Elena S. Kochukhova

Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;

ORCID: 0000-0002-7329-2046;

Scopus AuthorID: 57193855406;

SPIN-код: 1447-6016;

E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Гашков В.О. Политика идентичности в российских агломерациях: кейсы Краснодара и Ростова-на-Дону // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 126-140.
https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_126

УДК 32.019.52

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_126

Политика идентичности в российских агломерациях: кейсы Краснодара и Ростова-на-Дону

Виталий Олегович Гашков

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,

E-mail: st096222@student.spbu.ru

*Поступила в редакцию 05.07.2024, поступила после рецензирования 11.09.2024,
принята к публикации 06.11.2024*

Статья направлена на исследование политики идентичности в российских агломерациях на примере крупнейших агломераций с ядром-мегаполисом Южного федерального округа – Краснодара и Ростова-на-Дону. Учитывая стремительное развитие городской среды, многообразие культурных традиций и другие вызовы современности, можно сказать, что исследования политики идентичности в агломерационных пространствах сегодня приобретают особую актуальность. Политика идентичности в агломерации формируется на основе ощущения принадлежности к территории посредством исторических связей, социокультурной среды, окружающего ландшафта и т.д. Цель статьи – выявление особенностей политики идентичности в Краснодарской и Ростовской агломерациях, а также рассмотрение практик, используемых при формировании агломерационной идентичности. Для получения эмпирических данных был проведен мониторинг официальных страниц ВКонтакте политиков, связанных с исследуемой территорией, для изучения их речей, в которых они акцентируют внимание на значимых событиях в жизни агломераций, а также анализ массива постов граждан, проживающих в агломерациях, в сообществах ВКонтакте, затрагивающих проблематику политики идентичности, с помощью технологий больших данных (метод тематического моделирования). Краснодарская и Ростовская агломерации исторически многонациональны, поэтому политика идентичности должна быть направлена на объединение множества идентичностей, их интеграцию в сообщество по принципу добрососедства. Были выделены признаки заинтересованности властей в проведении территориальной политики идентичности в исследуемых агломерациях. В то же время были выявлены проблемы, препятствующие эффективному развитию городов-регионов, и их следствия. Одним из основных факторов, сдерживающих развитие агломерационного пространства,

© Гашков В.О., 2024

является отсутствие специализированных органов управления. Агломерационная идентичность является слаборазвитой как в Краснодаре, так и в Ростове в силу новизны самого явления как для политиков, так и для общественности.

Ключевые слова: политика идентичности, территориальная идентичность, агломерация, Краснодар, Ростов-на-Дону, символическая политика, большие данные

Благодарности: Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта». URL: <http://russianagglomeration.tilda.ws>

Identity Politics in Russian Agglomerations: Krasnodar and Rostov-on-Don Cases

Vitaliy O. Gashkov

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
E-mail: st096222@student.spbu.ru

Received 05.07.2024, revised 11.09.2024, accepted 06.11.2024

Abstract. The article investigates identity politics within Russian agglomerations focusing on the largest urban centers in the Southern Federal District – Krasnodar and Rostov-on-Don. In light of the rapid urban environment, the diversity of cultural traditions, and contemporary challenges, research on identity politics in agglomeration spaces has gained significant relevance. The identity politics within these agglomeration is shaped by a sense of belonging to the territory, influenced by historical connections, socio-cultural environment, and the surrounding landscape. The primary objectives of this study is to identify the characteristics of identity politics in the Krasnodar and Rostov agglomerations, and to examine the practices employed in formatting agglomeration identity. To gather empirical data, we monitored the official *Vkontakte* pages of the politicians associated with the studied territory, analyzing their speeches that highlight significant events in the life of the agglomerations. Additionally, we conducted an analysis of citizen posts within *Vkontakte* communities that address issues related to identity politics, utilizing big data technologies, specifically thematic modeling. Historically, the Krasnodar and Rostov agglomerations are characterized by their multinational composition; therefore, identity politics should aim to unify diverse identities and integrate them into a cohesive community based on principles of good neighborliness. The study highlights indicators of governmental interest in implementing a territorial identity politics within the examined agglomerations, while also identifying challenges that hinder the effective development of urban regions. One of the main factors hindering the development of agglomeration spaces appears to be the lack of specialized management bodies. Consequently, the agglomeration identity remains underdeveloped in both Krasnodar and Rostov, primarily due to the novelty of this phenomenon for both politicians and the public.

Keywords: identity politics; territorial identity; agglomeration; Krasnodar; Rostov-on-Don; symbolic politics; big data

Acknowledgments: The study was conducted at St Petersburg State University with financial support from the Russian Science Foundation under the research project № 23-28-00933 titled “Identity politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”. URL: <http://russianagglomeration.tilda.ws>

For citation: Gashkov V.O. Identity Politics in Russian Agglomerations: Krasnodar and Rostov-on-Don Cases, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 126-140. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_126

Введение

Согласно представлениям А. Этциони, социальные процессы XXI в. будут определяться вызовами идентичности (Этциони 2004). Идея идентичности применима лишь к обществу в его современном состоянии, характеризующемся постоянными изменениями и трансформациями, она возникла в силу необходимости чувства безопасности и принадлежности. Текущие вызовы, такие как процессы миграции, цифровизации, социально-политическая неустойчивость, задают совершенно новые условия, в которых идентичность «открывается нам только как нечто, что нужно изобрести, а не обнаружить» (Bauman 2020).

Под политикой идентичности понимается «деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, формированию общих ценностей, развитию групповых солидарностей» (Алексеева и др. 2019: 454), а также «деятельность политических акторов по формированию представлений о “мы-сообществе” и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества» (Цумарова 2012: 7). Политика идентичности связана с формированием территориальной идентичности: государственной, региональной, агломерационной, городской, локальной.

На рубеже XX–XXI вв. в рамках исследования вопросов территориальной идентичности возникает совершенно новая область – изучение агломерационной идентичности, находящейся на стыке таких направлений, как городские исследования, регионалистика, брендинг территорий, политическая география, политика идентичности (Гришин 2023а: 649).

В отечественной науке превалирует точка зрения, согласно которой государственные политические институты и/или политико-административная элита являются основными акторами/субъектами политики идентичности. Однако сегодня все чаще исследователи приходят к выводу, что в процессе формирования территориальной идентичности участвуют не только элиты, но и другие агенты – СМИ, система образования, структуры гражданского общества, сами жители территории, которые могут быть рассмотрены не только как пассивный объект политики идентичности, но и субъектный участник данного процесса (Калашникова, Погодина 2024: 92).

Под агломерацией понимается «компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными»

ми и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала» (Лаппо 2012: 92). Значимость агломераций сегодня все сильнее выходит за рамки отдельных регионов, поэтому представляется целесообразным увеличение их экономической самостоятельности, повышение политического статуса (Мартьянов, Руденко 2012: 324, 328).

Хотя исследования политики идентичности, проводимой в агломерациях, находятся на этапе становления, существует ряд работ, внесших вклад в развитие этой проблематики. Автор одной из первых наиболее серьезных работ по агломерационной идентичности – В. Кнапп – обратил внимание на то, что общая идентичность в агломерации Рейна-Рура отсутствует, поэтому региональные власти получили призыв к действиям по ее конструированию (Knapp 1998). Исследователи Х. ван Хутум и А. Лагендейк еще в 2000 г. отмечали, что идентичность городов-регионов является решающим фактором их дальнейшего развития (Houtum, Lagendijk 2001). Группа исследователей, изучавшая Барселонскую агломерацию, отмечает, что жители больших городов демонстрируют более высокий уровень агломерационной идентификации, нежели жители городов-спутников. При этом важное место занимает уровень осведомленности горожан о происходящих процессах, что оказывает позитивное влияние на идентичность (Vallbe et al. 2015). Значимость осведомленности жителей подчеркивается в работе М. Волтер-Рогга, в которой выделены четыре сценария формирования агломерационной принадлежности: развитие местной идентичности; формирование региональной идентичности; связанность и сосуществование указанных типов идентичности; отсутствие какой-либо территориальной идентичности на уровне города-региона (Walter-Rogg 2018).

Внимание отечественных исследователей сосредоточено на изучении региональной идентичности в ряде субъектов РФ. Среди представителей этого направления выделим работы В.Д. Бедерсона, Д.С. Докучаева, М.В. Назукиной, Е.Ю. Цумаровой, О.В. Поповой. Одним из первых отечественных специалистов, задавшихся вопросом адекватной методологии анализа территориальной идентичности в политологических исследованиях, стал Р.Ф. Туровский. Проблема поиска оптимальной модели управления агломерационным пространством до сих пор остается актуальной. В ходе анализа зарубежного опыта Н.В. Гришин выделил несколько моделей управления городами-регионами: объединение нескольких муниципалитетов в единое муниципальное образование; создание надмуниципального органа управления на уровне агломерации; межмуниципальная кооперация, когда создаются координационные советы по управлению городским пространством; управление агломерацией со стороны региональных органов власти (Гришин 2023b).

С.К. Калашникова и М.Я. Погодина при оценке различных аспектов политики идентичности настаивают на использовании комплексного подхода, в основе которого следующие индикаторы: наличие стратегической деятельности политических элит, направленной на формирование территориальной идентичности; реализация различных направлений политики идентичности; информирование, вовлечение жителей агломерации

в актуальную для территориального пространства политическую повестку; наличие социально-культурных практик и т.д. (Калашникова, Погодина 2024).

Выбор таких кейсов, как Краснодарская и Ростовская агломерации, для изучения политики идентичности обусловлен несколькими факторами. Во-первых, обе агломерации являются крупнейшими в ЮФО и играют ключевую роль в экономическом и культурном развитии юга России. Во-вторых, Краснодар и Ростов демонстрируют разнообразие этнических, культурных и т.п. групп, что делает их интересными для анализа политики идентичности. По данным переписи 2021 г., в России примерно $\frac{3}{4}$ населения проживает в городах – 74,8%, что свидетельствует об актуальности изучения процессов идентификации в городах-регионах. Политика идентичности не может иметь односторонний характер, одним из условий ее эффективной реализации становится вовлечение жителей территории в актуальную повестку.

При изучении политики идентичности в Краснодарской и Ростовской агломерациях исследователь сосредоточил внимание на таких индикаторах, как стратегическая составляющая, наличие структур, управляющих городами-регионами, характеристика общностей «мы» – «другие» в речах политиков, символический аспект политики идентичности, наличие социально-культурных практик, благотворно влияющих на формирование чувства сообщества.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования стал конструктивистский подход, рассматривающий социальную реальность как конструкт, формирующийся под воздействием деятельности социальных групп (Бергер, Лукман 1995). Сегодня господствует идея о том, что идентичность агломераций развивается не естественным путем, а является результатом деятельности целенаправленного конструирования, что отличает ее от идентичности старых городов (Гришин 2023а: 655). Политика идентичности в рамках конструктивистского подхода есть деятельность политических акторов, направленная на продвижение стереотипов массового сознания и способов интерпретации социальной реальности (Малинова 2010). Конструктивистское понимание идентичности основывается на чувстве принадлежности к общности, приверженности определенным нормам.

Ключевым источником получения эмпирических данных стали официальные страницы ВКонтакте политиков, связанных с исследуемыми территориями¹, поскольку «основным актором символической политики и политики идентичности остается политическая элита» (Калашникова, Погодина 2024: 64). Посредством мониторинга страниц политиков изучались события, инициативы и практики в жизни городских пространств, имеющие

¹ Губернатора Краснодарского края (В.И. Кондратьева), губернатора Ростовской области (В.Ю. Голубева), глав городов-мегаполисов – Краснодара (Е.М. Наумова) и Ростова-на-Дону (А.В. Логвиненко).

своим эффектом формирование агломерационной идентичности. В рамках мониторинга были исследованы посты на 4 страницах политиков, связанных с Краснодарской и Ростовской агломерациями, за период с 01.01.2020 по 30.04.2024. Материал данного типа собирался исследователем вручную.

Был проведен анализ массива связанных с темой политики идентичности постов горожан, проживающих в исследуемых агломерациях, в группах ВКонтакте с применением технологий больших данных. Посты, подвергнутые анализу, брались за период с 01.01.2023 по 30.04.2024. Было изучено 84 757 постов в Краснодарской агломерации (из них 26 956 были отнесены к постам, затрагивающим проблематику политики идентичности), 156 046 постов в Ростовской агломерации (из них 36 048 затрагивают проблематику политики идентичности). Со страниц сообществ скачивались тексты постов. С помощью программного алгоритма, написанного на языке Python, была произведена предобработка данных для дальнейшего анализа: тексты были разделены на отдельные единицы – слова; слова, состоящие из трех и менее букв, удалялись из массива. С помощью процедуры лемматизации все слова были приведены к одной форме: существительные – к ед. ч. им. п., прилагательные – к мужскому роду ед. ч. им. п., глаголы – к инфинитиву несовершенного вида. По набору доминирующих слов в текстах производилась реконструкция темы. С помощью метода тематического моделирования с использованием латентного размещения Дирихле посты были распределены по тематическим направлениям, включая проблематику политики идентичности.

Краснодарская агломерация

Анализируя стратегическую составляющую, отметим, что Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края определяет Краснодарскую агломерацию как «постиндустриальный культурно-исторический центр Южного полюса роста с высоким качеством жизни»², а также устанавливает ее территориальные границы: г. Краснодар, территории Динского и Северского районов, г. Горячий Ключ, муниципальные образования Республики Адыгея – г. Адыгейск, Тахтамукайский и Теучежский районы, что делает ее межрегиональной. Это порождает настороженность властей Адыгеи относительно территориальных притязаний Краснодарского края. Несмотря на интеграцию субъектов в экономической сфере, в сфере политики могут возникать противоречия, связанные с определением агломерационных границ.

Важным этапом развития исследуемого пространства стало утверждение в 2023 г. Долгосрочного плана социально-экономического развития Краснодарской агломерации, включающего в себя 9 инфраструктурных проектов на сумму почти 127 млрд руб. Акцент в нем делается на развитие агломерационной транспортной сети – строительство скоростной

² Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года: закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года (№ 5010-КЗ) (Россия). Взято 18 мая 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/550301926>

автомобильной дороги, улучшение внутригородских ж/д перевозок и т.д. Развитая транспортная сеть влияет не только на качество жизни жителей, но и на социально-экономическую составляющую городского пространства, поскольку «каждые лишние 10 минут, затрачиваемые на дорогу до работы, снижают производительность труда на 3–4%» (Мартьянов, Руденко 2012: 323). Внимание на развитии транспортной составляющей сосредоточено также в манифесте «Краснодар, удобный для жизни», который является инициативой снизу, в его создании приняли участие общественные движения, он был поддержан представителями власти³.

В Краснодаре отсутствуют специализированные институты управления пространством агломерации. В 2018 г. власти объявили о планах создания эффективной системы управления городской агломерацией, которой должен стать «Совет Агломерации». Главная его задача должна состоять в выработке общей стратегии развития городским пространством. Тем не менее спустя 6 лет механизм его формирования так и не был оглашен, а планы по его созданию не были реализованы.

Один из важнейших аспектов политики идентичности – проблема различия, конструирование общностей «мы» – «другие». Для Краснодара характерно различие между старожилами, которые являются коренными или уже укоренившимися жителями города, и теми, кто приехал в город совсем недавно, а также состояние отчужденности между этими двумя категориями. В целом это достаточно негативная тенденция. Общность «мы» в дискурсе политиков описывается через многонациональность и колоритность⁴.

С конструированием территориальной идентичности неразрывно связана символическая политика. Поскольку «Кубань – это общий дом для 160 национальностей»⁵, символы братства должны отражать существующую полиэтничность. Так, в 2016 г. в Краснодаре был установлен памятник «Героям Первой мировой войны», демонстрирующий многонациональность и единство – братство русских и адыгов, рука об руку защищавших страну.

Говоря о социально-культурных практиках, влияющих на формирование чувства сообщества, отметим деятельность дискуссионного клуба «Особняк» при Общественной палате Краснодара. Его цель – вовлечение граждан в актуальную повестку города-региона, обсуждение острых вопросов: внешнего облика города, значимых дат, проблем местного самоуправления и т.д. В дискуссиях принимают участие представители городской власти, активисты общественных организаций, горожане, поскольку, будучи погруженными в повседневность городской среды, они лучше представляют, «какие повседневные приоритеты и/или долгосрочные преобразования

³ Манифест «Краснодар, удобный для жизни» (без даты). Взято 20 мая 2024, с <http://urban2020.tilda.ws>

⁴ Кондратьев В. (2022, 8 сентября). На следующей неделе будем отмечать важную дату – 85 лет со дня образования Краснодарского края. Взято 28 мая 2024, с https://vk.com/wall312621844?offset=440&own=1&w=wall312621844_58155

⁵ Кондратьев В. (2023, 4 ноября). Всех жителей Краснодарского края поздравляю с Днем народного единства. Взято 15 мая 2024, с https://vk.com/wall312621844?own=1&w=wall312621844_75999

действительно требуются городу, его отдельным районам и дворам» (Кочухова, Мартыанов 2019: 56).

Обращаясь к данным, полученным из социальной сети ВКонтакте, отметим, что за период с 01.01.2023 по 30.04.2024 в группах жителей посты, посвященные теме политики идентичности в Краснодарской агломерации, набрали порядка 192 млн просмотров (от значения «Всего» вычтем значение «Другие темы», см. Таблицу 1), что составило примерно 28 % от просмотров всех постов. Данные для анализа были взяты из официальных групп госорганов (Администрация Краснодарского края и т.д.), а также из групп граждан, где представлены городские «болталки» (Наш Краснодар и т.д.).

Наибольшую заинтересованность жители проявили при обсуждении тем, связанных с топонимической политикой, с праздничными и памятные днями. Собранные данные по интенсивности обсуждения темы политики идентичности и онлайн-действиям жителей представлены в Таблице 1. Они наглядно демонстрируют те аспекты политики идентичности, относительно которых жители проявляют наибольшую заинтересованность. Основываясь на полученных данных, власти могут сделать некоторые практические выводы, например, относительно топонимической политики – организовать встречи, опросы населения, где жители могли бы высказать свое мнение по поводу наименования новых объектов / переименования

Таблица 1. Интенсивность обсуждения темы политики идентичности и онлайн-действия жителей Краснодарской агломерации в сообществах ВКонтакте (составлено автором на основе анализа постов с помощью технологий Big Data)

Темы постов	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Топонимика	103985842	584206	157405	100710
Праздничные и памятные дни	25624836	289045	33593	18537
Учебные курсы	19359352	122021	30601	17908
Культурные события	16217987	123565	25972	14348
Театральные постановки	7917738	45366	13318	5899
Обсуждение экологических проблем	6907662	49464	10921	5254
Памятники	6359939	75124	8273	6261
Музейные экспозиции	2277337	19682	3146	1127
Политика в отношении мигрантов	1847038	9403	3234	3074
Выставки	1613748	11649	6452	1450
Политика в отношении трудовых мигрантов из других государств	612783	2481	979	830
Краеведение	38239	233	35	51
Другие темы, не связанные с политикой идентичности	485734832	3869081	962046	446997
Всего	678497333	5201320	1255975	622446

старых, вовлекая тем самым горожан в актуальную повестку, или относительно праздничных и памятных дней – уделять больше внимания социокультурному аспекту при развитии агломерационного пространства.

При исследовании политики идентичности в Краснодарской агломерации был выявлен ряд проблем. Во-первых, наблюдается разрыв между уровнем развития региональной идентичности и агломерационной, последняя из которых слабо развита. Краснодарская агломерация – одна из крупнейших агломераций юга РФ. Население города-региона растет быстрыми темпами, в том числе благодаря миграции, является сложносоставным, не воспринимающим эту территорию как свою. Отсутствие чувства сообщества может привести к конфликтам между старожилами и мигрантами. Во-вторых, из-за отсутствия специализированных органов управления агломерационным пространством существует разрозненность в структурах при проведении политики идентичности агломерации. Не всегда понятно, кто должен этим заниматься. Эта проблема ложится на муниципальных служащих, не имеющих профильного образования и должной подготовки. В-третьих, политика идентичности в агломерации не закреплена на уровне нормативно-правовых актов. Город-регион представляет собой сложное социально-экономическое образование, его развитие требует четких правил и норм. Нормативное закрепление может снизить количество конфликтов, связанных с межмуниципальными взаимодействиями. В-четвертых, в существующих стратегиях основное внимание уделяется развитию транспортно-инфраструктурной составляющей территории, а вот вопросы социокультурной интеграции населения выпадают. В целом на основе изученных материалов сложно назвать имеющиеся практики полноценным курсом политики агломерационной идентичности. Все это создает значительные трудности для эффективного развития Краснодарской агломерации.

Ростовская агломерация

Стратегия социально-экономического развития Ростовской области определяет Ростовскую агломерацию как «одну из крупнейших в стране»⁶. В ее состав входят города: Ростов-на-Дону, Батайск, Новочеркасск, Таганрог – и 7 муниципальных районов: Азовский, Аксайский, Кагальницкий, Мясниковский, Неклиновский, Октябрьский и Родионово-Несветаевский.

В 2011 г. в Ростове был создан Координационный совет при Правительстве Ростовской области по взаимодействию в формировании и развитии единого территориально-экономического комплекса Ростовской агломерации. Основная его задача заключалась в обеспечении взаимодействия органов региональной власти с органами местного самоуправления на территории агломерации. Однако в 2021 г. «в целях оптимизации деятельно-

⁶ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года от 19 декабря 2022 года (№1100) (Россия). Взято 18 мая 2024, с <https://www.donland.ru/activity/2158/>

сти коллегиальных органов Правительства Ростовской области» Координационный совет был упразднен⁷. Поэтому на данный момент в агломерации отсутствуют специализированные институты управления.

Сообщество «мы» политические деятели характеризуют через многонациональность: «здесь проживают представители более 150 национальностей»⁸. Уникальность ядра агломерации заключается в существующем «согласии и мире между народами»⁹, проживающими на одной территории в силу сформировавшейся толерантности как элемента традиционных ценностей идентичности. С образом «других» возникают трудности. К «другим» не относятся представители иных национальностей и мигранты. К «другим» можно отнести представителей деструктивных, экстремистских группировок.

Важную часть политики идентичности составляет конструирование символического пространства агломерации. Несмотря на то что Ростов не является казачьей столицей (столицей казачества является Новочеркасск), властями активно используется казачья тематика в городском пространстве. Например, памятник «Не вернувшимся казакам» демонстрирует значимый вклад казаков во времена Великой Отечественной войны. А вот образ Ростова связывается с купечеством. Международный фестиваль купечества и народной культуры «В городском саду», проходивший в День города в 2023 г., произвел реконструкцию купеческого города, которым когда-то и был Ростов.

Затрагивая тему социально-культурных практик, работающих на формирование идентичности, отметим проект «Гражданин Ростова-на-Дону», внимание на котором акцентирует глава администрации А. Логвиненко на своей странице ВКонтакте. Проект представляет собой фотовыставку портретов выдающихся жителей донской земли, которые внесли существенный вклад в развитие территории – это спортсмены В. Понедельник, И. Удодов, психоаналитик С. Шпильрейн, купец Н. Парамонов, актеры А. Кайдановский, А. Самохина и другие¹⁰.

Обратимся к данным, полученным из ВКонтакте. За период с 01.01.2023 по 30.04.2024 в сообществах жителей посты, посвященные теме политики идентичности в Ростовской агломерации, набрали порядка 494 млн просмотров (от значения «Всего» вычтем значение «Другие темы», см. Табли-

⁷ Архив: координационный совет при Правительстве Ростовской области по взаимодействию в формировании и развитии единого территориально-экономического комплекса Ростовской агломерации (2021, 2 марта). Взято 11 июня 2024, с <https://www.donland.ru/commission/103/>

⁸ Голубев В. (2021, 4 ноября). Поздравляю всех с Днем народного единства! Взято 17 мая 2024, с https://vk.com/wall588745594?offset=460&own=1&w=wall588745594_9783

⁹ Логвиненко А. (2023, 4 ноября). В единстве наша сила! Взято 17 июня 2024, с https://vk.com/wall662107877?offset=280&w=wall662107877_17046%2Fall

¹⁰ Логвиненко А. (2023, 24 октября). Сегодня в Администрации города открылась выставка портретов. Взято 14 мая 2024, с https://vk.com/wall662107877?offset=280&w=wall662107877_16878%2Fall

цу 2), что составляет чуть больше 18 % от просмотров всех постов. Данные для анализа были взяты из групп государственных организаций (Правительство Ростовской области и т.д.), а также из сообществ горожан (Нетипичный Ростов-на-Дону и т.д.).

В Ростовской агломерации горожане наиболее активны при обсуждении тем, связанных с топонимикой, учебными курсами в образовательных учреждениях. Данные по интенсивности обсуждения темы политики идентичности и онлайн-действиям жителей Ростовской агломерации представлены в Таблице 2. Полученные результаты могут быть использованы властями в практической деятельности, например, глава города, видя интерес жителей к учебным курсам, связанным с историей территории, может поддержать образовательные инициативы, направленные на углубление знаний о местной истории и значимых событиях/персонах.

Вместе с тем при исследовании политики идентичности в Ростовской агломерации был выявлен ряд проблем, свидетельствующих о слабой степени развития идентичности на уровне агломерации, несмотря на серию мероприятий и практик, которые могут работать на данный тип территориальной идентичности. Хотя стратегические документы отмечают тренд на развитие агломераций, тем не менее дальше инфраструктурной составляющей города-региона дело не заходит. Как и для Краснодарской агломерации, для

Таблица 2. Интенсивность обсуждения темы политики идентичности и онлайн-действия жителей Ростовской агломерации в сообществах ВКонтакте (составлено автором на основе анализа постов с помощью технологий Big Data)

Темы постов	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Топонимика	275126092	1339965	678705	403663
Учебные курсы	70961300	305174	194720	105319
Праздничные и памятные дни	43808798	432177	78996	58232
Культурные события	27920322	178533	51583	35587
Театральные постановки	24263727	152574	46895	24457
Памятники	20388657	184694	32086	27455
Обсуждение экологических проблем	16428024	91010	40132	19922
Политика в отношении мигрантов	6953306	30909	15675	13835
Музейные экспозиции	5423823	38655	10412	5889
Выставки	1520515	9389	2440	1444
Политика в отношении трудовых мигрантов из других государств	1263269	4982	2117	2444
Краеведение	81226	412	60	61
Другие темы, не связанные с политикой идентичности	2195752073	15779611	6253141	2864275
Всего	2689891132	18548085	7406962	3562583

Ростовской характерен разрыв идентичности региональной и национальной, которые являются наиболее развитыми, и идентичности агломерационной, которой уделяется достаточно мало внимания. Учитывая тот факт, что Ростовская агломерация является крупнейшей в ЮФО, ее центром, отсутствие чувства сообщества не может не сопровождаться рисками (социальная разобщенность населения, конфликты, дефицит доверия институтам). Хотя в Ростове существовал специализированный орган управления агломерацией, на данный момент он упразднен, что может быть свидетельством его возможной неэффективности. Поэтому развитие агломерационной идентичности на данном этапе носит стихийный характер.

Заключение

Несмотря на тот факт, что в РФ отсутствуют нормативно-правовые акты, напрямую посвященные политике идентичности, а также то, что сам термин «политика идентичности» не содержится в правовом поле России, власть демонстрирует признаки заинтересованности в проведении политики идентичности городских агломераций, что выражается в разработке и принятии стратегий, программ, направленных на эффективное развитие агломераций (Долгосрочный план развития Краснодарской агломерации); попытках создания специализированных органов управления агломерационным пространством (Координационный совет в Ростове или Совет Агломерации в Краснодаре); поддержании гражданских инициатив, имеющих эффект формирования территориальной идентичности (манифест «Краснодар, удобный для жизни»); социально-культурных практиках, направленных на формирование чувства сообщества (фотовыставка «Гражданин Ростова-на-Дону») и т.д. Сами жители проявляют довольно высокий интерес к обсуждению тем, работающих на формирование агломерационной идентичности, что подтверждается полученными данными из соцсетей.

Тем не менее агломерационная идентичность сейчас находится на стадии своего становления, в данный момент она слаборазвита как в Краснодаре, так и в Ростове, поскольку сама категория «агломерационная идентичность» – явление весьма новое и для политиков, и для общественности, находящееся еще в стадии формирования. Политика идентичности в исследуемых агломерациях должна быть направлена на объединение множества идентичностей, поскольку главной спецификой этих территорий является их многонациональность, необходима интеграция жителей в сообщество по принципу добрососедства.

По итогам изучения особенностей политики идентичности в Краснодарской и Ростовской агломерациях сделан вывод о том, что проблемы развития агломерационных пространств поднимаются преимущественно в программах, направленных на инфраструктурное развитие территорий, в частности, существенное внимание уделяется транспортной составляющей. Отсутствие на данный момент специализированных органов управления агломерациями Краснодара и Ростова-на-Дону считается сдерживающим фактором, в силу чего их развитие носит больше стихийный характер.

Говорить о наличии полноценного курса агломерационной политики идентичности на данном этапе рано.

Данная работа вносит вклад в исследования территориальной идентичности российских агломераций, она основывается на комплексном подходе (анализ стратегий, изучение различных практик и направлений политики идентичности, анализ социальных сетей) и содержит описание существующих проблем и возможных следствий. Перспективным представляется исследование политики идентичности в других российских агломерациях для выявления их особенностей и степени развития чувства сообщества среди жителей агломерационных пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Т.А. и др. 2019. Современная политическая наука : методология / Т.А. Алексеева, А.А. Байков, В.Г. Барановский и др.; отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин ; Рос. ассоциация полит. науки (РАПН), Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс. 774 с.

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Медиум. 323 с.

Гришин Н.В. 2023а. Политика идентичности в городских агломерациях: обзор современной научной литературы // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. № 4. С. 648–662. DOI 10.21638/spbu23.2023.410

Гришин Н.В. 2023б. Политические элиты и политика идентичности городских агломераций // Вопросы элитологии. Т. 4, № 2. С. 61–74. DOI 10.46539/elit.v4i2.150

Калашникова С.К., Погодина М.Я. 2024. Гражданские инициативы и политика идентичности: примеры Краснодарской и Казанской агломераций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 1. С. 91–103. DOI 10.54398/1818510X_2024_1_91

Калашникова С.К., Погодина М.Я. 2024. Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион // Политическая наука. № 1. С. 233–258. DOI 10.31249/poln/2024.01.09

Калашникова С.К., Погодина М.Я. 2024. Российские агломерации в контексте территориальной политики идентичности: опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов // Дискурс Пи. № 1. С. 59–77. DOI 10.17506/18179568_2024_21_1_59

Кочухова Е.С., Мартьянов В.С. 2019. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. Т. 19, вып. 2. С. 45–66. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.4566

Лаппо Г.М. 2012. Города России. Взгляд географа. Москва : Новый хронограф. 504 с.

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. № 2. С. 90–105.

Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2012. Российские мегаполисы: от промышленных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. № 12. С. 314–330.

Цумарова Е.Ю. 2012. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Политология. № 2. С. 5–16.

Этциони А. 2004. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. Москва : Ладомир. 384 с.

Bauman Z. 2020. Interview of Identity. Roma: Editory Laterza. 144 p.

Houtum H., Lagendijk A. 2001. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country // *Urban Studies*. № 4. P. 747–767.

Knapp W. 1998. The Rhine-Ruhr area in transformation: Towards a European metropolitan region? // *European Planning Studies*. № 4. P. 379–393.

Vallbe J.-J. et al. 2015. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity // *Journal of urban affairs*. № 40. P. 13–30.

Walter-Rogg M. 2018. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region // *Journal of urban affairs*. № 40. P. 130–148.

References

Alekseeva T.A., Baykov A.A., Baranovskiy V.G. i dr. *Sovremennaya politicheskaya nauka : metodologiya* [Contemporary political science : methodology], 2nd ed., corr., augm., Moscow, Aspekt Press, 2019, 774 p. (in Russ.).

Bauman Z. *Interview of Identity*, Roma, Editory Laterza, 2020, 144 p.

Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Moscow, Medium, 1995, 323 p. (in Russ.).

Etzioni A. *From empire to community*, Moscow, Ladomir, 2004, 384 p. (in Russ.).

Grishin N.V. Identity Politics in Urban Agglomerations: A Review of Modern Scientific Literature, *Political expertise: POLITEX*, 2023, no. 4, pp. 648–662. DOI 10.21638/spbu23.2023.410 (in Russ.).

Grishin N.V. Political Elites and Identity Politics of Urban Agglomerations, *Issues in Elitology*, 2023, vol. 4, no. 2, pp. 61–74. DOI 10.46539/elit.v4i2.150 (in Russ.).

Houtum H., Lagendijk A. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country, *Urban Studies*, 2001, no. 4, pp. 747–767.

Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y. Civic Initiatives and Identity Politics: Examples of Krasnodar and Kazan Agglomerations, *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2024, no. 1, pp. 91–103. DOI 10.54398/1818510Kh_2024_1_91 (in Russ.).

Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y. Methodological Problems of Territorial Identity Studies: City, Agglomeration, Region, *Political Science*, 2024, no. 1, pp. 233–258. DOI 10.31249/poln/2024.01.09 (in Russ.).

Kalashnikova S.K., Pogodina M.Y. Russian Agglomerations in the Context of Territorial Identity Politics: Critical Discourse Analysis of Regional Authorities' Speeches, *Discourse-P*, 2024, no. 1, pp. 59–77. DOI 10.17506/18179568_2024_21_1_59 (in Russ.).

Knapp W. The Rhine-Ruhr area in transformation: Towards a European metropolitan region? *European Planning Studies*, 1998, no. 4, pp. 379–393.

Kochukhova E., Martyanov V. Creative City or Right Toward the City: Alternative of Urban Development in Russian Context, *Antinomies*, 2019, vol.19, iss. 2, pp. 45–66. DOI 10.17506/aipl.2019.19.2.4566 (in Russ.).

Lappo G.M. *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [Cities of Russia. The geographer's view], Moscow, Novyy khronograf, 2012, 504 p. (in Russ.).

Malinova O.Yu. Symbolic Politics and the Constructing of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia, *Polis. Political Studies*, 2010, no. 2, pp. 90–105. (in Russ.).

Martyanov V.S., Rudenko V.N. *Rossiyskie megapolisy: ot industrial'nykh gorodov k strategii mnogofunktsional'nykh aglomeratsiy* [Russian megapolises: from industrial centers

towards strategy of multifunctional agglomeration], *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 12, pp. 314–330. (in Russ.).

Tsumarova E.Yu. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity politics: politics or policy?], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2012, no. 2, pp. 5–16. (in Russ.).

Vallbe J.-J., Magre J., Tomas M. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity, *Journal of urban affairs*, 2015, no. 40, pp. 13–30.

Walter-Rogg M. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region, *Journal of urban affairs*, 2018, no. 40, pp. 130–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виталий Олегович Гашков

аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, стажер-исследователь факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
ORCID: 0000-0001-6850-9645;
ResearcherID: GWC-8212-2022;
SPIN-код: 8513-1880;
e-mail: st096222@student.spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy O. Gashkov

PhD student, Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, Research Intern, Department of Political Science, St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-6850-9645;
ResearcherID: GWC-8212-2022;
SPIN-код: 8513-1880;
e-mail: st096222@student.spbu.ru

Горбань В.С. Историографический анализ психологических теорий права // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 141-163. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_141

УДК 340.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_141

Историографический анализ психологических теорий права

Владимир Сергеевич Горбань

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: gorbanv@gmail.com

*Поступила в редакцию 22.09.2024, поступила после рецензирования 21.10.2024,
принята к публикации 06.11.2024*

В статье рассматривается проблематика историографии психологических теорий права, отчетливо сопровождающих эволюцию политико-правовой мысли на протяжении более чем двух столетий. Интерес к теме обусловлен существенным дефицитом историографической литературы, касающейся вопросов возникновения, формирования и основных направлений развития психологических теорий права в русле политико-правовой мысли последних двух столетий. Имеющиеся обзорные и специальные исследования психологических теорий права в истории политико-правовой мысли, за редким исключением, пока лишь эпизодически рассматривают психологические подходы к праву, не говоря уже об отсутствии самостоятельной разработки историографии психологического направления в эволюции современной политико-правовой мысли. Решение этой проблемы связано с пересмотром отношения к принципам историографической работы с политико-правовыми учениями прошлого и современности, повышением качества освещения оригинальной литературы, включением в предметное поле соответствующих историко-философских

© Горбань В.С., 2024

и проблемно-теоретических реконструкций общей литературы, особенно ценной для детальной разработки психологического направления в эволюции юридической мысли, изучением жанровой и сюжетной характеристик психологических трактовок права. Для науки истории политико-правовых учений значимыми могут быть уточнения и обобщения, которые делаются в исследовании в связи с изучением историографии психологических теорий права.

Ключевые слова: психологические теории права, история политико-правовой мысли, юридическая историография, правовое чувство, общая литература, психоанализ, взаимное признание, психология права, историческая психология

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

A Historiographical Review of Psychological Theories of Law

Vladimir S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 22.09.2024, revised 21.10.2024, accepted 06.11.2024

Abstract. The article explores historiographical issues related to psychological theories of law, which have influenced political and legal thought for over two centuries. The growing interest in this subject stems from a significant lack of historiographic literature addressing the origins, development, and key trends of psychological theories of law within the broader context of political and legal ideas over the past two hundred years. Existing reviews and specialized studies on psychological theories of law in the history of political and legal thought have, with few exceptions, only occasionally considered psychological approaches to law. Moreover, there has been a lack of independent development in the historiography of this psychological direction within the evolution of contemporary political and legal thought. Addressing this gap requires a revision of our approach to the principles of historical research, as well as a heightened emphasis on original literature, including relevant historical, philosophical, and problem-theoretical reconstructions. Such an approach would facilitate a deeper understanding of the psychological trends in the development of legal thought. Additionally, it is crucial to investigate the genre and thematic characteristics of psychological interpretations of law. The history of political and legal doctrines could greatly benefit from the insights gained through this research, potentially leading to significant refinement and generalization in our comprehension of psychological theories of law.

Keywords: psychological theories of law; history of political and legal thought; legal historiography; legal sense; general literature; psychoanalysis; mutual recognition; psychology of law; historical psychology

Acknowledgments: The research was conducted as part of the scientific project “Creation of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and Its Application for the Development of Promising Means of Countering Ideological Distortions of the Civilizational Development of Russia”. The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Gorban V.S. A Historiographical Review of Psychological Theories of Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 141-163. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_141

Введение

Формирование современных подходов к историографии юридических и социально-гуманитарных наук относится не только к важным общетеоретическим и методологическим исследовательским задачам, которые должна активнее ставить перед собой современная наука, но и к области стратегического планирования государственной деятельности, обеспечения безопасности и устойчивости развития общества и индивидуальных свобод граждан. Вопросы объективной трактовки истории стали предметом обсуждения на заседании Совета безопасности РФ от 20.09.2024.¹

Для развития науки, в частности политико-правовых знаний, сегодня нужны концептуально иные подходы к обеспечению полноты, достоверности и условий открытого культурного диалога по наиболее важным событийным моментам мировой и национальной истории. К сожалению, и в области философии права, истории политических и правовых учений, теории государства и права, отраслевых юридических дисциплин встречаются существенные искажения важнейших исторических вех и событий, односторонние и явно неточные трактовки значимых характеристик правопонимания, правопознания и типов развития политико-правовой мысли, культурно-цивилизационных аспектов права и государства. Для развития науки нужно укреплять чувство собственного достоинства в историческом самосознании, почвенность культуры, стремиться к поиску достоверных знаний, опираясь на большие массивы данных, научно-критически разоблачать попытки фальсификации истории и историографии. Частным в общем контексте, но тем не менее важным элементом российской историографической модели политико-правовых знаний является разработка различных типов развития и направлений анализа права в русле влияния социально-психологических наук, определивших значительную часть всего предметного поля юридической литературы на протяжении уже более полутора столетий.

В историографии политико-правовых учений вопросы научного освещения возникновения и развития психологических теорий права, подходов к праву, ориентированных на познавательные возможности психологии,

¹ Путин обсудил с членами Совбеза объективную трактовку истории, 20.09.2024. URL: <https://iz.ru/1762259/2024-09-20/putin-obsudil-s-chlenami-sovbeza-obektivnuiu-traktovku-istorii?ysclid=m1djyxxkxj940077164> (дата обращения: 11.11.2024).

пока не получили надлежащей разработки. Психологически ориентированные концепции, учения и теории правопонимания и правопознания составляют значительную часть всего предметного поля юридической мысли и на протяжении уже более чем полутора веков привлекают к себе внимание исследователей. Успехи в развитии психологии и ее отдельных направлений служили и служат важнейшим ресурсом для уточнения имеющихся представлений о природе права и правовых явлений, способны существенно расширить познавательные возможности юриспруденции, высветивая и объясняя характерные черты психологических механизмов возникновения, формирования и функционирования права в индивидуальном и групповом общении.

Для истории политико-правовой мысли по-прежнему актуальной остается историко-философская и обзорно-проблемная реконструкция развития психологических теорий права, хотя в этом направлении уже имеются значительные успехи современных ученых (Савенков 2022). Вместе с тем ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке, несмотря на то что вопросы психологических аспектов в интерпретации понимания права давно заняли самостоятельное место, пока не существует разработок, охватывающих основные направления и вехи развития этого профиля политико-юридических дисциплин, показывающих характер, логико-понятийное своеобразие и социально-практическое назначение различных психологически ориентированных юридических концепций. Отсутствие историографических исследований психологических теорий права сказывается самым негативным образом на утверждении, популяризации и выработке концептуальных основ эффективных средств совершенствования правового регулирования. Историографические исследования психологических теорий права и релевантных подходов к праву позволяют значительно точнее представить действительное развитие юридической мысли, по крайней мере последних двух столетий, осветить успехи и выявить ложные интерпретации значения и смысловых характеристик психологических приемов правопонимания. Это важно и для формирования правового образа будущего, создания современных базовых основ прогрессивного движения юридических исследований, в том числе с помощью прослеживания взаимосвязи с психологией и ориентированными на нее познавательными установками.

Ориентация на психологию в политико-правовой мысли

Юридическая мысль уже даже в самых ранних своих проявлениях непременно сопровождалась тем или иным вариантом обсуждения роли человека как источника правовых идей и правовых переживаний. Давно было замечено, что право не только мыслится, но и переживается. Современные успехи психологии, конечно же, позволяют переосмыслить событийные ряды в политических и правовых учениях прошлого и современности. Этому может успешно содействовать: психология личности, психоанализ, данные коллективной психологии и другие направления психологии, пре-

жде всего ориентированные на антропологические и культурологические аспекты развития индивида и общества. Одним из важнейших и пока мало реализованных направлений применения данных психологии может считаться использование результатов исследований советской философско-психологической школы — Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др. Например, у А.Н. Леонтьева содержится чрезвычайно важная для понимания как сущностных аспектов права, так и эволюции представлений о нем разработка проблематики соотношения субъективного смысла и объективного значения (Леонтьев 2012: 186-187, 257). На сознательном или имплицитном различии этих ракурсов строятся многие современные юридические и философско-правовые концепции.

В историографическом плане ориентация политико-правовой мысли на выяснение объективно значимых закономерностей или многообразие субъективного смысла дает весьма ощутимые результаты, позволяет значительно точнее показать не только характер и направления развития политико-правовой мысли, но и глубокие связи с различными постулатами определенной национальной культуры, общественно-религиозного сознания.

Психология и психологические ориентированные установки познания помогают точнее раскрыть предмет юриспруденции, показать его отдельные существенные аспекты и грани, сделать более отчетливым представление о связи с механизмами психологической деятельности человека и психологически фиксируемыми закономерностями общественного сознания. Попытки подчинить науку права психологии выглядят упрощением, не учитывающим своеобразие предмета. Однако и попытки очищения юриспруденции от примесей других наук, включая психологию, выглядят также малоубедительно и отличаются такой же тупиковостью. Так, один из популярных сторонников такого рода очищения юридической науки Г. Кельзен настаивал на том, что его «чистая» теория должна пониматься как теория интерпретации правовых норм (Kelsen 2017). Но если это теория *интерпретации*, то какая же в ней, спрашивается, может быть объективная чистота? Или это набор шаблонов для того, чтобы не позволять носителю субъективного смысла ставить вопрос о разнообразии этих самых смыслов? Тогда нужно просто научить думать одинаково. Но разве это объясняет природу права? Или дает основания для развития юридической науки? А ведь сам Г. Кельзен называл свое якобы чистое логическое учение о праве органическим, а уж в попытках отождествления права и государства, включая связанное с разъяснением государства использование макроантропологических метафор (Kelsen 2017: 344-345, 500), вообще нарисовал совершенно противоположную картину, далекую от чистой логики метода интерпретации. То, что написано в работах Г. Кельзена, было хорошо известно как очевидный факт. Идеи основной нормы, права как принудительных норм, нормативных фактов и прочее были разработаны предшественниками австрийского юриста. У него они собраны в программу интерпретации, своего рода руководство по использованию знаний. А уже дальнейшая комментаторская и критическая литература придала

множество витиеватых оттенков его размышлений, которые не всегда присутствуют и у самого автора.

Отрицая роль социологии и психологии, а также политической морали, Кельзен повсеместно пользуется категориями и средствами выразительности из этих областей. Даже названия главных разделов его сочинения «статика» и «динамика» прямо отсылают к эмпирическим наукам о человеке и обществе. Можно отыскать корни этих названий и в механике XVII в., но на этом построена прежде всего социология и психология в интерпретациях этих дисциплин, которые характерны для периода их формирования в XIX в. Это был один из самых популярных в XIX в. приемов анализа, не утративший своего значения и сегодня. Речь идет о заимствованных из биологии представлениях об анатомии и физиологии социальных явлений, включая и право, что, например, впервые отчетливо проявляется в работах Р. Иеринга уже в 1852 г., который настаивает на том, что право, уподобляемое организму (человеческой свободе), должно постигаться с анатомической и физиологической точек зрения, т.е. с точки зрения его структуры и функций (Jhering 1852). Он одним из первых разрабатывает и применяет структурно-функциональный анализ для изучения права и формирования дисциплинарного облика теории права.

Уже в работах П. Фейербаха, известного специалиста в области уголовного права и философии права, на рубеже XVIII–XIX вв. высказывались соображения, в которых подчеркивалась роль и значение психологического понимания права (Фейербах 1810). Наряду с тем, что он выделил роль предупреждения в качестве средства правового воздействия на преступника и тем самым допускал возможность его исправления, к так называемым вспомогательным знаниям в области уголовного права он относил «науки в собственном смысле, среди которых... во-первых, *Философия*, а именно, 1) *Психология (душесловие)*...» (Фейербах 1810: 5). В качестве рекомендуемых по этому пункту работ были названы им сочинения: Федерата «Исследования о воле человека» в 3 частях (1785 г.), Шмидта «Эмпирическая психология» (1791 г., 2-е изд.), Якоба «Очерк опытного учения о душе» (1795 г.), Канта «Антропология в прагматическом отношении» (1798 г.), а также Шаумана «Идеи о криминальной психологии» (1792 г.).

П. Фейербах рассматривал психологическое принуждение (предупреждение преступлений, причем и общее, и индивидуальное, «законное угрожение» в переводе 1810 г. или законная угроза воздержания от совершения преступлений) как необходимый способ недопущения преступлений. Он писал: «Всякие нарушения прав и всякие преступления заимствуют психологическую свою первоначальную причину или основание от чувственности, когда сила желания человека, удовольствием какого деяния или его последствием, побуждается к совершению такого деяния» (Фейербах 1810: 14).

Учебник П. Фейербаха был впервые издан в 1801 г., т. е. уже несколько лет спустя после сочинения Канта «Метафизические начала учения о праве». В этом последнем мотивы совершенно исключены из области права. Это, по Канту, сфера исключительно морали. Он подчеркивал, что для пра-

ва мотивы поступков («произволения») совершенно не имеют никакого значения. И вот буквально 4 года спустя в сочинении П. Фейербаха мотивы поведения оказываются одной из центральных тем. Да и сама философия понимается как психология. Конечно, Кант, как никто другой, содействовал тому, чтобы отчетливо показать и разделить сферы чистой гносеологии и реальной психологии. Его самого нередко в последующем упрекали в том, что он был настолько непоследователен в своей теории познаний, что в наименьшей степени способствовал развитию понимания познания как реально-психологического процесса (Франк 1909).

В конце 1830-х гг. известный немецкий ученый Г. Аренс, находясь в вынужденной политической эмиграции, в Париже публикует первоначально на французском языке сочинение «Естественное право, или философия права и государства: на основе этической связи права и культуры» (Ahrens 1870).

Г. Аренс, один из самых влиятельных и популярных философов права в XIX в. (в немецкой юридической литературе утверждается, что он среди юристов был значительно популярнее Канта и Гегеля) (Kaufmann et al. 2004: 70), следует философии Краузе, который рассматривал соотношение философии и истории, в отличие от Гегеля, в их относительной самостоятельности и внутренней связи. У Гегеля это все было монолитным феноменом. По мнению Краузе, идеи появляются друг за другом в конкретно-историческом развитии людей и народов в том же порядке, в каком они существуют вечно. Однако вследствие человеческой свободы рано или поздно возникают разнообразные отклонения, отставания в развитии, опережения и замедления. Поэтому философия истории должна выполнять задачу при помощи познания законом развития, ориентируя относительно средств и путей, стать проводником жизненной мудрости при реализации принципа или идеи права.

Г. Аренс полагал, что идея права философско-правовым путем выводится из сущности и назначения человека и общества, на этой основе возникает правовой идеал для осуществления в государственном устройстве и управлении (Ahrens 1870: 5). Отсюда, чтобы понять право, нужно заняться изучением внутреннего опыта, человеческой сущности. Тема, собственно говоря, не была новой. Она известна на протяжении всей истории политико-правовой мысли. И прежние теории естественного права уделяли внимание какой-то одной стороне человеческой сущности. Достижением своего времени он считает попытку объединить все разнообразные стороны сущности человека и общества в понятие «благо» или «блага». Это позволит изучить, как объясняет Г. Аренс, сущность человека полнее и глубже. Значит, с методологической точки зрения для разработки понятия права в таком углублении в сущность человека ценными будут три аспекта: а) *аналитический*, который исходит из *психологического* исследования правовой идеи, так как она проявляется в сформировавшемся сознании, б) *антропологический*, связанный с рассмотрением человеческой сущности в ее способности, силах и основных связях и в) *этический*, который предполагает, что все человеческие силы и отношения обусловлены основным принципом блага

или благ, как содержанием всех жизненных отношений и жизненных целей (Ahrens 1870: 224-225).

Соответственно в работе Г. Аренса на первый план выходит отдельный параграф, посвященный «психологическому исследованию понятия права» (Ahrens 1870: 225).

Право, по Г. Аренсу, относится к идеям, подобно истине, благу, красоте, нравственности, и выступает в сознании как руководство для оценки существующего и основанием для требования о его улучшении (Ahrens 1870: 226). Оно относится к практическим законам, которые управляют волей и поступками человека. Но не воля или свобода создают право, равно как не создают его на основе принципа власти и подчинения. По утверждению Г. Аренса, основание права следует отыскивать в «отношениях человеческой жизни», которые, по существу, представляют собой отношения по поводу благ (Ahrens 1870: 227). Поэтому задача философии права в ее истинном психологическом изучении права направлена на познание данных отношений и следование ей составляет руководящее начало на все времена.

Г. Аренс еще пока осторожен в оценках роли мотивов поведения в составе понятия права. Однако, в отличие от многих своих предшественников и современников, он считал, что понятие права должно распространяться и на отношение человека к самому себе, что подразумевает вопрос о мотивах поведения (Ahrens 1870: 228). Он подчеркивает значение психологии и морали, которые различают разные типы духовно-интеллектуальной деятельности человека. Его интересует, как исследования деятельности мозга и нервной системы помогают понять «факты внутренней жизни» человека, его душевные состояния (Ahrens 1870: 234). Он отвергал материалистические и пантеистические трактовки природы человека, полагая, что все дело заключается в функционировании органов человека и что новейшая психология может помочь распознать условия (мотивы) реализации личностью своего нравственно-культурного назначения в отдельных сферах жизни.

Идеи Г. Аренса созвучны основным течениям времени, когда формируется психологическое направление в юридической мысли. Он ссылается на значимость разработки внутреннего опыта и фактов психологической жизни, высказывается в пользу изучения мотивов поведения и поступков. Исходным в его общей концепции является представление о естественном нормальном состоянии, которое связано с определенными состояниями, характеризующимися как отклонения от нормального состояния. И в этом смысле право выполняет роль путевода в условиях использования воли, свободы, сознания, чувств и интеллекта для осуществления жизненных отношений и целей человека в индивидуальном и групповом общении.

Призывы к изучению внутреннего мира человека, глубокий психологизм отличали реализм, пришедший на смену романтизму предшествующей эпохи. Если последний относился к личности как к деятельному началу, активному и преобразующему действительность, то реализм в целом относился к человеку как к пассивному началу, как к противостоящему внешней среде; он погружен во внутренний мир и переживания. В интеллектуальной культуре XIX в. реалистическая доминанта характеризует широкие пласты

литературы, в которой фиксируется глубина и детальность внутреннего мира, показывается роль психологизма как одного из основных приемов познания мира человека. Действительно, реалистическая литература сформировала внушительную основу для развития психологии и психологических теорий права. Литература всегда раньше реагировала на потребности и запросы времени, поэтому оказывалась на передовых позициях в освоении тех тем, которые становились затем релевантны для науки.

Основные проблемы содержания и направления развития психологических теорий права

В 1878 г. выходят в свет «Очерки по энциклопедии права» П. Деларова. Это первая из известных попыток формулирования психологических теорий права в русской и западноевропейской литературе. Она появилась задолго до будущих работ более известного, также петербургского ученого Л.И. Петражицкого. Деларову импонируют идеи позитивизма, в котором он видит основу для преодоления вечного спора идеализма и реализма, а также научную основу для изучения «сфер умственной деятельности человека», идеи французского писателя И. Тэна, немецкого философа Тренделенбурга.

П. Деларов пишет: «...позитивизм и является в настоящее время единственной философской системой, имеющей широкую будущность...» (Деларов 1878: 26-27). Только исследовать новая философская система должна внутренний опыт, как «образование понятий о психических процессах не настоящих, а прошедших, отражение в сознании – душевных явлений, не продолжающихся, а уже законченных» (Деларов 1878: 63). Истоки психологического позитивизма Деларова также лежат в учениях Локка, Беркли, Фихте, которые в разной степени, но в целом единообразно отрицали существование внешнего мира и признавали лишь ощущение или субъективное «я». Вслед за ними и Деларов пишет: «Бытие и небытие, существование и несуществование – не более, как акты человеческого ощущения и, вследствие этого, категории, или понятия, человеческого ума» (Деларов 1878: 67).

Как полагал Деларов, в области юридической жизни, психологии, хозяйства, религии и искусства «человеческий ум возводит субъективные категории в объективные, психологические в физические, признает за явлениями, совершающимися в нем самом, значение явлений, совершающихся вне его» (Деларов 1878: 335). «В сфере права ум придает отдельным человеческим действиям, представляющим те или другие объективно существующие, ингерентные признаки, качества справедливого и несправедливого, но признает эти атрибуты объективно присущими самим человеческим действиям...» (Деларов 1878: 335).

И вот в условиях дефицита научной литературы, которая бы занималась глубоко и основательно вопросами индивидуальной и коллективной психики, П. Деларов обращает внимание на то, какую роль в этом играет общая литература, авторы повестей и романов. Он пишет: «Я ничего не знаю более невежественного и тупоумного, как отношение теперешней науки

к беллетристике. <...> Романисты начали изучение массы вопросов, которыми должны бы были, собственно говоря, заниматься ученые, в техническом смысле этого слова... <...> ...критика возвела величайших исследователей человеческого сердца в “моралистов” и увидела в их психологических наблюдениях, в результатах глубокого и тонкого анализа не научные данные и материалы, а моральные сентенции, практические рецепты, прописные и конфетные нравоучения» (Деларов 1878: 90-92).

И. Тэн писал: «...литературное произведение не есть простая игра воображения, самородный каприз, родившийся в горячей голове, но снимок с окружающих нравов и признак известного состояния умов» (Тэн 1896: 3). Вот его лапидарные суждения о том, как с помощью литературы можно и нужно изучать историю:

- источники истории суть лишь указания, при помощи которых надо восстановить видимого индивидуума;
- видимый, телесный человек есть лишь указание, при помощи которого надо изучать человека невидимого, его душу;
- в основе свойств и действий человека лежат известные общие направления мысли и чувства.

По мнению И. Тэна, «история, в сущности, не что иное, как *психологическая* проблема» (Тэн 1896: 39). Он, в частности, пишет: «Ничто не существует помимо индивидуума. И нам нужно узнать самый индивидуум. Когда установили филиацию догматов, или классификацию поэм, или прогресс конституций, или трансформацию наречий, – этим лишь расчистили почву. Настоящая история создается лишь тогда, когда историк начинает различать сквозь мрак отделенного времени *живого* человека, действующего, одаренного страстями, имеющего свои привычки, голос и свою физиономию, свои жесты и платье; когда он различает его ясно и отчетливо, как того человека, который нам вот только что встретился на улице» (Тэн 1896: 5).

Среди всех национальных литератур очевидной и наиболее наглядной особенностью русской литературы является глубокий психологизм, который отнюдь не связан только с интеллектуальными настроениями XIX в. Он коренится в древнерусской культуре и литературе, проявляется как сквозная характеристика русской литературы. Поэтому как для надлежащей реконструкции политико-правовой мысли в целом, так и для психологического направления в ней общая литература представляет собой ценнейший и пока мало представленный в научном обиходе источник исследования. Изучение национальных литератур в свете историографии политико-правовых учений способствует существенному развитию как предметных характеристик, так и применяемых методов. Например, если мы сравним состояние национальной литературы в Западной Европе определенной эпохи с латинскими и греческими текстами, осваиваемыми и перерабатываемыми, в частности, в церковно-монашеской традиции, в политическом образовании, в делопроизводстве, то срез эпохи начинает выглядеть совсем иначе, приобретает по-настоящему реалистические черты и достоверные характеристики. К этому нужно еще прибавить

значение жанровости, тропированности, сюжетов и прочих элементов, которые, в частности, многое могут сообщить о характере того внешнего и внутреннего человека, которого как атрибут настоящего исторического знания предлагал отыскивать И. Тэн. Среди пока еще немногих попыток изучения общей литературы в реконструкциях истории философии права выделяется «История философии права» Г.Ф. Шершеневича (Шершеневич 2001).

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Р. Иеринг активно использовал психологические подходы для объяснения права. В 1852 г. он пишет о том, что жизнь – индивидуальная и социальная – диктует праву его логическую структуру, его понятия и его форму (Jhering 1852: 40). В 1854 г. в продолжении «Духа римского права» он обсуждает разницу между пониманием права как идеи и «живого права действительности», права человека, погруженного в поток страстей, переживаний, борьбы (Jhering 1854: 21-22). В 1868 г. в Вене он выступает с докладом «Является ли юриспруденция наукой?» (Jhering 1998: 66), в котором, отвечая на запросы времени, в том числе Ю. Кирхманну в его провокационном докладе «О бесполезности юриспруденции как науки» (Kirchmann 1848), пишет о том, что «человеческая совесть и практическая потребность – это конечные источники права» (Jhering 1998: 67). «Первый и изначальный источник права, – пишет Р. Иеринг, – находится в каждой человеческой груди, а второй, который лишь присоединяется к этому, потребность, нужда жизни и практический рассудок, который искал правовых средств для необходимых целей» (Jhering 1998: 67).

Сочинения Р. Иеринга внесли большой вклад в развитие психологии права как направления теоретического правоведения, разработку различных психологически ориентированных приемов изучения права и его трактовки. В этом отношении особенно выделяются 2-й и 3-й венские доклады Иеринга: «Борьба за право» и «О возникновении правового чувства». В предисловии к сочинению (на основе венского доклада 1872 г.) «Борьба за право» он так и пишет, что произведение это по «психологии права» и именно в этой области оно находит свое применение (Jhering 1872: V). Основой «Борьбы за право» стали мотивы правового поведения, а отношение к идее «борьбы за право» рассматривалось автором не как практическая возможность, несмотря на начальную постановку вопроса, а как нравственная обязанность, как продолжение личности в ее нравственной связи с обществом. За общим осуждением человека, отказывающегося отстаивать свое право ради комфорта или личной выгоды, следует обсуждение мотивов, которые оказываются наиболее решающими для различных профессий и социальных групп в отстаивании своего права. В работе нет никакой связи с представлениями о классовой структуре общества, несмотря на встречающиеся в литературе попытки безосновательного отнесения взглядов Р. Иеринга к сторонникам классовой борьбы и тем самым марксизма. У Иеринга речь идет лишь о социологически ориентированной психологии права, изучении мотивов отношения к праву, осуществления и отстаивания своего права, исходя из их разнообразия: от эгоистических и материальных до альтруистических и нравственных.

При написании сочинения «Цель в праве» Р. Иеринг столкнулся с существенной и сложной проблемой понимания роли и значения этических мотивов. Эгоистические мотивы правового поведения не представляли особой сложности. Для их выправления, ограничения и прочего имеется принудительная норма права и стоящий за ней аппарат государственного принуждения. Но как понять этические мотивы правовых поступков? – задавался вопросом Иеринг. В итоге размышления над этим вопросом заставили автора пересмотреть всю его юридическую концепцию и признать право частью «телеологической системы нравственного миропорядка» (Jhering 1889: X).

Чтобы раскрыть структуру целей и мотивов правового поведения, Иеринг утверждал, что в основе любого нравственного миропорядка, в том числе «порядка права», лежит схема из трех лапидарных положений: «я для себя, мир для меня и я для мира» (Jhering 1904: 50).

И в «Цели в праве», и в третьем венском докладе «О возникновении правового чувства» Р. Иеринг уделяет много внимания проблеме социализации личности, тому, какой опыт общения оказывается наиболее действенным в формировании правового чувства и правосознания, как право переживается и как право мыслится.

Для Р. Иеринга человек благодаря индивидуальному опыту, обыденному словоупотреблению и другим факторам становления личности и ее сознания приходит к обретению правового чувства и индивидуального правосознания: «Между тем в игре со своими товарищами ребенок учится практической жизни больше и лучше, чем из “учений о мудрости и добродетели”. На примере мяча своих товарищей, который он пытается присвоить, он совершает первое практическое знакомство с понятием собственности, и отпугивающее впечатление от пороков своих товарищей учит его первой морали» (Jhering 1904: 59).

Р. Иеринг, хотя и начал обсуждать проблематику мотивов поступков в русле «психологии права», в дальнейшем усиливал внимание к социологическим аспектам права и, в частности, писал: «Субъективное нравственное чувство – это не исторический prius, а posterius реального, благодаря практической цели созданного мира, и только когда оно образовалось на основе независимо от него возникшего мира и когда оно набралось сил, подает оно свой голос, чтобы то, что оно выучило в мире, применить к миру, масштаб, который оно путем бессознательной абстракции общих принципов заимствовало у него, чтобы применить к нему самому, т.е. требуя, чтобы он принципы, которые он до сих пор несовершенно реализовал, осуществлял бы совершенно – это ребенок, который, когда он вырос, критикует мать согласно ее собственным поучениям» (Jhering 1905: X-XI).

В докладе «О возникновении правового чувства» сказывается явный недостаток философского образования, который Иеринг пытался компенсировать за счет воспроизведения популярных в науке идеи: «Не подлежит сомнению то обстоятельство, что наше правовое чувство часто противится правовым учреждениям, что мы чувствуем себя в противоречии с этими учреждениями. Откуда появляется это противоречие, если наше правовое

чувство является не чем иным, как продуктом правового порядка, который нас окружает? И на это я отвечаю, это основано на той способности к абстракции человеческого духа, без которой нам человек вовсе не может мыслиться, которая при каждом конкретном случае что-нибудь абстрагирует» (Jhering 1965: 296).

Лишь «человеческий ум» и «человеческий опыт», по мнению Р. Иеринга, делают человека умнее. С этой способностью человек вступает в мир, но «вскоре он замечает, – писал Р. Иеринг, – что он должен покориться определенным законам, если он хочет жить совместно с другими; эти опыты накапливаются, и так проявляются, наконец, принципы, которые касаются его совместной жизни с другими» (Jhering 1965: 282).

Теоретически разработанную концепцию психологической интерпретации права и правовых явлений впервые в юридической науке предложил Р. Бирлинг в конце 1870 гг. Ее содержание было изложено в двухтомном сочинении «Критика основных юридических понятий» (Bierling 1877; Bierling 1883). Позднее оно было переработано в пятитомное сочинение «Учение о принципах права», первый том которого был издан в 1894 г. (пятый – в 1917 г.) (Bierling 1961). В немецкой юридической науке Р. Бирлинга традиционно определяют как сторонника психологического юридического позитивизма, который признает право исключительно как психологический факт и развивает вокруг данной идеи всю свою теорию. Действительно, психологическая теория права Р. Бирлинга содержит детальное развитие основного метода при разъяснении основных вопросов правопонимания и, в сравнении со многими современниками, предлагает объемлющую разные структуры правовой теории проработку ключевых вопросов.

По убеждению Р. Бирлинга, «*правом* в юридическом смысле в целом является то, что люди, живущие вместе в каком-либо сообществе, взаимно признают как норму и правило их совместной жизни» (Bierling 1961: 19). Для более точного разъяснения данного определения предлагаются несколько критериев: цель – регулировать внешнее поведение во взаимоотношениях людей, средство – нормы или императивы, направленные на волю человека, и признание соответствующих норм и императивов именно с обозначенным целевым назначением.

Взгляды Р. Бирлинга часто именуются теорией признания права. У него последовательно проводится мысль о том, что право основывается на принципе взаимного признания. Именно Бирлинг еще в 1870-х гг. предложил формулу взаимного признания, ставшую позже популярной в зарубежной и современной российской юридической литературе. Он утверждал, что право не является чем-то объективным и существует как психологический факт. На этом основании разрабатывалась им проблематика соотношения объективного и субъективного права, теория классификации правовых норм, вопрос о соотношении прав и обязанностей в структуре субъективного права, идея основной нормы и нормативного порядка и многие другие. Предложенная им формула взаимного признания предполагала как прямое, так и косвенное признание. Современники и критики Бирлинга упрекали его в том, что он оставил понятие «взаимное признание» недостаточно

разъясненным. Оно, действительно, нередко от психологического акта переходит произвольно к признанию как логически необходимому действию (по типу гегелевской логики). Однако в целом нужно заметить, что Р. Бирлинг определил многие популярные течения XX в. и наших дней. Прямо как научную проблему идею понимания права с помощью формулы взаимного признания сформулировал именно он. Поэтому современные трактовки права, ссылающиеся на аналогичную формулу, лишь интерпретируют давно известную теорию. Кроме того, именно психологический срез восприятия права позволил ему проработать существенные вопросы теории права, ставшие основными темами в работах многих юристов будущего XX в.

К. Бергбом в начале 1890-х гг. издает ставшее классическим сочинение о критике естественного права и апологетике юридического позитивизма (Bergbohm 1892). Ему принадлежит одна из любопытных объяснительных формул «удачное право», созвучная тому, что писал Р. Иеринг о законодателе, который издает законы без учета реальных социальных интересов и потребностей, характеризуя такие случаи как «интеллектуальное хулиганство». Взгляды К. Бергбома связаны прежде всего с критикой литературы, которая оказалась неспособной превратить отвлеченную философию права в стройную науку о праве, основанную на познании закономерностей и структурных связей права как научных фактов.

По мнению К. Бергбома, ни смелые гипотезы, ни остроумные размышления, ни политические и социологические аксиомы сами по себе не могут составлять настоящую науку о праве, если не принимается во внимание принципиальная обусловленность «философии права, или “любой юриспруденции”, следующими факторами: а) институтами позитивного права; б) единственным *научным методом*: с одной стороны, постепенное абстрагирование и обобщение от твердых фактов, восходящее к непосредственным предпосылкам дедукции, с другой стороны, проверка гипотетических предложений в обратном направлении через всю последовательность абстракций, вплоть до юридических фактов; в) *мерой прогресса других гуманитарных наук*, в частности психологии, в которую в последнее время перетекают многие философско-правовые проблемы» (Bergbohm 1892: 32-33).

Существенный вклад в развитие психологических теорий права внесли работы немецкого ученого В. Вундта, своего рода отца-основателя психологии как науки. Популярностью у юристов пользовалась не только его работы по общей психологии, но и многотомное сочинение «Психология народов», первый том которой, посвященный языку (Wundt 1900), появился в 1900 г., а 9 том, посвященный праву, – в 1918 г. (Wundt 1918).

В. Вундт считал, что благодаря сравнительным исследованиям в области психологии народов, охватывающей вопросы языка, мифов, нравов, религии, права и других сфер человеческой культуры, можно добиться совершенно нового качества как самой психологической науки, так и всех наук о человеке и обществе. Психология народов, как раздел психологии, должна заняться исследованием «тех психических процессов, которые лежат в основе всеобщего развития человеческих общностей и возникновения совместных духовных результатов относительно общезначимых ценностей» (Wundt

1900: 1). Важным аспектом идентификации психологии народов является прояснение ее отношения к истории. По мнению В. Вундта, психология народов, хотя и занимается аналогичными закономерностями и связями, все же относится к истории народов так же, как «индивидуальная психология к исторической биографии» (Wundt 1900: 3). Психология народов собирает данные этнологии, истории, социологии для формирования своего собственного предмета и метода, но рассматривает соответствующие данные исключительно с точки зрения психологических закономерностей и психологического анализа. Ее интересуют психологические закономерности возникновения и развития языка, формирования мифологических и религиозных представлений, возникновения нравов и нравственных чувств.

В предмет психологии народов включены три самостоятельные проблемы, которые, как пишет В. Вундт, если рассматривать их как чисто психологические, не найдут своего места ни в одной другой науке, в то время как все их существо требует психологического исследования. «Они заключаются в психологических проблемах языка, мифов и нравов. К мифам присоединяются истоки религии и искусства, к нравам – истоки и общие формы развития права и культуры как неотделимые составные части» (Wundt 1900: 30).

В. Вундт предлагает «народно-психологическое рассмотрение права», которое призвано, по сути, помочь сравнительному правоведению восполнить его существенные пробелы, чтобы таким образом «обеспечить подготовительные работы для психологии права, по аналогии с тем, как в области психологии языка и психологии религии в соответствующих исторических и сравнительных науках мы имеем такие подготовительные работы» (Wundt 1918: XI).

Э. Цительман в конце 1870-х гг. занялся фундаментальной разработкой проблемы смысла и последствий заблуждения в праве, влияющего на правовые последствия юридических сделок. В итоге получилось серьезное, основательное исследование мотивов как психологической и юридической категории (Zitelmann: 1879). Он обратил внимание на то, что право как сочетание моментов состава юридически значимого деяния воспринимает большое количество психологических фактов и что для принятия юридического решения требуется психологическое исследование мотивов. Работа Э. Цительмана представляет собой специальное исследование проблемы мотивов, но вскрывает ряд важных вопросов о связи права и психологии.

А. Штурм в 1880-х гг. стал заниматься проблемой источников права, обратив внимание на важность понимания права как психологического факта. Схожие идеи звучат в психологической теории права Л.И. Петражицкого о врожденности права как психологической способности или функции. А. Штурм, в частности, пишет: «Право – это нечто непреодолимое, конечное в нас, что упорядочивает всю нашу жизнь и управляет ею. Это психологический факт внутри нас, и как психологическая способность он не нуждается в каком-либо другом философском обосновании, но и не может быть оправдан, это чувство, а не интеллект, потому что иначе оно не было бы убедительным и обязательным для того, кто отрицает рассматриваемую

философию. Право не зависит от любого мирового благоразумия (политики), но также и от всей мировой мудрости (философии)» (Sturm 1910: 16).

В русской политико-правовой литературе психологические трактовки права стали не просто заметным явлением, они также претендуют на самостоятельное направление с точки зрения включения психологически ориентированных аргументов в набор атрибутов понимания права. Это в первую очередь работы П. Деларова (о трактовке права как психологического факта), Н.М. Коркунова (о роли общения как психологической закономерности развития права), Г.Ф. Шершеневича (о чувстве законности и психологическом значении правового принуждения, а также мотивах поведения), Л.И. Петражицкого (о праве как врожденных императивно-атрибутивных переживаниях и эмоциях) и многих других авторов, обобщение взглядов которых, вкупе с анализом традиционной для русской литературы установки глубокого психологизма, показывает, что психологическое направление правопонимания занимало и занимает важное место в истории российской и зарубежной политико-правовой мысли и может рассматриваться как одно из перспективных направлений формирования современной российской историографической модели политико-правовых знаний.

Одной из основных и популярных тем в области психологических интерпретаций права стало правовое чувство, а в русской литературе к нему добавилось еще и чувство законности (Н.А. Добролюбов, Г.Ф. Шершеневич, К.Н. Ярош (Ярош 1888)).

Профессор Л. Куленбек из швейцарской Лозанны, упрекая современников в недостаточности внимания к смыслу правового чувства, считал его «одним из самых утонченных и высочайших проявлений расцвета духовной жизни человека» (Kuhlenbeck 1907: 16). По его убеждению, правовое чувство представляет собой не просто тему, заслуживающую внимания психологов и юристов, должна сформироваться и развиваться фундаментальная вспомогательная дисциплина под названием «психология правового чувства», которая придет на помощь философии права. Он пишет: «Везде, где (субъективное) право перестает быть предметом чувств, его корень, который, по моему убеждению, является также психологическим корнем объективного права – несомненно, объективное право существует только ради субъективного права, – должен увядать и отмирать» (Kuhlenbeck 1907: 16).

Известный бразильский юрист П. де Миранда из Рио-де-Жанейро писал, что чувство и понятие права представляют собой определенные факторы юридического правила; из них возникает живое право (Miranda 1922). По мнению ученого, чувства выполняют функции общего приспособления людей в соответствии со сложившимся социальным порядком. И если меняются потребности, то меняются и функции, а соответственно, и чувства. Он, в частности, пишет: «То, что содержится в законах, представляет простую возможность без реальности, может стать фактом или нет; позже издание, публичное объявление и т.д. сделают право политическим фактом, явлением государственной, но еще не юридической жизни. Право поглощается юридическими отношениями, юридическими феноменами, так же как добродетель в действиях и истина в объектах. Право стоит на том же уровне, что

и моральное предписание, жизненное правило, философское объяснение. Существует межпсихологическая и межсоциальная детерминация между эстетическими, моральными, религиозными, экономическими, юридическими и другими ценностями» (Miranda 1922: 161).

Уже в начале XX в. раздалась критические голоса об опасности «юриспруденции чувств» (Berolzheimer 1911), которая распространилась как в немецкой, так и во французской юридической литературе (особенно в многотомной «Науке и технике» Ф. Жени (Gény 1914), в труде «Жизнь права и бессилие законов» Ж. Круэ (Cruet 1908)). Примечательно, что известный немецкий правовед Ф. Берольцгеймер пишет о целом направлении – «юриспруденция чувств».

По вопросу психологии правового чувства, интерпретации данного понятия в этике или философии права, включении его в аналитические категории и структуры теории права написаны разнообразны сочинения, которые, однако, в основном эпизодически рассматривают проблему. Это направление юридической мысли пока еще ожидает фундаментальных исследований на основе изучения историографических контекстов темы, данных этики, психологии и других релевантных областей знаний. В одних случаях проблематика правового чувства трансформировалась в этико-психологическую концепцию «человека юридического» (особенно в начале XX в. – М. Ян, Г. Радбрух и др.), в других укрепила позиции методологически ориентированных теорий права, таких как юриспруденция интересов, движение свободного права, различные варианты так называемого правового реализма XX в., особенно психоаналитического направления (А. Эренцвейг о психософии как науке о чувстве справедливости (Ehrenzweig 1973)). Чувство права стало трактоваться как атрибут философско-правовой логики правосознания, элемент коммуникативных и феноменологических аналитических сеток для фиксации смысла права.

Профессор К. Обермайер из немецкого Ерлангена в исследованиях (середина 1980-х гг.) психологии правового чувства сформулировал ряд признаков, по которым оно может идентифицироваться как феномен и соответствующий предмет научного исследования, а также условие совершенствования механизмов правового регулирования и оценки правового поведения. В целом он предлагает понимать под правовым чувством «основывающую правовую установку² (rechtliche Grundstimmung) лица, которое при конфронтации с правовым вопросом оказывает влияние на его интуитивное решение» (Obermayer 1986: 2). Такого рода юридическое настроение в трактовке ученого представляет неотъемлемую часть характера и относится к сущностным, необъемлемым признакам личности.

Отдельным направлением среди психологических подходов к праву уже давно стало обращение к психоанализу. Из этого выросло целое направление в юриспруденции, которое сегодня привлекает все больше внимания. Из наиболее примечательных следует упомянуть исследования

² Как развивающийся с момента рождения сложный комплекс физиологических, психологических и интеллектуальных компонентов, поясняет сам автор.

о роли психоанализа в совершенствовании уголовного права и практики его применения: Г. Коенена (диссертация 1929 г.) (Coenen 1929), Г. Остермейера (работа 1972 г.) (Ostermeyer 1972), о связи психологии бессознательного с пониманием права, особенно упомянутая выше работа А. Эренцвейга, а также более современные работы П. Лежандра (Legendre 1997), Р. Якоба и М. Ребиндера (Jakob, Rehbinder 1987), М. Аристодему (Aristodemou 2014), А. Дейли (Dailey 2017) и др. Ценность названных работ и в целом психоаналитического направления в психологически ориентированных исследованиях права заключается в разработке проблемы связи права и психологии (в данном случае бессознательного) как направления теоретического правоведения, что позволяет совершенно иначе высветить ключевые проблемы понимания права как психологического феномена и факта, показать соответствующие психологические характеристики права, выявляемые с помощью данных психологии, в дополнение к другим – логическим, социальным, историческим и иным значимым признакам.

Психологическое направление в праве может охватывать и другие варианты истолкования права как психологического феномена, предполагающие тот или иной тип разъяснения связи права и психологии. Социально-психологических ориентаций в понимании права придерживались Г. Еллинек, И.А. Покровский, Е.В. Спекторский, Г.Ф. Шершеневич и другие авторитетные правоведы. Для более полного раскрытия потенциала, диапазона и композиционных характеристик, познавательных приемов необходимы разработки как общетеоретических, так и специальных вопросов психологического направления в юридической мысли. В русле истории политической и правовой мысли, например, историческая психология может стать важным дополнением при рассмотрении традиционной проблематики учений прошлого и современности. В этом отношении значительный потенциал имеют русская и французская литература соответствующего профиля, философско-логические и логико-когнитивные исследования истории в психологическом ключе, характерные для английской литературы XX в.

С историографических позиций реконструкция психологических теорий права в их оформлении, развитии, сюжетной композиции и жанровых характеристиках в составе юридической и философско-правовой литературы показывает их роль и значение как направления теоретического правоведения. Оно оформляется в русской и зарубежной литературе уже с начала XIX в. Причем типологические разъяснения и трактовки в русле психологических теорий права могут и должны быть дополнены более глубоким изучением отдельных профилей русской, немецкой, французской литератур. Для науки политико-правовых учений большую значимость имеет глубокое разъяснение вопросов психологического понимания права на основе более точного формирования контура соответствующих историографических исследований, включение в него приемов общего и специального литературного анализа, обособления композиционных характеристик подходов национальных литератур при изучении права с точки зрения его психологических аспектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Деларов П. 1878. Очерки по энциклопедии права : Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. Б.Г. Янпольского. 552 с.

Леонтьев А.Н. 2012. Эволюция, движение, деятельность. Москва : Смысл. 559 с.

Савенков Д.А. 2022. Психологические теории права в России и за рубежом во второй половине XIX – первой половине XX в.: теоретико-методологический аспект. Москва : [б. и.]; Саратов : Амирит. 289 с.

Тэн И. 1896. О методе критики и об истории литературы : О методе критики и об истории литературы. Санкт-Петербург : И. Юровский. 64 с.

Фейербах П.А. 1810. Уголовное право. Санкт-Петербург : В Медицинской типографии, 1810-1827. Кн. 1. 144 с.

Франк С. 1909. Предисловие / Гуссерль Э. Логические исследования ; разреш. авт. пер. с нем. Э. А. Берштейн; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Ч. 1. Санкт-Петербург. 224 с.

Шершеневич Г.Ф. 2001. История философии права. СПб.: Лань и др. 525 с.

Ярош К.Н. 1888. Чувство законности и мировая юстиция. Харьков : тип. М.Ф. Зильберберга. 57 с.

Ahrens H. 1870. *Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur.* Bd. 1. Die Geschichte des Rechtsphilosophie und die allgemeinen Lehren. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm. Aufl. Wien: Gerold. 390 S.

Aristodemou M. 2014. *Law, psychoanalysis, society: taking the unconscious seriously.* Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge. 179 p.

Bergbohm K. 1892. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen.* Teil : Bd. 1 : Einleitung. Abh. 1 : Das Naturrecht der Gegenwart. Leipzig : Duncker & Humblot. 592 S.

Berolzheimer F. 1911. *Die Gefahren einer Gefühlsjurisprudenz in der Gegenwart. Rechtsgrundsätze für Freie Rechtsfindung*//*Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*, vol. 4, no. 4. S. 595–610.

Bierling E.R. 1877. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe.* Teil : 1. Th. Gotha : Perthes. 172 S.

Bierling E.R. 1883. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe.* Teil : 2. Th. Gotha : Perthes. 364 S.

Bierling E.R. 1961. *Juristische Prinzipienlehre: in 5 Bänden.* Teil: Bd. 1. Neudr. d. Ausg. Tübingen : Aalen: Scientia Verl. 350 S.

Coenen H. 1929. *Strafrecht und Psychoanalyse.* Breslau : Schletter. 96 S.

Cruet J. 1908. *La vie du droit et l'impuissance des lois.* Paris : Ernest Flammarion, éditeur. 372 p.

Dailey A. 2017. *Law and the unconscious: a psychoanalytic perspective.* New Haven ; London : Yale University Press. 283 p.

Ehrenzweig A.A. 1973. *Psychoanalytische Rechtswissenschaft.* Berlin : Duncker & Humblot. 467 S.

Gény F. 1914. *Science et technique en droit privé positif : nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique.* 1 : Introduction, Première Partie : position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution. Paris : Recueil Sirey. 212 p.

Jakob R., Rehbinder M. (Hrsg.). 1987. *Beiträge zur Rechtspsychologie. Schriftenreihe zur Rechtssoziologie und Rechtstatsachen-forschung (RR), Band 64 / hrsg. von Raimund Jakob und Manfred Rehbinder.* Berlin : Duncker & Humblot. 232 S.

- Jhering R. 1852. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig. 336 S.
- Jhering R. 1854. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil : Th. 2, Abth. 1. Leipzig : Breitkopf und Härtel. 320 S.
- Jhering R. 1872. Der Kampf um's Recht. Wien : Manz. 100 S.
- Jhering R. 1889. Der Besitzwille : zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode. Jena : Fischer. 540 S.
- Jhering R. 1904. Der Zweck im Recht. Teil : Bd. 1. 4. Aufl. Leipzig : Breitkopf & Härtel. 445 S.
- Jhering R. 1905. Der Zweck im Recht. Teil : Bd. 2. 4. Aufl. Leipzig : Breitkopf & Härtel. 593 S.
- Jhering R. 1965. Über die Entstehung des Rechtsgefühls // Rudolf von Jhering. Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch. Nürnberg. S. 275-303.
- Jhering R. 1998. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? : Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen : Wallstein-Verl. 208 S.
- Kaufmann A. et al. (Hrsg.). 2004. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / A. Kaufmann, W. Hassemer, P.M.U. Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg : Müller. 515 S.
- Kelsen H. 2017. Reine Rechtslehre : mit einem Anhang : das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen : Mohr Siebeck; Wien : Verlag Österreich. 827 p.
- Kirchmann J.H. 1848. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft : ein Vortrag. Berlin : Springer. 44 S.
- Kuhlenbeck L. 1907. Zur Psychologie Des Rechtsgefühls // Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie, vol. 1, no. 1, Franz Steiner Verlag. S. 16–25.
- Legendre P. 1997. Law and the unconscious : a Legendre reader. London : Macmillan. 270 p.
- Miranda P. de. 1922. Rechtsgefühl und Begriff des Rechts // Archiv für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie, vol. 16, no. 2. S. 157–96.
- Obermayer K. 1986. Über das Rechtsgefühl // JuristenZeitung, vol. 41, no. 1. S. 1–5.
- Ostermeyer H. 1972. Strafrecht und Psychoanalyse. München : Goldmann. 120 S.
- Sturm A. 1910. Die psychologische Grundlage des Rechts : ein Beitrag zur allgemeinen Rechtslehre und zum heutigen Friedensrecht; unter Benutzung der vom Auswärtigen Amt zur Verfügung gestellten Rechtsquellen. Hannover : Helwing. 531 S.
- Wundt W. 1900. Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1, Die Sprache. Theil 1. Leipzig : Engelmann. 627 S.
- Wundt W. 1918. Völkerpsychologie : eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil : Bd. 9 : Das Recht. Leipzig : Kröner. 484 S.
- Zitelmann E. 1879. Irrtum und Rechtsgeschäft : eine psychologisch-juristische Untersuchung. Leipzig : Duncker u. Humblot. 614 S.

References

Ahrens H. *Naturrecht, oder Philosophie des Rechts und des Staates: Auf dem Grunde des ethischen Zusammenhanges von Recht und Kultur. Bd. 1. Die Geschichte der Rechtsphilosophie und die allgemeinen Lehren. 6., durchaus neu bearb., durch die Staatslehre und die Prinzipien des Völkerrechts verm* [Natural law, or Philosophy of law and the state: On the basis of the

ethical connection of law and culture. Bd. 1. The history of the philosophy of law and the general teachings. 6th, quite re-edited., by the doctrine of the state and the principles of international law verm], Wien, Gerold, 1870, 390 p. (in German).

Aristodemou M. *Law, psychoanalysis, society: taking the unconscious seriously*, Abingdon, Oxon, New York, NY, Routledge, 2014, 179 p.

Bergbohm K. *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen. Teil: Bd. 1: Einleitung. Abh. 1: Das Naturrecht der Gegenwart* [Bergbohm K. Jurisprudence and philosophy of law: critical treatises. Bd. 1: Introduction. Depend. 1: The natural law of the present], Leipzig, Duncker & Humblot, 1892, 592 p. (in German).

Berolzheimer F. *Die Gefahren einer Gefühlsjurisprudenz in der Gegenwart. Rechtsgrundsätze für Freie Rechtsfindung* [The dangers of emotional jurisprudence in the present. Legal principles for Free legal determination], *Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, 1911, vol. 4, no. 4, 1911, pp. 595–610. (in German).

Bierling E.R. *Juristische Prinzipienlehre: in 5 Bänden. Teil: Bd. 1. Neudr. d. Ausg. Tübingen 1894* [Juristische Prinzipienlehre. In 5 vols. Vol. 1. Ed. Tübingen 1894], Aalen, Scientia Verl., 1961, 350 p. (in German).

Bierling E.R. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil :1.* [Criticism of the basic legal concepts. Pt. 1] Gotha, Perthes, 1877, 172 p. (in German).

Bierling E.R. *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe. Teil: 2.* [Criticism of the basic legal concepts. Pt. 2] Gotha, Perthes, 1883, 364 p. (in German).

Coenen H. *Strafrecht und Psychoanalyse* [Criminal law and psychoanalysis], Breslau, Schletter, 1929, 96 p. (in German).

Cruet J. *La vie du droit et l'impuissance des lois* [The life of the law and the impotence of the laws], Paris, Ernest Flammarion, ed. 1908, 372 p. (in French).

Dailey A. *Law and the unconscious: a psychoanalytic perspective*, New Haven, London, Yale Univ. Press, 2017, 283 p.

Delarov P. *Ocherki po entsiklopedii prava. Ocherk 1. O prave v ryadu drugikh sfer umstvennoy zhizni cheloveka. T. 1* [Essays on the encyclopedia of law: Essay 1. On law in a number of other spheres of human mental life. Vol. 1], St. Petersburg, 1878, Tip. B.G. Yanpol'skogo, 552 p. (in Russ.).

Ehrenzweig A.A. *Psychoanalytische Rechtswissenschaft* [Psychoanalytic Jurisprudence]. Berlin, Duncker & Humblot, 1973, 467 p. (in German).

Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart [Introduction to legal philosophy and legal theory of the present], Kaufmann A., Hassemmer W., Neumann P.M.U. (eds.) ; Mit Beitr. von: A.lfred Büllesbach [et all.]..., 7th neuw ed., rev. and enl., Heidelberg, Müller, 2004, 515 p. (in German).

Feuerbach P.I.A. *Ugolovnoe pravo. Kn. 1* [Criminal law. B. 1], St. Petersburg, V Meditsinskoy tipografii, 1810, 144 p. (in Russ.).

Frank S. *Predislovie* [Preface Preface], *Husserl E. Logical research, Pt. 1*, St. Petersburg, 1909, 224 p. (in Russ.).

Gény F. *Science et technique en droit privé positif: nouvelle contribution à la critique de la méthode juridique. 1: Introduction, Première Partie: position actuelle du problème du droit positif et éléments de sa solution* [Science and technology in positive private law: a new contribution to the criticism of the legal method. 1: Introduction. Pt. 1: current position of the problem of positive law and elements of its solution], Paris, Recueil Sirey, 1914, 212 p. (in French).

Jakob R., Reh binder M. (eds.). *Beiträge zur Rechtspsychologie. Schriftenreihe zur Rechtssoziologie und Rechtstatsachen-forschung (RR), Band. 64* [Beiträge zur Rechtspsychologie. Series of publications on the sociology of law and legal facts-research (RR), Vol. 64], 1987, 232 p. (in German).

Jhering R. *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode* [The will to possess: at the same time a critique of the prevailing legal method], Jena, Fischer, 1889, 540 p. (in German).

Jhering R. *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil* [The spirit of Roman law at the various stages of its development. Pt. 1], Erster Teil. Leipzig, 1852, 336 p. (in German).

Jhering R. *Der Kampf um's Recht* [The fight for justice], Wien, Manz, 1872, 100 p. (in German).

Jhering R. *Der Zweck im Recht* [The purpose of the law], vol. 1, 4th ed., Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1904, 445 p. (in German).

Jhering R. *Der Zweck im Recht* [The purpose of the law], vol. 2, 4th ed., Leipzig, Breitkopf & Härtel, 1905, 593 p. (in German).

Jhering R. *Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* [The spirit of Roman law at the various stages of its development], vol. 2, ch. 1, Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1854, 320 p. (in German).

Jhering R. *Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?: Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends* [Is jurisprudence a science?: Jhering's Inaugural Lecture in Vienna on 16 October 1868. From the estate of ed. and with an introduction, explanations and a wiss.-history. Arranged by Okko Behrends], Göttingen, Wallstein-Verl., 1998, 208 p. (in German).

Jhering R. *Über die Entstehung des Rechtsgefühls* [About the emergence of the sense of right], R. von Jhering. *Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch*, Nürnberg, 1965, pp. 296. (in German).

Kelsen H. *Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit ; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960* [Reine Rechtslehre: with an appendix: the problem of justice ; taking into account Kelsen's changes on the occasion of the translation into Italian published in 1966 and introduced by Matthias Jestaedt. Study edition of the 2nd ed. 1960], Tübingen, Mohr Siebeck, Wien, Verlag Österreich, 2017, 827 p. (in German).

Kirchmann J.H. *Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag* [The worthlessness of jurisprudence as a science: a lecture], Berlin, Springer, 1848, 44 p. (in German).

Kuhlenbeck L. *Zur Psychologie Des Rechtsgefühls* [The Psychology Of The Sense Of Right], *Archiv Für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, vol. 1, no. 1, Franz Steiner Verlag, 1907, pp. 16–25. (in German).

Legendre P. *Law and the unconscious: a Legendre reader*, London, Macmillan, 1997, 270 p.

Leontiev A.N. *Evoljutsiya, dvizhenie, deyatel'nost'* [Evolution, movement, activity], Moscow, Smysl., 2012, 559 p. (in Russ.).

Miranda P. *Rechtsgefühl und Begriff des Rechts* [Sense of law and concept of law], *Archiv für Rechts- Und Wirtschaftsphilosophie*, vol. 16, no. 2, 1922, pp. 157–96. (in German).

Obermayer K. *Über das Rechtsgefühl* [About the sense of right], *Juristen Zeitung*, vol. 41, no. 1, 1986, pp. 1–5. (in German).

Ostermeyer H. *Strafrecht und Psychoanalyse* [Criminal law and psychoanalysis], München, Goldmann, 1972, 120 p. (in German).

Savenkov D.A. *Psichologicheskie teorii prava v Rossii i za rubezhom vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX v.: teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Psychological theories of law in Russia and abroad in the second half of the XIX-first half of the XX

century: theoretical and methodological aspect], Moscow, Saratov, Amirit, 2022, 289 p. (in Russ.).

Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [History of philosophy of law], St. Petersburg, Lan' i dr., 2001, 525 p. (in Russ.).

Sturm A. *Die psychologische Grundlage des Rechts: ein Beitrag zur allgemeinen Rechtslehre und zum heutigen Friedensrecht; unter Benutzung der vom Auswärtigen Amt zur Verfügung gestellten Rechtsquellen* [The psychological basis of law: a contribution to the general theory of law and to today's peace law; using the legal sources provided by the Federal Foreign Office], Hannover, Helwing, 1910, 531 p. (in German).

Taine H. *O metode kritiki i ob istorii literatury : O metode kritiki i ob istorii literatury* [On the method of criticism and on the history of literature: On the method of criticism and on the history of literature], St. Petersburg, I. Yurovskiy, 1896, 64 p. (in Russ.).

Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. 1, Die Sprache. Theil 1* [Psychology of peoples: an examination of the laws of development of language, myth and custom. Bd. 1. The language. Pt. 1], Leipzig, Engelmann, 1900, 627 p. (in German).

Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil: Bd. 9: Das Recht* [Psychology of peoples: an examination of the laws of development of language, myth and custom. Bd. 9: The right], Leipzig, Kröner, 1918, 484 p. (in German).

Yarosh K.N. *Chuvstvo zakonnosti i mirovaya yustitsiya* [Sense of legality and world justice], Kharkov, tipogr. M.F. Zilberberga, 1888, 57 p. (in Russ.).

Zitelmann E. *Irrtum und Rechtsgeschäft: eine psychologisch-juristische Untersuchung* [Error and legal transaction: a psychological-legal investigation], Leipzig, Duncker u. Humblot, 1879, 614 p. (in German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Горбань

доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия;

ORCID: 0000-0002-8054-2605

ResearcherID: AAD-4923-2020

SPIN-код: 2337-9180

E-mail: gorbav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Gorban

Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-8054-2605

ResearcherID: AAD-4923-2020

SPIN-code: 2337-9180

E-mail: gorbav@gmail.com

УДК 342.7

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_164

Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни

Артур Николаевич Мочалов

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Поступила в редакцию 13.06.2024, поступила после рецензирования 27.09.2024, принята к публикации 11.11.2024

В статье рассматриваются конституционно-правовые проблемы обеспечения права человека на неприкосновенность частной жизни при сборе, хранении и использовании информации о нем, полученной из цифровых следов. Анализируется юридическая природа цифровых следов человека, приводится их авторская классификация. Отмечается, что в силу многообразия цифровых следов на них распространяются различные правовые режимы. Объединяет их то, что они всегда возникают в результате взаимодействия индивида с цифровым устройством, компьютерной системой или информационно-телекоммуникационной сетью и несут на себе отпечаток такого взаимодействия. В связи с этим автор отстаивает позицию, что цифровой след практически во всех случаях содержит в себе информацию о частной жизни индивида. Данную презумпцию следует закрепить в законе и исходить из нее при осуществлении правового регулирования использования цифровых следов. Автор приходит к выводу, что законодательство Российской Федерации не учитывает этой специфики цифровых следов, в результате чего информация, оставленная человеком в сети Интернет, практически без ограничений может использоваться как органами безопасности, так и частными компаниями – владельцами интернет-сайтов и поставщиками электронных услуг. При этом индивид практически во всех случаях утрачивает контроль за дальнейшей судьбой оставленного им цифрового следа. Такое положение дел рассматривается автором как непропорциональное ограничение права на неприкосновенность частной жизни. Автор соглашается с тем, что в цифровом мире приватность является относительной. Вместе с тем неприкосновенность частной жизни продолжает сохранять значение. Она ограждает индивида от чрезмерного контроля со стороны окружения, в том числе со стороны государства. По этой причине автор видит необходимость закрепления в законе гарантий недопустимости массового цифрового слежения за гражданами со стороны правоохранительных органов и органов безопасности, а также ограничений использования

© Мочалов А.Н., 2024

цифровых следов администрациями интернет-сервисов. В частности, предлагается законодательно закрепить право интернет-пользователей запрещать автоматизированное предоставление тех или иных сведений владельцам сайтов, а также право отказаться от применения рекомендательных технологий.

Ключевые слова: цифровой след, информационные технологии, частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, Интернет, большие данные, персональные данные, цифровой профиль

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01378 «Разработка концепции правового регулирования цифрового профилирования, социального скоринга и использования цифровых следов», <https://rscf.ru/project/24-28-01378/>

Human Digital Footprints and Privacy

Artur N. Mochalov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Ekaterinburg, Russia

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Received 13.06.2024, revised 27.09.2024, accepted 11.11.2024

Abstract. The article explores the constitutional and legal challenges associated with ensuring the human right to privacy in the context of collecting, storing and utilizing information derived from digital traces. It analyzes the legal nature of human digital footprints and provides classification of their types. The article highlights that the diverse nature of digital footprints subjects them to various legal regimes, all of which emerge from an individual's interaction with digital devices, computer systems, or information and telecommunications network, thereby reflecting the imprint of such interaction. The author argues that digital footprints, in most instances, contain information pertaining to an individual's private life, a presumption that should be codified in law. Legal regulations governing the use of digital footprints should be grounded in this presumption. The author concludes that current legislation in the Russian Federation fails to account for the unique characteristics of digital traces, resulting in the unrestricted use of information left by individuals online by both security agencies and private companies. Consequently, individuals often lose control over the future of their digital footprints, which the author views as a disproportionate restriction of the right to privacy. While acknowledging that *privacy* is a relative concept in the digital realm, the author emphasizes its continued significance in protecting individuals from excessive control from external entities, including government authorities. For this reason, the author advocates for legal provisions that prohibit mass digital surveillance of citizens by law enforcement and security agencies, as well as restrictions on the use of digital traces by online services providers. In particular, the article proposes legislating the right of Internet users to prevent the automated sharing of certain information with website owners, as well as the right to refuse the use of recommendation technologies.

Keywords: digital footprint; information technology; privacy life; privacy; Internet; big data; personal data; digital profile

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), under project number 24-28-01378, titled “Development of the Concept of Legal Regulation of Digital Profiling, Social Scoring and the use of Digital Traces.” For more information, please visit <https://rscf.ru/project/24-28-01378/>.

For citation: Mochalov A.N. Human Digital Footprints and Privacy, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 164-189. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_164

Введение

По данным *Mediascope*, аудитория Интернета в России в 2023 г. превысила 101 млн человек, а суточный охват составил 81 % населения¹. Каждый пользователь оставляет на различных интернет-ресурсах множество данных, связанных с ним: начиная с поисковых запросов и геолокации и заканчивая персональной информацией (такой как имя, адрес или номер телефона) при регистрации на сайтах, заполнении интерактивных форм или оформлении заказов в интернет-магазинах.

Информация, оставляемая человеком в электронной форме в процессе взаимодействия с компьютерными устройствами и информационно-телекоммуникационными сетями, получила название «цифровых следов». Не имея материально-вещественной формы, цифровой след вместе с тем сохраняется в памяти устройств, обеспечивающих функционирование информационно-телекоммуникационной системы, в виде кодированного набора числовых данных. В этом качестве он может существовать сколь угодно долго, не утрачивая своих первоначальных свойств. Неудивительно, что на цифровые следы обратили внимание криминалисты (Буйнов 2023; Черданцев 2019). Доктринальное осмысление стали получать проблемы использования цифровых следов в качестве доказательств в судах (Лазарева 2023).

Однако правовое измерение цифровых следов простирается намного дальше вопросов раскрытия преступлений и судебного доказывания. Цифровые следы могут многократно копироваться и практически мгновенно передаваться по сетям связи; над ними могут производиться компьютерные вычисления, в том числе путем сопоставления с другими цифровыми данными, принадлежащими этому же лицу или другим лицам. Технологии «больших данных», ставшие возможными благодаря росту скорости обработки и передачи колоссальных информационных массивов, позволяют на основе анализа цифровых следов человека составлять его цифровой профиль, включающий производную (т.е. полученную посредством компьютерных вычислений) информацию о вероятных предпочтениях и интересах человека, его политических взглядах и религиозных убеждениях, о состоянии здоровья и т. д. (Виноградова и др. 2021; Савельев 2015: 51-52). Интеллектуальный анализ данных, основанный на технологиях машинного обучения, дает возможность по полученным сведениям прогнозировать

¹ Интернет в России в 2022–2023 годах. Состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

и направлять поведение индивида и целых групп, ранжировать субъектов и оценивать их действия (Виловатых 2020; Рувинский 2023). Эти ценные свойства цифровых следов обуславливают повышенный интерес к ним со стороны государственных и коммерческих структур, а также злоумышленников.

При этом процессы, связанные с использованием и обработкой цифровых следов, в большинстве случаев не находятся под контролем оставившего их индивида. Более того, сам факт оставления цифрового следа не всегда осознается человеком. Эти обстоятельства обусловили широкую академическую дискуссию о проблемах обеспечения прав человека в «цифровом мире» – начиная с прикладных вопросов получения согласия субъекта на обработку его персональных данных (Дупан (Гутникова) 2016; Талапина 2018) и заканчивая глобальной угрозой массовой «цифровой слежки» со стороны правительств разных стран (Савельев 2015; Watt 2017; Westerlund et al. 2021).

Предлагаемое исследование акцентирует внимание на некоторых фундаментальных юридических проблемах, связанных с формированием, передачей, хранением и последующим использованием цифровых следов человека. Поставленная задача осложняется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, цифровые следы, как будет показано далее, обладают многообразием с точки зрения их правовых режимов и механизмов правовой охраны. Во-вторых, многие государства – включая Россию – в последнее десятилетие ввели законодательное регулирование, регламентирующее особенности оборота тех или иных разновидностей цифровых следов. По этой причине глобальная проблема, преломляясь через законодательство той или иной страны, неизбежно приобретает национальное измерение. Подходы, складывающиеся в отдельных государствах, отличаются своеобразием, в связи с чем их сравнительное исследование заслуживает отдельного обсуждения. В данной же статье мы ограничимся анализом ответов на глобальные вызовы цифровизации, которые предлагают в рассматриваемой части российское законодательство и правоприменительная практика.

Понятие цифровых следов и их классификация. В отечественной юриспруденции до настоящего времени не сложилось единообразного подхода к определению цифровых следов. В криминалистической науке под цифровыми (виртуальными) следами предлагается понимать любые сведения, оставленные и (или) сохраненные в информационном пространстве (Черданцев 2019: 179); компьютерную информацию о событиях, действиях, процессах и фактах, отраженную в компьютерных системах и сетях либо на отдельных носителях в процессе ее возникновения, обработки, хранения, передачи или удаления (Буйнов 2023: 21). В более широком контексте цифровой след есть результат фиксации тех или иных явлений в электронной форме (в виде числовых данных) на компьютерных устройствах, в компьютерных системах или информационно-телекоммуникационных сетях. Любой цифровой след несет в себе информацию об отражаемом им явлении,

представляет собой его числовой отпечаток, или – как его часто называют – «цифровую тень». Такая информация не всегда связана с человеком. Например, это может быть «отпечаток» какого-либо технологического процесса или производственного объекта. Но часто цифровой след содержит сведения о действиях людей, о характеристиках определенного человека или о связанных с ним событиях. В последнем случае можно говорить о *цифровом следе человека*.

Цифровые следы человека могут быть классифицированы по разным основаниям. Рассмотрим классификации, представляющие интерес с позиций юриспруденции и обозначенной проблематики.

1. *По способу закрепления* цифровые следы человека можно разделить на два вида. Первые сохраняются только на пользовательском устройстве, с которым взаимодействует индивид, тогда как вторые передаются по информационно-телекоммуникационным сетям и записываются в память носителей информации, не принадлежащих пользователю. Например, при осуществлении фотосъемки на простой цифровой фотоаппарат полученный цифровой след (фотоизображение и его метаданные – такие как дата и время съемки, геолокация) сохраняется лишь в памяти фотокамеры и, следовательно, остается недоступным другим лицам, помимо ее владельца. По-иному обстоит дело, если фотография сделана на смартфон, подключенный к Интернету, и сохраняется пользователем в «облачном» хранилище. Файл изображения вместе с метаданными в этом случае передается по сетям связи и записывается на внешнем оборудовании. Дальнейшая судьба переданного файла зависит уже не только от самого пользователя, но и от иных субъектов, которые получают техническую возможность обрабатывать сохраненную информацию, копировать и передавать ее третьим лицам, блокировать доступ к ней, удалять из памяти своего оборудования. Аналогичной является ситуация, когда пользователь делится записью, изображением или любым другим файлом в социальной сети, передает информацию по электронной почте или через мессенджер, размещает на сервисе фото- или видеохостинга. Во всех этих случаях доступ к цифровому следу и возможность его использования в собственных интересах появляется не только у оставившего его пользователя, но и у третьих лиц, в том числе у владельцев социальных сетей и иных интернет-сервисов, провайдеров услуг хостинга (хранения информации).

2. *По режиму доступа* цифровые следы, передаваемые посредством сети Интернет, можно подразделить на следы ограниченного доступа (остаются доступны пользователю или определенному им кругу лиц) и общедоступные следы. Например, данные, которые покупатель вводит при оформлении заказа в интернет-магазине, предназначены конкретному лицу (продавцу) и, следовательно, должны оставаться только в его распоряжении. То же касается, например, переписки в мессенджерах и в сервисах электронной почты. В публичный доступ такие цифровые следы попадают в основном в результате утечек и других неправомерных действий. Цифровые следы свободного доступа раскрываются неограниченному кругу лиц на законных основаниях. В основном это т. н. «пользовательский контент», который

делается общедоступным по решению самого пользователя – данные открытого профиля в социальной сети, посты, комментарии и т.д. На цифровые следы, представляющие собой общедоступную информацию, в полной мере распространяется правовое регулирование распространения информации. Так, если цифровой след содержит запрещенную к распространению информацию, то доступ к ней может быть ограничен по требованию Роскомнадзора в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации). Требование об удалении материала (страницы сайта) направляется владельцу сайта через провайдера хостинга (т. е. лица, предоставляющего вычислительную мощность для размещения сайта в Интернете), а в случае ее неудаления провайдер хостинга, а затем и оператор связи обязаны заблокировать доступ пользователей к соответствующей странице интернет-сайта. Ограничивать доступ к запрещенному пользовательскому контенту должны и владельцы социальных сетей (ст. 10.6 Закона об информации). Данное регулирование хорошо иллюстрирует тезис о том, что оставленные человеком цифровые следы могут подвергаться обработке (удалению, блокировке) поставщиками интернет-услуг без участия их первоначального обладателя.

3. В основе следующей классификации цифровых следов лежит *наличие волевого момента*, т. е. стремления лица совершить действие, формирующее цифровой след. Воля индивида, выражающаяся в свободном принятии решения о совершении того или иного действия для реализации собственного интереса, означает сознательное регулирование человеком своего поведения (Фатьянов 2008: 5-6). Однако с учетом того, что цифровой след оставляет не сам человек, а компьютерное устройство, формирование цифрового следа не всегда есть результат сознательно-волевого действия индивида. По этой причине цифровые следы можно подразделить на, во-первых, оставляемые в результате осознанного волеизъявления индивида и, во-вторых, формируемые в автоматизированном режиме, без непосредственного участия человека. К первым можно отнести поисковые запросы в Интернете; данные, оставляемые при оформлении интернет-заказов или заполнении интерактивных форм на сайтах; пользовательский контент. В каждом из этих примеров человек, совершая осознанные волевые действия, преследует цель зафиксировать, передать конкретному получателю или открыто распространить определенную связанную с ним информацию, т. е. оставить цифровой след.

Вторую группу составляют цифровые следы, которые также образуются вследствие взаимодействия индивида с устройством, компьютерной системой или информационно-телекоммуникационной сетью, однако процесс образования и фиксации цифрового следа минует сознание индивида; его воля в этот момент направлена на достижение иной цели, а фиксация той или иной информации не охватывается его непосредственным интересом. Сюда относится, например, история просмотров и действий пользователей на сайтах – т. н. метаданные, которые собираются и сохраняются на оборудовании поставщиков интернет-услуг в автоматизированном режиме,

а также записываются на пользовательских устройствах в виде «куки»-файлов. В качестве метаданных может собираться масса сведений технического характера, на первый взгляд не имеющих отношения к личности пользователя – тип устройства, с которого осуществлен выход в Интернет (стационарный компьютер, ноутбук или смартфон), его модель, IP-адрес, страна и регион подключения, используемый на устройстве браузер и т. д.

Несмотря на то что формально метаданные содержат информацию скорее о технических устройствах, а не о пользователях, во многих случаях они могут прямо или косвенно указывать на личность владельца и содержать характеризующие его сведения – особенно при соотнесении с другими цифровыми следами, оставленными соответствующим пользователем и содержащими сведения персонального характера. Так, тип и модель устройства могут говорить об уровне материального благосостояния владельца, геолокация – о месте его нахождения в момент посещения сайта, а по IP-адресу можно определить оператора услуг доступа в Интернет и через него идентифицировать абонента. Поэтому метаданные также требуют особых мер защиты от произвольного использования. По поводу IP-адреса А. К. Жарова обращает внимание на то, что он указывает на «территориальную принадлежность, провайдера, технологию человека, вышедшего в Интернет, географическое место выхода в Интернет и [содержит] другую информацию», при этом подчеркивает, что в федеральном законе вопрос об отнесении IP-адресов (как и других цифровых идентификаторов) к персональным данным однозначно не решен, в связи с чем сохраняется неопределенность в правовом режиме таких цифровых следов, в том числе в вопросах установления пределов их использования и мер защиты (Жарова 2016). IP-адреса активно используются судами в качестве доказательств причастности лица к совершению правонарушения (например, отправка налоговой отчетности или платежных распоряжений разных налогоплательщиков с использованием одного и того же IP-адреса может свидетельствовать об их взаимозависимости или о согласованности действий²). При этом на сведения об IP-адресе не распространяется правовой режим тайны связи: таковой является содержание сообщения, но не идентификатор устройства, с которого оно отправлено³. В то же время в деле № А40-14902/2016 суд посчитал IP-адрес устройства физического лица персональными данными, отметив, что к таковым относятся «не только данные, позволяющие идентифицировать абонента, но также и сведения баз данных систем расчета за оказан-

² См., напр.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 мая 2017 г. № Ф09-2083/17 по делу № А60-36692/2016; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 октября 2020 г. № Ф04-3694/20 по делу № А27-16351/2019. При этом суды признают, что само по себе совпадение динамического IP-адреса, с учетом механизма присвоения IP-адресов и в отсутствие иных доказательств взаимозависимости, не свидетельствует о недобросовестности налогоплательщиков (см., напр.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 4 мая 2017 г. № Ф10-1268/17 по делу № А54-6206/2015).

³ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2013 г. № Ф05-1348/13 по делу № А40-112131/2012.

ные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента, также относятся к сведениям об абонентах», а IP-адрес и другие идентификаторы, собираемые при помощи «куки»-файлов, позволяют определить географическое положение пользователя и отличить его интернет-трафик от трафика других пользователей⁴. Указанный подход гармонирует с регулированием, содержащимся в параграфе 18 преамбулы Общего регламента Европейского Союза о защите данных (GDPR): согласно ему сетевые идентификаторы «могут оставлять следы, которые, в частности, в сочетании с уникальными идентификаторами и другой полученной серверами информацией могут использоваться для создания профилей физических лиц и для их идентификации».

4. По характеру отражаемых сведений одни цифровые следы человека отражают действия индивида исключительно в информационной среде, в том числе на различных сайтах в сети Интернет, в то время как другие могут выступать цифровыми отпечатками событий из мира физической реальности. Цифровой след – хотя и появляется в результате взаимодействия индивида с компьютерными устройствами и сетями – далеко не всегда связан только с его действиями в виртуальном пространстве. Например, геолокация, представляющая собой сведения о местоположении устройства, позволяет получить информацию о нахождении и перемещении его владельца в физическом пространстве (Иванова 2020). Примером цифровых следов, свидетельствующих об офлайн-активности индивида, могут служить следы, оставляемые в информационных системах электронными средствами идентификации – такими как FanID при посещении спортивных мероприятий. Цифровизация в определенном смысле стирает грань между физической и виртуальной реальностью: если в физическом мире происходит взаимодействие человека с компьютерными системами, они сохраняют отпечаток такого взаимодействия.

Цифровые отпечатки физической реальности создаются и различными «умными устройствами», работающими на основе технологии «интернета вещей» – от «умных часов» и «виртуальных помощников» до систем «умного дома» и беспилотных автомобилей. Датчики «умных часов» и других подобных аксессуаров собирают информацию о физическом состоянии владельца (например, частота пульса или температура тела) и о его активности (например, количество шагов). На основе этой информации можно судить о состоянии здоровья человека, его образе жизни, режиме дня и т.д. Собранные сведения не только обрабатываются на устройстве, но и передаются по сети Интернет на серверы «облачных» вычислений, работа которых контролируется производителем устройства или лицензиатом установленного на нем программного обеспечения. Следы человеческой активности в физической реальности формируются и передаются «умными устройствами», как правило, в автоматизированном режиме, получившем название «трекинг» (что означает «отслеживание»), без специального волеизъявления владельца. Информация с датчиков «умного дома» (например, о температуре воздуха в помещении, о времени включения освещения или об использовании коммунальных ресурсов) на первый взгляд не носит

персонального характера. Однако в своей совокупности такие цифровые следы создают цифрового двойника объекта «умного дома» – виртуальную модель, содержащую актуальную информацию о параметрах, свойствах и характерных процессах оригинального объекта, позволяющую идентифицировать и прогнозировать изменения оригинального объекта⁵. Такая модель, в свою очередь, может нести в себе информацию о режиме дня и образе жизни проживающих лиц. То же можно сказать об «умном городе» с его системами видеофиксации и распознавания лиц: цифровой двойник города может содержать сведения обо всех активностях граждан в публичном пространстве.

Многообразие цифровых следов обуславливает различие в их правовом регулировании. Цифровые следы могут содержать персональные данные пользователя и попадать под действие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (например, анкетная информация в профиле социальной сети, номер телефона в форме обратной связи, изображение лица). Некоторые следы могут не содержать персональных данных (например, запросы в поисковых сервисах или на сайтах маркетплейсов), однако представлять собой информацию об интересах и потребностях конкретного пользователя (личность которого часто может быть определена при соотнесении с другими цифровыми следами). На некоторые цифровые следы может распространяться тайна переписки или тайна связи (например, сообщения в мессенджерах или в сервисах электронной почты), другие же цифровые следы представляют собой общедоступную информацию. Ряд цифровых следов может содержать в себе иную охраняемую законом тайну – врачебную, банковскую или налоговую. Цифровые следы могут быть результатом творческой деятельности человека (например, фотография) и попадать под действие законодательства об интеллектуальной собственности, а могут иметь характер технической информации об устройстве. Но все они объединены общим признаком: представляя собой цифровое отражение той или иной деятельности конкретного человека, они несут информацию о его частной жизни.

Цифровые следы как отпечатки частной жизни человека. Независимо от того, к какому виду мы отнесем цифровой след человека, он потенциально может содержать информацию, касающуюся конкретного индивида – его действий, состояния здоровья, взглядов и убеждений, политических предпочтений, отношений с другими людьми и т. д. Иными словами, цифровой след отражает ту или иную сторону частной жизни лица.

Под частной жизнью человека понимается область его жизнедеятельности, «которая относится к отдельному лицу, касается только него и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит

⁵ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 71199-2023 «Системы киберфизические. Умный дом. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2023 г. № 1766-ст). Пункт 16.

непротивоправный характер» (Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 1253-О). Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещает произвольное или незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь человека и гарантирует защиту закона от любого такого вмешательства. В основе права на неприкосновенность частной жизни лежит презумпция того, что «в жизни частных лиц должна существовать область, связанная с их независимым развитием, взаимодействием и свободой... которая является свободной от вмешательства государства, а также свободной от чрезмерного нежелательного вмешательства со стороны других лиц, не имеющих на это разрешения»⁶. Понятие частной жизни, как отмечается в научной литературе и в практике международных судебных органов, не предполагает исчерпывающего определения: оно охватывает бесконечное множество различных аспектов жизнедеятельности человека (Ромашов 2019: 110) – не только частных, которые человек желает сохранить в тайне, но и тех, которые реализуются им в публичном пространстве⁷.

Неприкосновенность частной жизни гарантируется и ст. 23 Конституции РФ. Она обеспечивается, в частности, запретом сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни человека без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), а также тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Конституционное закрепление права каждого человека на неприкосновенность частной жизни выступает, по справедливому замечанию Г.Б. Романовского, «признанием со стороны государства приоритета (первичности) индивидуума как субъекта права» (Романовский 2001: 23).

В связи с этим было бы справедливым закрепить в законе презумпцию отражения в любом цифровом следе человека информации о его частной жизни и поместить все цифровые следы человека под защиту ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ. На этой презумпции должно основываться законодательное регулирование, связанное с оборотом и использованием данной информации независимо от ее правового режима.

Здесь можно возразить, что с технической точки зрения цифровой след – это результат функционирования компьютерных устройств или систем. Он генерируется не человеком, а машиной. Установить по одному лишь цифровому следу, кто конкретно взаимодействовал с устройством в момент его оставления, не всегда возможно. Однако если говорить о цифровых следах в Интернете, то следует иметь в виду, что современное

⁶ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом г-на Мартина Шейнина от 28.12.2009 № A/HRC/13/37. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g09/178/06/pdf/g0917806.pdf?token=xd3bYoTgnODpTA4IVG&fe=true> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона “О персональных данных” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “МедРейтинг”».

российское законодательство практически не оставляет возможности для анонимного пользования глобальной Сетью. В связи с этим оставленный устройством след почти всегда может быть соотнесен с конкретным лицом. Согласно п. 21 Правил оказания услуг связи по передаче данных (утверждены Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2606) абонент при заключении договора должен предъявить документ, удостоверяющий личность. Аналогичные правила предусмотрены для предоставления услуг телефонной связи. В свою очередь, у организаторов сервисов мгновенных сообщений в сети Интернет существует обязанность идентифицировать каждого пользователя по абонентскому номеру оператора подвижной радиотелефонной связи (подп. 1 п. 4.2 ст. 10.1 Закона об информации). Обязанность идентификации клиентов предусмотрена и для провайдеров хостинга (п. 5 ст. 10.2-1 Закона об информации). С 1 января 2025 г. вступят в силу требования обязательной идентификации пользователей (по абонентскому номеру телефона либо с использованием предназначенных для идентификации информационных систем) в отношении всех сайтов, где предусмотрена регистрация пользователей в целях доступа к определенной информации или функционалу (п. 10 ст. 8 Закона об информации). Уже сегодня обязательная интеграция с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА) предусматривается для сервисов размещения объявлений в сети Интернет (подп. 7 п. 1 ст. 10.7 Закона об информации). Данное регулирование позволяет правоприменителю оперировать презумпцией, согласно которой субъектом, оставившим цифровой след, является лицо, идентифицированное в компьютерной сети в процессе взаимодействия с соответствующим сервисом (под личными данными которого выполнена авторизация в системе либо на которое зарегистрирован соответствующий абонентский номер или иной идентификатор услуг связи). Вероятно, единственным предусмотренным законом случаем принудительной анонимизации цифрового следа прошедшего процедуру идентификации интернет-пользователя является шифрование информации об избирателе, заполнившем избирательный бюллетень в ходе дистанционного электронного голосования (п. 16 ст. 64.1 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Конечно, не исключаются случаи, когда абонентским устройством пользуется другой человек – не тот, который заключил договор на предоставление услуг связи. Возможно и совершение действий на интернет-сайте под чужим аккаунтом, в том числе в результате неправомерной авторизации (взлома аккаунта, кражи или утечки пароля), а также создания вымышленных аккаунтов с использованием телефонных номеров, зарегистрированных на посторонних лиц («хищение личности»). Скрытие данных о пользователе может достигаться с использованием различных программных средств – «анонимайзеров», виртуальных частных сетей (VPN) или интернет-браузеров, работающих по специальным протоколам. Однако подобные ситуации не являются массовыми и не опровергают выдвинутый выше тезис о соотносимости цифрового следа и индивида, которому

этот след принадлежит. Тем более что в спорных случаях реальный пользователь, как правило, может быть установлен на основе дополнительной информации (в том числе путем сопоставления с другими цифровыми следами), а при раскрытии преступлений – в результате оперативно-разыскных мероприятий.

Законодательное регулирование использования цифровых следов в контексте права на неприкосновенность частной жизни. Исходя из предположения о том, что цифровой след человека отражает тот или иной аспект его частной жизни, рассмотрим подробнее вопрос о том, насколько правовое регулирование использования цифровых следов в законодательстве Российской Федерации отвечает требованиям ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 23 и 24 Конституции РФ.

Как уже отмечалось, по своей природе и содержанию цифровые следы человека не одинаковы. Различно и их правовое регулирование. Однако, презюмируя наличие в каждом из них сведений о частной жизни конкретного индивида, такое регулирование должно содержать достаточный уровень гарантий уважения частной жизни и ее неприкосновенности. Комитет ООН по правам человека в Замечаниях общего порядка № 16 подчеркнул, что право на неприкосновенность частной жизни должно быть подкреплено в национальном законодательстве «гарантиями от любого такого вмешательства и таких посягательств, независимо от того, совершаются ли они государственными органами, физическими или юридическими лицами»⁸. Данное право не относится к числу абсолютных (не подлежащих ограничению), однако при этом всякое вмешательство, разрешаемое государством, должно осуществляться не иначе как на основании закона. Такое вмешательство должно быть обоснованным и отвечать целям и задачам Пакта. По мнению Комитета, в законодательстве страны должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Решение о санкционировании вмешательства должно приниматься только компетентным органом, определенным законом, и строго индивидуально.

Хранению личной информации в компьютерных системах посвящен п. 10 Замечаний. Каждое лицо, по мнению Комитета, «должно иметь право удостовериться в ясной форме, содержится ли в автоматизированных файлах данных информация личного характера, и если содержится, то какая и с какой целью». Каждое лицо также должно иметь возможность удостовериться, какие государственные органы или частные лица контролируют или могут контролировать их файлы.

Цифровой след остается в сфере полного контроля оставившего его человека, строго говоря, только в одной ситуации: если он был сформирован в результате волевых действий лица и сохранен только на принадлежащем ему устройстве. Впрочем, даже в этом случае гарантия неприкосновенности

⁸ Замечания общего порядка № 16 «Статья 17. Право на личную жизнь». Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988).

частной жизни не является абсолютной: в практике работы правоохранительных органов нередки случаи изъятия содержимого цифровых устройств, в том числе без судебного решения (Даниленко, Васильев 2020).

В остальных случаях судьба цифрового следа, включая его дальнейшее хранение, использование, копирование, передачу или удаление, оказывается во власти других лиц. Сам же индивид – даже если цифровой след был сформирован в результате его волевых действий – утрачивает возможность контролировать последующие операции с ним. Оставление цифрового следа в Интернете имеет необратимый характер. Так, удаление ранее оставленного поста или комментария со своей страницы в социальной сети не влечет уничтожения истории публикаций на оборудовании владельца интернет-платформы. Администрация социальной сети сохраняет возможность использования этих данных и передавать другим лицам, в том числе правоохранительным органам. В результате «люди оказываются бессильны, поскольку практически невозможно отследить, кто и какой информацией о них обладает, не говоря уже о том, чтобы контролировать множество ситуаций, в которых такая информация может использоваться», – констатируется в п. 13 Доклада Верховного комиссара ООН по правам человека «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век»⁹.

Сохранность цифровых следов, недопущение их попадания к злоумышленникам также зависит от владельцев интернет-сайтов и других поставщиков услуг в Интернете и от принимаемых ими мер защиты информации. Даже у крупных поставщиков интернет-услуг, направляющих значительные средства на обеспечение информационной безопасности, периодически происходят утечки. Результатом утечек может быть раскрытие «чувствительной» информации о пользователях. Например, в 2022 г. известный федеральный сервис доставки готовой еды объявил об утечке пользовательских данных. Раскрытыми оказались сведения о заказах, сделанных пользователями, об их стоимости, об адресах и о времени доставки. По этому факту было возбуждено уголовное дело, а администрация сервиса оштрафована на 60 тыс. рублей за нарушение требований по защите персональных данных (ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ). Размер штрафа, конечно же, несоизмеримо мал в сравнении с вероятными негативными последствиями, которые могли наступить для пользователей. Отдельные пользователи обратились с иском к владельцу сервиса¹⁰, требуя компенсации морального вреда и возложения на ответчика обязанности опубликовать информацию о принятых мерах по защите пользовательских данных. Вместе с тем суды

⁹ Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век: Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 3 августа 2018 г. № A/HRC/39/29. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g18/239/60/pdf/g1823960.pdf?token=nfiuD3B5ocl7hq1Vln&fe=true> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ См.: Клиенты «Яндекс.Еды» подали коллективный иск из-за утечки данных. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/04/2022/6257c5a99a79478b0e7434b1> (дата обращения: 20.05.2024).

первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, сославшись на то, что истцами не доказана принадлежность раскрытых телефонных номеров и «никнеймов» (псевдонимов пользователей) конкретным физическим лицам, а указание адресов доставки без номеров квартир «невозможно соотнести с конкретным человеком»¹¹. Вывод судов представляется ошибочным, поскольку он был сделан на основе лишь формального применения законодательства о персональных данных и не касался аспектов, связанных с защитой неприкосновенности частной жизни лица. Судами, в частности, не дана правовая оценка тому, что «цифровые следы», свидетельствующие о сделанных заказах, уже сами по себе являются информацией о частной жизни конкретных индивидов, а соотнесение этих сведений с тем или иным лицом может быть осуществлено и в отсутствие прямого указания на анкетные данные (например, фамилию, имя, отчество или адрес регистрации по месту жительства).

Но не только частные компании – поставщики цифровых услуг становятся обладателями множества цифровых следов, содержащих в себе данные о пользователях. В большинстве стран законодательно установлена обязанность владельцев крупных интернет-сервисов, хостинг-провайдеров и операторов связи предоставлять уполномоченным государственным органам доступ к информационным базам, содержащим цифровые следы. Не является исключением и Российская Федерация. В соответствии с ч. 3 ст. 10.1 Закона об информации организатор распространения информации должен в течение года хранить на территории России информацию (метаданные) обо всех фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей и информацию об этих пользователях (напомним, что каждый пользователь подлежит в соответствии с тем же Законом идентификации). Сами сообщения должны храниться в течение шести месяцев. Данные сведения должны предоставляться органам безопасности и органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, путем обеспечения удаленного доступа к информационным системам, эксплуатируемым организаторами распространения информации. Существующее регулирование также предусматривает передачу органам Федеральной службы безопасности информации для декодирования электронных сообщений пользователей¹². При этом, как подчеркнул Верховный Суд РФ, электронные сообщения граждан в любом случае могут быть предоставлены организаторами распространения информации только

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 12 июля 2023 г. по делу № 33-28022/23. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/00d96770-14b4-11ed-9053-cb811065760b> (дата обращения: 20.05.2024).

¹² Приказ ФСБ России от 19 июля 2016 г. № 432 «Об утверждении Порядка представления организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в Федеральную службу безопасности Российской Федерации информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»».

на основании судебного решения¹³. Для доступа же к метаданным решения суда не требуется: как и в случае с IP-адресами, тайна корреспонденции на них не распространяется.

Следует, однако, подчеркнуть, что метаданные о переписке «могут дать даже еще более полное представление о поведении человека, его социальных отношениях, личных предпочтениях и личности, чем то, что можно было бы узнать из самого содержания частного общения»¹⁴. По этой причине оборот метаданных также не может быть произвольным и должен осуществляться в рамках установленных законом процедур, гарантирующих уважение частной жизни индивида – хотя и не обязательно предполагающих обязательный судебный контроль. Примечательно, что даже Европейский суд по правам человека признал отсутствие безусловной необходимости получения судебного решения для доступа государства к информации о действиях индивидов в Интернете, если только такая информация не составляет тайну корреспонденции. В то же время Суд подчеркнул, что несудебные органы, принимающие соответствующие решения, должны быть в достаточной степени независимыми от органов, осуществляющих скрытое наблюдение (*surveillance*) за лицами (Watt 2017: 789).

В научной литературе высказываются опасения в связи с появлением у государств возможностей для массового, неизбирательного наблюдения за всеми лицами (в том числе за собственными гражданами) на основе цифровых следов, получаемых от администраций крупных интернет-сервисов (Watt 2017; Westerlund et al. 2021). Эти опасения не лишены оснований: распространение Интернета и появление технологий обработки больших объемов информации (*Big Data*) позволило правительствам и разведкам получать от технологических компаний данные обо всех пользователях глобальной Сети. Например, зарегистрированные в США интернет-гиганты сотрудничают с Агентством национальной безопасности, предоставляя ему данные о пользователях со всего мира в рамках программы массового цифрового слежения *PRISM* (Савельев 2015: 51; Watt 2017: 774). Неудивительно, что после раскрытия Эдвардом Сноуденом в 2013 г. информации о программе и последовавших за этим заявлений должностных лиц США, вынужденных признать ее существование, правительства многих стран стали стремиться оградить своих граждан от слежки со стороны американских спецслужб. В Европейском союзе разоблачения Сноудена послужили катализатором скорейшего принятия и введения в действие Общего регламента ЕС о защите данных (*GDPR*), а также выработки новых принципов сотрудничества Евросоюза и США по вопросам защиты персональных данных граждан ЕС (*Privacy Shield* с 2016 г. и *Data Privacy Framework* – с 2023 г.).

¹³ Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 августа 2018 г. № АПЛ18-298.

¹⁴ Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век: Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 30 июня 2014 г. № А/НRC/27/37. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g14/068/73/pdf/g1406873.pdf?token=oQO8Sxo74siKBBkNRL&fe=true> (дата обращения: 20.05.2024).

Россия, также стремясь ограничить доступ США к цифровым следам, оставляемым российскими гражданами, не стала искать компромиссов с заокеанским партнером, а вслед за Китаем выбрала подход, основанный на принципе государственного суверенитета в информационном пространстве. «Цифровой суверенитет» реализуется, в частности, через требования «приземления» информационных баз с данными о россиянах. Так, персональные данные граждан Российской Федерации начиная с 2015 г. должны храниться, накапливаться и извлекаться с использованием баз данных, находящихся на территории России; трансграничная передача персональных данных возможна лишь с соблюдением условий, предусмотренных Законом о персональных данных. Требования размещения баз данных на территории РФ предъявляются и к действующим в России организаторам распространения информации, в том числе к организаторам сервисов обмена мгновенными сообщениями (мессенджеров). Согласно Закону об информации, исключительно в России должны размещаться технические средства информационных систем, используемых государственными органами и органами местного самоуправления. Владельцами предназначенных для использования на территории России сервисов размещения объявлений, аудиовизуальных сервисов («онлайн-кинотеатров»), а также сервисов авторизации пользователей на сайтах могут быть только российские граждане и юридические лица. В русле суверенизации Интернета и ограничения доступа американских спецслужб к данным о россиянах укладывается и ограничение доступа на территории России к зарегистрированным в США социальным сетям «Х» (бывший *Twitter*) и *LinkedIn* в связи с отказом их администратий выполнять требования российского законодательства о «приземлении», а также запрет социальных сетей *Facebook* и *Instagram*¹⁵ – хотя и по иным основаниям.

Впрочем, оправданное с моральной и юридической точек зрения воспрепятствование той или иной страной доступу иностранных (прежде всего американских) разведывательных служб к цифровым следам, оставляемым в Интернете своими гражданами, автоматически не дает ей оснований самой устанавливать тотальную цифровую слежку за собственными гражданами. Как отмечалось выше, предусматриваемые законом ограничения права на неприкосновенность частной жизни должны быть необходимыми (преследовать законную цель) и не иметь чрезмерного характера. Законность, необходимость и соразмерность как критерии правомерности всякого ограничения права закреплены в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Государство, согласно ст. 2 Конституции РФ, обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Конституционный Суд РФ не раз подчеркивал, что устанавливаемые законом ограничения прав и свобод не должны носить недифференцированный характер и распространяться на значительно более широкий круг лиц,

¹⁵ Социальные сети *Facebook* и *Instagram* принадлежат компании *Meta Platforms Inc.*, признанной экстремистской, и запрещены на территории Российской Федерации.

чем это необходимо для достижения целей такого ограничения¹⁶. Применительно к использованию цифровых следов граждан при осуществлении государством своих функций это означает недопустимость сбора и обработки чрезмерного объема данных о слишком широком круге лиц, а также массовой слежки за пользователями – особенно тех, кто не подозревается в совершении преступлений и не представляет непосредственной угрозы безопасности.

Несмотря на явно выраженное намерение конституционного законодателя не допустить массового и неизбирательного ограничения неприкосновенности частной жизни, положения специальных законов оставляют довольно большой простор для получения органами безопасности и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, доступа к цифровым следам российских граждан. Согласно п. 2 ст. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» одним из достаточных оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий может служить наличие у соответствующего органа сведений о «событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации». Пространность данной формулировки позволяет осуществлять оперативно-разыскные мероприятия в виде получения компьютерной информации в отношении широкого круга пользователей интернет-сервисов – в том числе тех, кто не является источником угроз.

Еще больше усмотрения предоставлено Федеральной службе безопасности. Пункт «м» ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» предусматривает право органов ФСБ России получать на безвозмездной основе от любых организаций «информацию, необходимую для выполнения возложенных на органы федеральной службы безопасности обязанностей». К обязанностям ведомства Закон, в свою очередь, относит добычу разведывательной информации «в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации, повышения ее экономического, научно-технического и оборонного потенциала», информации о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма; принятие мер в области противодействия коррупции, незаконному обороту оружия и наркотиков, контрабанде и т. д. В совокупности с довольно простой процедурой направления запросов на предоставление метаданных (не предполагающей ни судебного решения, ни контроля со стороны какого-либо другого органа государственной власти) предельно широкие основания получения информации создают практически безграничные возможности доступа государства к цифровым следам пользователей российских

¹⁶ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 1995 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 года “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” (в редакции от 20 мая 1991 года) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава Российской Федерации».

интернет-сервисов. Если добавить к этому цифровые следы, оставляемые в банках и платежных сервисах, у операторов связи, в транспортных организациях, в системах типа «умный город», при оформлении и использовании электронных средств идентификации (к которым у государственных органов также есть доступ) – получится массив данных, способный рассказать едва ли не все о жизни каждого человека.

Впрочем, оценить масштабы наблюдения за индивидами со стороны российских правоохранительных органов и органов безопасности при помощи цифровых следов не представляется возможным: информация о количестве запросов не раскрывается. Но важным в данном случае является не то, осуществляют или нет массовое слежение за гражданами органы безопасности и органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, а то, предусматривает ли закон достаточные гарантии, не допускающие подобных практик. Законодательство Российской Федерации таких гарантий не содержит. Вместе с тем важной гарантией защиты от неизбирательной «цифровой слежки» могло бы стать установление в законодательстве требования о раскрытии количества запросов, направляемых администрациям российских интернет-сервисов правоохранительными органами и органами безопасности РФ. Механизмом контроля могло бы быть и санкционирование запросов надзорным органом – например, прокуратурой, к задачам которой относится, в частности, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В зарубежной литературе высказывается точка зрения, что вероятность массового цифрового слежения снижает уровень доверия граждан к правоохранительным органам и органам безопасности (Westerlund et al. 2021). В российском контексте данная гипотеза не получает подтверждения. По данным ВЦИОМ, доверие к полиции растет на протяжении последних лет: и в 2023 г. 66 % опрошенных россиян указали, что доверяют полиции (в 2022 г. уровень доверия составлял 62 %). Наиболее высокий уровень доверия к полиции – у молодежи и у высокообеспеченных граждан (до 75 % опрошенных)¹⁷. Работу служб госбезопасности большинство россиян также оценивает положительно: согласно данным Фонда «Общественное мнение» по результатам социологического исследования, проведенного в 2018 г., 66 % опрошенных россиян указали, что положительно оценивают деятельность спецслужб¹⁸. При этом говорить о том, что российские интернет-пользователи безразлично относятся к сохранности своих данных, нельзя: в 2024 г. 68 % опрошенных пользователей глобальной Сети указали, что опасаются за сохранность личной информации в Интернете¹⁹. Вместе с тем,

¹⁷ Профессия: полицейский. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁸ Отношение к российским службам государственной безопасности. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d04gb2018.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).⁴⁰ Там же. П. 3 мотивировочной части.

¹⁹ Цифровая самооборона. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona> (дата обращения: 20.05.2024).

по данным проведенного НИУ ВШЭ в 2020 г. исследования, 36 % опрошенных согласились с тем, что их не беспокоит, что их действия в Интернете кем-то записываются и анализируются (при этом более половины опрошенных все же не согласились с этим утверждением, а каждый десятый затруднился с ответом)²⁰. Такие результаты социологических исследований могут свидетельствовать о том, что российские интернет-пользователи одобряют действия правоохранительных органов и спецслужб, в том числе связанные с получением доступа к их личной информации во имя безопасности, либо не видят в этом существенных угроз для своей приватности. Возможно, сказывается и то, что значительное число интернет-пользователей (по данным некоторых исследований – до 84 %) демонстрируют цифровой пессимизм: они «чувствуют бессилие перед возрастающими рисками утраты контроля над их данными в сети»²¹. Во всяком случае действия государственных органов по контролю интернет-пользователей обретают в глазах россиян легитимность. Несмотря на высказанное выше предложение законодательно закрепить гарантии недопустимости массового цифрового слежения, следует констатировать, что в российском обществе устойчивый запрос на изменение законодательного регулирования в этой части в настоящее время не сформирован.

Если доступ государства к цифровым следам человека еще можно объяснить интересами национальной безопасности, то произвольное использование цифровых следов коммерческими организациями в собственных целях вряд ли может иметь убедительное юридическое обоснование. Владельцы крупных интернет-сервисов обладают технической возможностью контролировать действия своих пользователей, сопоставимой с возможностями государств. Администрации маркетплейсов и торговых сетей знают о заказах и поисковых запросах покупателей, владельцы социальных сетей – об интересах пользователей и о связях между ними, а поставщикам услуг электронной почты и сервисов коротких сообщений доступна информация из переписки пользователей. Так, еще в 2015 г. в ходе рассмотрения одного из дел Московским городским судом было установлено, что ООО «Гугл» – российское юридическое лицо компании *Google* – «проводит мониторинг в том числе электронных писем» с целью размещения контекстной рекламы на страницах электронной почты *Gmail* исходя из содержания писем конкретного пользователя. Суд посчитал такие действия нарушающими ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, гарантирующей право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений²².

В отличие от государств, которые могут законодательно требовать предоставления им доступа к цифровым следам интернет-пользователей

²⁰ Готовы ли пользователи рунета делиться персональными данными? URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (дата обращения: 20.05.2024).

²¹ Там же.

²² Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2015 г. по делу № 33-30344. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/0715f6a5-4062-4baa-a7c2-45a4c178f4e0> (дата обращения: 20.05.2024).

в публичных интересах, администрации интернет-сервисов получают право обрабатывать оставленные пользователями данные только с их согласия, в том числе на условиях, указанных в пользовательских соглашениях и политиках конфиденциальности. В литературе, однако, справедливо критикуется институт информированного согласия с точки зрения его способности защитить данные о пользователях в эпоху «больших данных». Как отмечает А.И. Савельев, в момент получения согласия невозможно представить исчерпывающий объем информации о возможных способах и целях обработки данных, сам же субъект, дающий согласие, не всегда может адекватно воспринять информацию (Савельев 2015: 55). К тому же около половины пользователей вообще не читают юридические документы, размещаемые на сайтах, в том числе политики конфиденциальности, еще 8% не знают о существовании таких документов (Назаров 2022: 99). Поэтому согласие на деле оказывается не таким уж «информированным». Скорее оно представляет собой рутинную процедуру, осуществляемую пользователем, который понимает, что для достижения результата (регистрации на сайте, активации приложения, оформления заказа в интернет-магазине и т.д.) он вынужден такое согласие дать.

С учетом возможности мгновенного тиражирования и передачи данных и существования огромного множества организаций, осуществляющих сбор, передачу и обработку персональной информации, индивид не способен взаимодействовать с каждой из них и отслеживать использование ею оставленных им когда-то цифровых следов. Даже если цели и способы обработки предоставляемой пользователем информации определены в пользовательском соглашении или политике конфиденциальности и не предполагают передачу полученных данных третьим лицам, на практике проследить дальнейшее движение цифровых следов, в том числе их попадание к другим лицам или использование за рамками первоначально очерченных целей, практически невозможно. Этим часто пользуются поставщики различных электронных услуг, предоставляющие имеющиеся у них пользовательские данные банкам и другим организациям, а также осуществляющие обработку имеющихся у них цифровых следов для решения собственных коммерческих задач, в том числе для продвижения своих услуг и позиционирования на рынке.

Примеры подобного использования цифровых следов нашли подтверждение в судебной практике. Например, в решении по делу А40-14902/2016 арбитражным судом было установлено, что интернет-провайдер предоставлял технические данные о пользовательских устройствах и сведения о просматриваемых активными пользователями веб-страницах (“clickflaw”) организациям-партнерам без согласия пользователей. А в деле А40-18827/2017 арбитражными судами рассматривался спор между администрацией социальной сети и правообладателем сервиса, осуществляющего автоматизированный сбор и анализ данных открытых аккаунтов пользователей этой социальной сети с целью последующего предоставления полученных результатов заинтересованным лицам, в том числе Национальному банку кредитных историй.

Одним из механизмов, позволяющих пользователям ограничить оборот связанной с ними информации в Интернете, является т.н. «право на забвение». Однако содержание данного права в России существенно отличается от того, как оно понимается, в частности, в Европейском союзе. Согласно ст. 17 GDPR под «правом на забвение» (*“right to be forgotten”*) понимается право субъекта персональных данных требовать от контроллера данных «незамедлительного удаления» персональных данных – например, при отзыве согласия на обработку или при исчерпании цели, с которой производилась обработка. Указанное право распространяется на любые сведения, относящиеся к субъекту данных, в том числе содержащиеся в цифровых следах. В России же закон «О персональных данных» не предусматривает права на удаление персональных данных в качестве самостоятельного права субъекта данных. В отдельных случаях закреплена лишь обязанность оператора прекратить обработку персональных данных – например, при отзыве субъектом согласия на обработку персональных данных, если при этом отсутствуют иные основания для их обработки, или при выявлении факта неправомерной обработки (ст. 21). «Правом на забвение» в России принято называть возможность лица требовать от оператора поисковой системы исключения из поисковой выдачи ссылок на интернет-страницы, содержащие неактуальную или недостоверную информацию о нем или распространяемую с нарушением закона (ч. 1 ст. 10.3 Закона об информации). Очевидно, что и содержание права, и механизм его осуществления, и правовые последствия здесь совсем иные. Удаления сведений о заявителе в данном случае не происходит: исключается лишь возможность поиска таких сведений, размещенных в открытом доступе, посредством поисковой системы. Сама же информация о лице остается доступной для использования (Карасев и др. 2019: 104-105).

Несмотря на периодически возникающие споры, связанные с неправомерной обработкой цифровых следов человека частными субъектами, отечественное законодательное регулирование в этой сфере остается крайне фрагментарным и распространяется в основном лишь на те сведения, которые относятся к персональным данным. Законодательной новеллой стало появление в Законе об информации статьи 10.2-2 (введена Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 408-ФЗ), регулирующей отношения по использованию т.н. рекомендательных технологий. В основе рекомендательных технологий лежат инструменты предикативной аналитики, позволяющей прогнозировать посредством интеллектуального анализа данных поведение субъекта на основе анализа его предыдущих действий, а также поведения других субъектов со схожими характеристиками (Рувинский 2023: 129). Если на интернет-сайте используются рекомендательные технологии (например, на маркетплейсах, предлагающих покупателю «рекомендуемые товары», или на новостных агрегаторах, формирующих подборку новостей для конкретного пользователя), владелец сайта должен предупредить об этом пользователя, проинформировав его о том, какие сведения берутся для формирования индивидуальных рекомендаций и какие методы и процессы сбора и обработки этих сведений применяются. Впрочем, закон

не предусматривает права пользователя отказаться от использования в отношении него рекомендательных технологий или запретить обрабатывать те или иные сведения о нем. Вероятно, цифровые следы – слишком ценная для бизнеса и государства информация, чтобы позволить индивиду выбирать по своему усмотрению – делиться ею или нет.

Заключение. Цифровые следы как явление, обусловленное цифровизацией общества и развитием технологий «больших данных», открыли широкие возможности для государств и коммерческих структур «подсмотреть» за частной жизнью каждого индивида и использовать полученную информацию для решения собственных задач. Чем активнее пользуются граждане интернет-сервисами, чем глубже проникают информационные технологии в повседневную жизнь каждого человека, тем больше остается цифровых следов. И тем сильнее соблазн увидеть то, на что прежде смотреть не дозволялось. При всем многообразии цифровых следов человека и различиях в правовом режиме их отдельных разновидностей потребность в защите неприкосновенности частной жизни человека обуславливает необходимость взглянуть на них как на целостное явление, требующее согласованного механизма законодательного регулирования.

В литературе высказываются в целом справедливые суждения, что в цифровой век приватность, а тем более анонимность становятся во многом относительными (Кузнецова 2020; Назаров 2022). Отчасти это действительно так: частная жизнь человека в цифровом мире не станет снова такой, какой она была до появления Интернета. Однако ни цифровизация общества, ни стремление государств и частных структур использовать ее преимущества не должны нивелировать ценность естественных прав человека, в том числе на сохранение определенной степени приватности. В цифровом мире неприкосновенность частной жизни становится уязвимой как никогда ранее: жизнедеятельность каждого человека, его поступки, интересы, пристрастия, отношения, взгляды, убеждения и даже мысли могут быть раскрыты, проанализированы и оценены по оставленным им цифровым следам. Причем многие цифровые следы оставляются неосознанно или случайно; иногда оставление цифрового следа является вынужденным – например при получении государственной услуги в электронной форме, при обращении в банк или при покупке билета на поезд или самолет. На основе данных, полученных из цифровых следов, может быть смоделирован «цифровой двойник» человека, его «цифровая тень». Посредством систем интеллектуального анализа данных может быть спрогнозировано его поведение, а рекомендательные технологии определяют его дальнейшие поступки. В результате человек в определенном смысле перестает принадлежать себе, а его частную жизнь уже нельзя назвать в полной мере «частной».

Задача законодательного регулирования состоит в том, чтобы сохранить ценность частной жизни и установить справедливые гарантии охраны ее неприкосновенности. В цифровом мире сделать это крайне нелегко: пока ни одно государство не создало удовлетворительного правового механизма, который в достаточной степени охранял бы частную жизнь индивидов

от постороннего вторжения в условиях новой реальности. Вероятно, первым шагом к установлению справедливого баланса должно быть признание того, что любой цифровой след человека является источником информации о его частной жизни. Из этой презумпции должно исходить правовое регулирование сбора, хранения, передачи и использования всех цифровых данных, так или иначе связанных с личностью. Эту же презумпцию должны использовать суды при рассмотрении споров, связанных с обработкой цифровых следов.

В целях сохранения определенной степени контроля индивида над своей приватностью представляется необходимым, чтобы владельцы интернет-сайтов не просто информировали пользователей о сборе технической информации посредством «куки»-файлов или об использовании рекомендательных технологий, а предоставляли бы им возможность отказаться от сообщения тех или иных сведений или в целом от применения инструментов цифрового профилирования. Одновременно следует кратко повысить размеры штрафов для владельцев крупных интернет-сервисов в случае утечки пользовательских данных или их незаконной передачи другим лицам. В настоящее время негативные финансовые последствия утечек несопоставимо мизерные в сравнении с теми доходами, которые интернет-гиганты получают от использования цифровых следов.

Значительно более деликатным является вопрос о пределах доступа государства к цифровым следам, оставленным своими гражданами – как в Интернете, так и при взаимодействии с другими компьютерными сетями и информационными системами. Здесь сталкиваются разнонаправленные интересы: с одной стороны, интерес индивида в сохранении определенной степени приватности, с другой – публичный интерес, связанный с общественной потребностью в безопасности. В любом государстве органы, обеспечивающие безопасность, действуют на основе принципа конспирации и сочетают в своей работе методы гласного и негласного получения информации. Их деятельность по сбору и анализу цифровых следов граждан по понятным причинам, вероятно, никогда не станет полностью публичной и открытой. Однако это не должно влечь за собой вседозволенность и произвол, в том числе бесконтрольное массовое тайное слежение за гражданами. Поэтому правовое регулирование в этой сфере должно предусматривать механизмы подотчетности и контроля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Буйнов Д.О. 2023. Развитие научных подходов к понятию «цифровые следы» как объекта экспертного исследования // Законы России: опыт, анализ, практика. № 3. С. 17–22.

Виловатых А.В. 2020. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // Научный журнал «Дискурс-Пи». Т. 17, № 2. С. 149–164. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10210

Виноградова Е.В. и др. 2021. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова, А.В. Минбале-ев // Правоприменение. Т. 5, № 4. С. 5–19. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

Даниленко И.А., Васильев Н.В. 2020. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 10. С. 150–157. DOI 10.17803/2311-5998.2020.74.10.150-157

Дупан (Гутникова) А.С. (ред.) 2016. Новая парадигма защиты и управления персональными данными в Российской Федерации и зарубежных странах в условиях развития систем обработки данных в сети Интернет / под ред. А.С. Дупан (Гутниковой). Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 344 с.

Жарова А.К. 2016. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. № 1. С. 61–67.

Иванова К.А. 2020. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. Т. 15, № 9. С. 32–38. DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.032-038

Карасев А.Т. и др. 2019. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягина // Антиномии. Т. 19, № 3. С. 99–119. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10016

Кузнецова С.С. 2020. Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. № 5. С. 33–41. DOI 10.34076/2410-2709-2020-5-33-41

Лазарева Л.В. 2023. Цифровые следы: понятие, нормативное регулирование, исследование // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. № 3. С. 129–136. DOI 10.54217/2411-1627.2023.41.3.015

Назаров М.М. 2022. Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернета // Вестник Института социологии. Т. 13, № 3. С. 87–107. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.832

Романовский Г.Б. 2001. Право на неприкосновенность частной жизни. Москва : МЗ-Пресс. 312 с.

Ромашов П.А. 2019. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. № 2. С. 103–118.

Рувинский Р.З. 2023. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. Т. 23, № 1. С. 123–147. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_123

Савельев А.И. 2015. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 43–66.

Талапина Э.В. 2018. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 13, № 5. С. 117–150.

Фатьянов А.А. 2008. Воля как правовая категория // Государство и право. № 4. С. 5–12.

Черданцев А.Ю. 2019. Цифровые следы как криминалистический феномен // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. № 4. С. 178–180.

Watt E. 2017. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance // The International Journal of Human Rights. Vol. 21, № 7. P. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091

Westerlund M. et al. 2021. The Acceptance of Digital Surveillance in an Age of Big Data / M. Westerlund, D.A. Isabelle, S. Leminen // *Technology Innovation Management Review*. Vol. 11, iss. 3. P. 32–44.

References

Buinov D.O. Advancement of Scientific Approaches to Definition “Digital Footprints” as an Object of Forensic Investigation, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2023, no. 3, pp. 17–22. (in Russ.).

Cherdantsev A.Y. Digital Traces as a Criminalistic Phenomenon, *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii*, 2019, no. 4, pp. 178–180. (in Russ.).

Danilenko I.A., Vasiliev N.V. Compliance with the constitutional rights of an individual to privacy, personal and family secrets, secrecy of correspondence, postal, telegraph and other messages when examining a mobile device (Russian and foreign experience), *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 10, pp. 150–157. DOI 10.17803/2311-5998.2020.74.10.150-157 (in Russ.).

Dupan (Gutnikova) A.S. (ed.) *Novaya paradigma zashchity i upravleniya personal'nymi dannymi v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh v usloviyakh razvitiya sistem obrabotki dannykh v seti Internet* [A new paradigm of personal data protection and management in the Russian Federation and foreign countries in the context of the development of data processing systems on the Internet], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 344 p. (in Russ.).

Fatyanov A.A. *Volya kak pravovaya kategoriya* [Will as a legal category], *State and Law*, 2008, no. 4, pp. 5–12. (in Russ.).

Ivanova K.A. Citizens' Right to Protection of Geolocation and Privacy on the Internet, *Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 9, pp. 32–38. DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.032-038 (in Russ.).

Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Misuragina V.A. Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation, *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 99–119. DOI 10.24411/2686-7206-2019-10016 (in Russ.).

Kuznetsova S.S. The right to anonymity on the Internet: current issues of implementation and protection, *Russian law: education, practice, research*, 2020, no. 5, pp. 33–41. DOI 10.34076/2410-2709-2020-5-33-41 (in Russ.).

Lazareva L.V. Digital Footprints: Concept, Regulation, Research, *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniia*, 2023, no. 3, pp. 129–136. DOI 10.54217/2411-1627.2023.41.3.015 (in Russ.).

Nazarov M.M. Online Privacy and Digital Submission: A Study of the Internet Audience, *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 87–107. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.832 (in Russ.).

Romanovsky G.B. *Pravo na neprikosnovennost' chastnoy zhizni* [The right to privacy], Moscow, MZ-Press, 2001, 312 p. (in Russ.).

Romashov P.A. Privacy Issues in the Digital Age, *Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 103–118. (in Russ.).

Ruvinsky R.Z. Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 123–147. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_123 (in Russ.).

Savelyev A.I. The Issues of Implementing Legislation on Personal Data in the Era of Big Data, *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 1, pp. 43–66. (in Russ.).

Talapina E.V. Personal Data Protection in the Digital Age: Russian Law in the European Context, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 117–150. (in Russ.).

Vilovatykh A.V. Manipulation of Social Behavior Under the Digitalization of Social Environment, *Discourse-P*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 149–164. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10210 (in Russ.).

Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulatory mechanisms and problems of implementation, *Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 5–19. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19 (in Russ.).

Watt E. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance, *The International Journal of Human Rights*, 2017, vol. 21, no. 7, pp. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091

Westerlund M., Isabelle D.A., Leminen S. The Acceptance of Digital Surveillance in an Age of Big Data, *Technology Innovation Management Review*, 2021, vol. 11, iss. 3, pp. 32–44.

Zharova A.K. The Relation of Personal Data with the IP Address. A Study Russian's and Foreign Experience, *Journal of the Ural Federal District. Information Security*, 2016, no. 1, pp. 61–67. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артур Николаевич Мочалов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0003-2502-559X;
ResearcherID: S-3195-2016;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur N. Mochalov

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0003-2502-559X;
ResearcherID: S-3195-2016;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Книжная полка

**новые книги сотрудников
Института философии и права УрО РАН**

Shared Shelf **new books by staff, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS**

Алексеев С.С. Возвышение права / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2024. 800 с. (Научный проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век») ISBN 978-5-8339-0264-6.

В книгу вошли избранные труды основателя Института философии и права УрО РАН, доктора юридической наук, члена-корреспондента РАН С.С. Алексеева (1924-2013) – выдающегося ученого и организатора науки, правоведа, философа, государственного деятеля, в том числе фундаментальная монография «Восхождение к праву. Поиски и решения» и научные мемуары «Свобода ценою в жизнь». В развернутых вступительных статьях прослеживается биография С.С. Алексеева, дается оценка его вклада в науку, комментируются вошедшие в том произведения.

Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права : сб. науч. трудов по итогам Первой Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С.С. Алексеева (Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.) / гл. ред. В.Н. Руденко; УрО РАН, ИФиП УрО РАН, ИГП РАН. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН, 2024. 240 с. ISBN 978-5-6043262-1-3.

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Первой Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (г. Екатеринбург, 14 ноября 2024 г.). В трудах авторов сборника разработаны различные теоретико-методологические аспекты совершенствования общегражданского российского нарратива, формирования консолидирующей идентичности, исторического и культурного единства российской нации. Особое внимание уделено вопросам трансформации российской историографической модели политико-правовых знаний и апробации результатов ис-

следования конституционно-правовых и ценностно-институциональных механизмов, обеспечивающих воспроизводство и сплочение российской нации в условиях вызовов многополярного мира. Издание содержит научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций в сфере публичного права, философии права, политических наук и историографии наук об обществе.

Philosophical Reflection on Historiographical and Prospective Tasks of Contemporary Public Law: Collection of Scientific Papers Based on the Outcomes of the First International Scientific Conference to Mark the Centenary of Sergei S. Alexeev (Ekaterinburg, 14 November 2024) / Editor-in-Chief V.N. Rudenko; Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 208 p. ISBN 978-5-6043262-0-6.

This collection of scientific papers is prepared in light of the First International Scientific Conference «Philosophical Reflection on Historiographical and Prospective Tasks of Contemporary Public Law» (Ekaterinburg, November 14, 2024). The contributions within this volume explore various theoretical and methodological aspects aimed at enriching the civil narrative in Russia, forming a unifying identity, and promoting historical and cultural cohesion among the Russian nation. Special attention is given to the transformation of the Russian historiographical model of political and legal knowledge, as well as the validation of findings related to constitutional, legal and value-based institutional mechanisms that facilitate the reproduction and cohesion of the Russian nation amidst the challenges posed by a multipolar world. The collection also offers academic and practical recommendations for specialists, federal, state, and municipal legislative and executive authorities, and other institutions and organizations engaged in the fields of public law, philosophy of law, political science, and historiography of social sciences.

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются в разных системах на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм (ключевая – Advego; рекомендуемый уровень оригинальности с учетом рерайта – не ниже 80%/65%). В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть закавыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя, отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID; ResearcherID (при наличии); Scopus AuthorID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и так далее оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish. Manuscripts submitted to the editorial office are evaluated using various plagiarism detection systems, with the key system being Advego. A manuscript may be rejected if its originality level is below 80%, or below 65% when accounting for rewriting (according to Advego).

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID; ResearcherID (if any); Scopus AuthorID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 24

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственный за выпуск
В.С. Мартьянов

Редактор *Т.А. Бессонова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Дата выхода в свет: 28.12.2024.
Формат 70x100/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,7 Уч.-изд. л. 13,8
Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.